
B E H E P A
AEYOFIN

ΒΕΗΕΡΑ

ΑΕΥΟΓΙΝ

Aeyofin.
Венера [Электронный текст] / Aeyofin. — СПб, 2023. — 296 с. 18+

«Венера» — это философский роман о молодых людях, оказавшихся на стыке исторических эпох и вынужденных испытывать на себе трансформацию культуры. Это текст о юности и о прощании с ней, о (не)любви, о заблуждениях, ошибках и раскаянии в них, о поиске себя настоящего и потере этого себя, о попытке найти непреходящий смысл существования и о разочаровании в преходящем, о жизни во всем своем цветении и смерти как итоговом вопросе. «Венера» — это попытка заглянуть за границы посредством обращения внимания на свободное от них.

© Aeyofin, текст, 2023.
© Aeyofin, оформление, 2023.

ПРЕДИСЛОВНАЯ СПРАВКА

Венера — внутренняя планета Солнечной системы, вторая по удаленности от Солнца после Меркурия, шестая по размеру. Получила свое название в честь римской богини. У шумеров это небесное светило носило имя Инанны, богини плотской любви, плодородия и физической красоты. В Центральной Америке Венера считалась младшим братом Солнца и ассоциировалась с могучим воином, защищающим мир.

…На далекой звезде Венере
Солнце пламенней и золотистей…

В ночном небе Венера представляет собой третье по яркости небесное тело после Солнца и Луны. Максимальной видимости эта планета достигает незадолго до восхода или чуть позже захода Солнца.

…На Венере, ах, на Венере
У деревьев синие листья…

Венеру часто называют «двойником» Земли. Планеты обладают примерно одинаковыми размерами (радиус Венеры — 6052 км / 0,949 х Земля; масса — 4,867 х 10^{24} кг / 0,815 х Земля), находятся на соизмеримом расстоянии от Солнца (расстояние Венеры от Солнца — 0,72 а.е.), сходны по составу геологических пород и были сформированы, как полагают ученые, приблизительно в одно и то же время.

…Всюду вольные звонкие воды,
Реки, гейзеры, водопады…

Однако если Земля в своем пути эволюции пошла по «дороге жизни», то Венера, наоборот, несмотря на предполагаемое наличие воды миллиарды лет назад, превратилась в безжизненный раскаленный мир, похожий на то, что в иудаизме и христианстве называется геенной огненной. Предполагается, что нынешнее состояние Венеры во многом результат возникшего вследствие увеличения яркости Солнца парникового эффекта, а также слабости магнитного поля, оказавшегося не способным защитить планету от солнечного ветра, который уносит в космос расщепленные молекулы воды из верхних слоев атмосферы (открытой в 1761 году М. В. Ломоносовым; самой плотной среди прочих землеподобных планет).

…На Венере, ах, на Венере
Нету слов обидных или властных…

Поверхность Венеры скрыта от глаз чрезвычайно толстым слоем облаков (толщина — 19 км), состоящих из серной кислоты. В связи с этим вплоть до второй половины XX века ученые могли только догадываться о том, что представляет собой ландшафт планеты. Космические экспедиции, организованные СССР, США и Японией во второй половине XX-начале XXI вв., позволили установить, что поверхность Венеры содержит следы вулканической деятельности. Большая часть венерианской коры относительно молода, что вкупе с толщиной, превышающей земную в два раза, отсутствием движения тектонических плит говорит о случившейся глобальной катастрофе — всплеске вулканической активности, объясняемый «перегреванием» планеты и необходимостью высвободить часть накопившейся внутри мантии энергии.

…На Венере, ах, на Венере
Нету смерти терпкой и душной…

Несмотря на чрезвычайно медленное вращение (продолжительность суток на Венере — 243 земных / 2802 ч, тогда как продолжительность года — 224,7 земных суток), на Венере фиксируются несоизмеримые с земными скорости ветров (80000 км/ч — явление суперротации), что исследователи пытаются объяснить с помощью скапливающейся в облаках солнечной энергии. На полюсах планеты обнаруживаются

также вызывающие дискуссии вихри-ураганы шириной 2 км и глубиной 20 км.

…Если умирают на Венере —
Превращаются в пар воздушный…

Однако, несмотря на все «недружелюбие» Венеры, в верхних слоях атмосферы (на высоте 50 км от поверхности) зафиксированы благоприятные для жизни показатели температуры и давления, что подтолкнуло ученых к разработке проектов высотного размещения на Венере и создания постоянной орбитальной станции. Здесь же, в облаках планеты, были зафиксированы очаги активного поглощения ультрафиолетового излучения, что может свидетельствовать о наличии живых организмов, способных существовать в экстремальных условиях.

…И блуждают золотые дымы
В синих, синих вечерних кущах
Иль, как радостные пилигримы,
Навещают еще живущих.

Что выше, любовь или история любви?
Ах, все «истории любви» все-таки не стоят кусочка «сейчас любви».
Я теперь пишу «историю», потому что счастье мое прошло.

— Василий Розанов (из книги «Опавшие листья»)

Это было солнце. И много зелени за стеклом. Огромная, холмистая, дымчатая, бархатная, зеленая масса с прорезями для сверкающего солнца, солнца, лучи которого бросались прямо в руку. На ветру. Прямо в подставленную ладонь, искрящуюся всполохами света и пропастями тени. Воздух проскальзывал между пальцами, стекал ниже к запястью, спрыгивал в пространство несущегося автобуса и охватывал лицо своей прохладой. Волосы взмывали вверх, разлетались в стороны, падали на лоб, лезли в глаза и вновь уносились прочь. Она вдыхала ветер и чувствовала запах леса, влажный, терпкий, переливающийся сладостью и кислотой. Она щурилась и улыбалась.

Стоя на сидении, Ада оглядывалась на маму. Красивую, длинноволосую маму с добрыми голубыми глазами, которая придерживала ее за руку. Та широко улыбалась, наклонялась к ее щеке и одаривала влажным, теплым поцелуем, который медленно таял, словно мороженое, отдавая свою сладостную свежесть. И было не страшно так стоять на сидении, ловить лицом ветер и высовывать руку за окно, чтобы потрогать движение. Это была жизнь.

***

это музыка, последнее слово — у нас с тобой мало времени, едва, чуть-чуть, на кончике твоих ресниц, пока зияние не ушло — я шепчу это громко, но в шуме не слышно, наверное — черный — тебе кажется, что лишь только он своим теплом убаюкивает — я знаю, каково это — шероховатая поверхность уходит бархатом в сизую ночь, стремится взмыть перелетной птицей, прощаясь с землей — я, конечно, понимаю, что говоримое мной непонятно, запутано, но содержание требует слома, поэтому я ломаю, извини, прости меня за это — все лишь потому, что говорить я хочу о невыразимом, на языке, который для того не создан — поэтому это скрежетание, прости — ты слышишь, как в рельсах поют ангелы? если закроешь глаза и прислуша-

ешься, то… вот увидишь: нет песни краснее — взывает, раскалывая, расщепляя этот треск — ведь, если ты не знаешь, поезда прорезают жизнь — тебе лишь кажется, что они подчинены земным измерениям — это поток света, и сейчас ты сливаешься с ним — весь мир в глазах твоих — они мчатся через всю вселенную, эти поезда, в них даже можно коснуться ее — скрежещет, ломается, изнывает, корчится, воет и визжит квадратная явь, покрываясь выбоинами и белыми подтеками — материя родилась из пустоты, чтобы спеть эту песню, чтобы выразить себя, если угодно, сказать слово — она поет, но не так, как тебе кажется — она поет — умирая — расщепляющиеся грани металла в жарком непредотвратимом соприкосновении рождают пламя и поют — все начинается, чтобы завершиться, но ничто не исчезает моментально и полностью, как говорил великий человек — черная ткань, ночное покрывало набухает и пульсирует — сколько ты сможешь насчитать ударов? однако это обман, потому что там алые цветы — на поле у реки — и кружится пух над волосами — жизнь, оканчиваясь, превращается в музыку — это бабочка, обращенная к вечному — нам не дано слушать и вкушать того, что не создано для смертных — падают листья, как песок в часах, а в камнях среди потоков запутался розовый человечек — что-то губы шепчут в темноте — падают одинокие клавиши пианино в саду, как водопад с горных вершин — кто мы есть? и где границы? кто-то здесь есть? я вижу золотые кудри, сияющие в темноте — душа, распетая по саду, в качающихся яблонях — она для того здесь, чтобы вырваться — трепещут перья, черное тепло — да-да, точно — теперь вспомнил — под взмахом я вижу лицо — лицо, скроенное из тумана, слагаемое в стихи, забытое и неизвестное, которое смотрит из ничто лет — теряется нить, разлетаются ленты, кажется, их уносят те кони, что мчатся по звездному склону дороги, что шумит подо мной — оставь всех этих дураков, прошу, лишь на мгновение, и послушай — я прошу лишь об одном — моих слов, моей речи, несуществующей, которая забудется, истает, когда дыра закрытых глаз сомкнется — всего этого мало, чтобы сохранить и передать — но я прошу… попробуй услышать эту любовь, нет, жизнь, ведь вся любовь есть ускользающая жизнь, жизнь, не созданная для жизни —

***

Ада выключила будильник во второй раз. Ей хотелось спать. Во сне было тепло, светло, спокойно. Открытые глаза же несли с собой только темноту и ворох скомканных воспоминаний о суете. Тяжелое, отчаянное нежелание несло ее обратно в сон, как в кокон. За умолкнувшим сигналом и погасшим экраном следовало блаженное спокойствие. Иллюзия реальности рассеивалась за закрытыми глазами.

Но едва разум растекся в сладостной дремоте, будильник восстал снова. Уже потянувшись за ним с целью отключить в очередной раз, Ада услышала голос:

— И сколько еще раз?

Мгновенно вернулось сознание. Рука сна разжалась, и Ада выскользнула из нее.

Это был Фил. Он стоял посреди светового пятна в рамке дверного проема. Они вместе вставали на работу. Всегда пробуждаясь раньше ее, он готовил завтрак и потом занудствовал по поводу ее страсти поспать подольше.

Свет из прихожей отдавал холодом, и Ада усиленно жмурилась, стараясь изгнать его из своего поля зрения. В конце концов отвернувшись, она легла на спину и запрокинула голову назад, направив взгляд в потолок, по которому проходила тонкая трещина.

Было серо и холодно в комнате. И казалось, будто никого и не было здесь, среди голых стен. Ни его, ни ее. Ада представила на миг, что это дореволюционная квартира, затерянная где-то в двадцатом веке вместе со своими высокими сумеречными потолками. Ей подумалось, что она могла бы быть в ней призраком. Очень даже милым призраком. И дружить с Анной Ахматовой, например…

— Ты меня слышишь?

— Да, Филипп, — недовольно отозвалась Ада, отвлекаясь от своих бессмысленных рассуждений.

— Как же холодно, — пробурчала она, надевая халат и поправляя кудрявые волосы.

Ей не нравилось здесь находиться. Особенно ей не нравилась кухня, утренняя кухня, в которой все напоминало о том, что нужно проживать день заново, выполнять список дел из стандартного количества задач,

быть хорошей девочкой и сверх того пытаться исправлять уже допущенные ошибки. Особенно ошибки вводили ее в отчаяние, потому что она не знала, что с ними делать и как уменьшить их количество… «Вот и узнаем», — съязвила про себя Ада.

Она сразу же выключила «верхний» свет и зажгла маленькую лампу на столе, которая, пуская блики на стены, стояла тут как раз для таких будничных пробуждений, а также для вечерних разговоров в клубах кальянного пара.

На столе уже пылали жаром тосты с сыром и помидорами.

— Спасибо, — проговорила Ада, слегка улыбнувшись и пожав его руку.

Он ушел. Пока Фил умывался, она сварила кофе и села завтракать.

По его возвращении они сидели молча. Ада, отпивающая горячий черный кофе и хрустящая тостом. Он, в черном костюме, молчащий как всегда, безликий. Смотрел на нее. Она — на него в ответ или в стену. Обменивались парой слов. В какой-то момент он вставал, прощался, целовал ее украдкой и исчезал в коридоре.

Ада доедала свой завтрак в одиночестве, умывалась, красилась, в спешке одевалась и в отчаянии от грозившего ей опоздания вызывала такси, за что сразу же обвиняла себя. Выбегала за порог. Дверь за ней захлопывалась, втягивая в пустоту прихожую, кухню, спальню — ее квартиру.

На улице был ноябрь. Морозная пленка покрывала асфальт. От этого он казался высушенным, запыленным, словно в знойный летний день. Дышать было приятно, но в утреннем холоде растекалось что-то вызывавшее в Аде острую тоску. Тоску каких-то прощаний, дорог, вокзалов, одиночества и, бог знает, чего еще. Аде очень хотелось вернуться домой, и изо дня в день она сдерживала себя, чтобы не убежать из этого синего царства обратно в свою постель, чтобы уснуть и спать, спать, спать… Гораздо лучше было, когда Фил выходил вместе с ней. Это случалось тогда, когда она просыпалась вовремя. Но даже его присутствие не всегда спасало от утренней хандры. Иногда, наоборот, усугубляло ее.

Тяжесть реальности по утрам была невыносима. В начале дня у нее не было сил противостоять ей.

В глухом салоне такси она надевала наушники и слушала музыку, наблюдая за тем, как уныло и бессмысленно протекают за окном улицы, перекрестки, дома, люди. Мысли не посещали ее в это время. Эта треть часа ей воспринималась как еще одна пауза для тишины, хоть таковой и оказывался трек-лист в Spotify. Мерзкое чувство, охватывавшее Аду в момент пробуждения, рассеивалось медленно, и, пока оно господствовало, необходимо было как-то изолироваться от него.

В конце концов одиссея завершалась, и Ада вновь оказывалась перед светящейся пластиковой громадой здания на пустом, вырезанном фоне.

***

нет, не говори мне такого, я совершенно не хочу ничего слышать… я умолкаю, как телеграфист — прием — прием — снова блики, шум — ярость в потоках красного сухоцвета — поезд несется в темноте — есть ли кто-то здесь еще? движение всегда имеет орнамент, оно словно на славянских рубахах, может окрашиваться так же, как буквы, только кажущиеся черными, на этих, по их мнению, белых страницах — листы умеют сиять, переливаются, а иногда ослепляют, как солнце, на этом южном балконе за сквозь заляпанное краской стекло становится жарко, томно — извиваюсь, как лев, но почему не как ящерица? стекает по спине капелька пота — она очень похожа на воду и способна вместить весь мир, этим она похожа на палитру, которая валяется где-то под диваном — ее оставила, но что за белое лицо с сиреневыми бликами? он, этот мир, точнехонько влетает в одно ухо, растекается по телу волной и выскальзывает из другого — ускользает кошкой — весь я прохожу сквозь рельсы — мне иногда кажется, что я поток — я вьюсь, разливаюсь, как фонтаны очень красивы в солнечном свете — я люблю радугу — она не собирается и не раскладывается — она будто легкая, но твердая, несдвигаемая — высокомерный инопланетянин на суетной планете — у него пластмассовая зеленая кожа — разве она называется кожей, дурак? мелькает линия, орнамент музыкальных облаков — пушатся, как сладкая вата, когда ее покупал тот бегемот — расщепление — все люди — это силуэт из светлого пятна с запутавшимися нитями глубокой черной краски — яркое пятно лишь добавляет контраста — а полотно придает им шероховатой простоты — нет ничего заман-

чивее белого холста — руки устают от скреп — больно, когда рамки занозят — но дерево пахнет острыми углами, а надписи на планшетах — готовый продукт концептуализма — это исправляет ситуацию, вставляет мозги на место — мне кажется, это правда, что они похожи на виноград — если бы у меня был красивый почерк, я бы точно стал писателем, а лучше поэтом — мама всегда хотела, чтобы я стал поэтом или живописцем — она мечтала, чтобы я писал иконы — они смотрят со стен: все в золоте и лазури — пахнет сырым камнем и выкорчеванным мхом — лики над — строгие и длинные — византийские, круглые и пластичные — новгородские — когда это было и что есть когда? ладан пахнет глубиной — вода омывает лицо и укрощает головную боль — свет льется ручьями, пока бабушка шепчет что-то, сгорбленная и серая, как леший среди ветвей, в чаще на закате, когда холодно, зябко и бережно — в дыме свежий голубой особенно холоден: он растекается и уносится потоком ручья, который стремился впасть в оку с зелеными берегами — остров возвышается над водой, он оторван и отшельникоподобен — я там не был, это странно — его кроны похожи на зеленые пепелища под сгоранием моста, а голос — на одинокий зной — а в вагоне душно — совсем расщепило на кресле — вечером, когда наступает мгла, в вагонах обычно никого нет — спокойно, еще сложнее собраться воедино, потому что за стеклом мир превращается в апельсиновую шипучку — под нахлобученной шапкой сосешь взрывающуюся конфету, пока мама покупает багет в московском прилавке — горячая толстая корка с ватой внутри — идет парень в драных джинсах — удивление — “мама, смотри!” — кажется, тонешь — все словно вода — прохладная сияющая вода, в которой ничего без очков не различить по-настоящему —

***

Нечего и говорить о нем… Из полумрака вестибюля он спускался вниз. Постепенно формируясь, касаясь пальцев резиновых поручней, скользивших за движением ступеней и постоянно отставáвших, отпуская — отталкиваясь от этой только что протертой податливой поверхности.

Андрей смотрел вниз, следя за своими-чужими ногами, которые скоро слетали со ступени на ступень. Безликие утренние пассажиры

глубокомысленно встречали его своими затылками и поверхностно-мысленно провожали невидимо-неинтересными глазами.

— Не бегите по эскалатору, — требовательный учительский голос. — Бежать по эскалатору небезопасно!

Да, конечно. А эти встали на дороге — для них небезопасно — вата в голове. От этого все проблемы: вата…

— Извините, — вежливо и требовательно.

Андрей просочился и полился дальше.

Вынесенный (не)праведным гневом на станцию, он быстро нагнал отвлекшийся на привале поезд и оседлал его, ворвавшись в закрывающееся жерло.

Поезд дернулся и с бешено-запуганным ревом рванулся с места в тоннель.

Андрей прислонился к двери, вытянул книгу из кармана огромной мешкоподобной куртки ~~— доставая из широких штанин —~~ раскрыл, вынув закладку с утренней звездой на черном фоне и сосредоточился на чтении.

Свет здесь был мутно-желтый. От него запачканное грязными ботинками синее, как эта ветка ~~дерева~~ метро, звездное небо на полу вагона выглядело еще более промозгло и рвотоподобно ~~кашицей-кашицей растекается~~. На его фоне ярко-зеленые носки в коричневых ботинках выглядели улыбчиво и дружелюбно. ~~Дружно улыбаемся и машем!~~ Хотя все же даже на них разбитое на две остроконечные половинки розовое сердечко разлеталось в разные стороны и явно было потеряно владельцем. Вот так совершенно другой формы сердце в пятки уходит. У китайцев тоже чувства сердцем расцветают…

Читать тяжело, потому что больше нет смысла в размышлениях Пруста о том, как хорошо бы быть частью *этой* аристократии. Все это не страницы, а вода, непозволительная для нынешнего зрителя-читателяслушателя. Стрелка взгляда улетает в сторону и падает на *их* лица.

Все они желтые, с грязно-зелеными складками и пустыми глазами, как посмертные маски. В обряд загнать всех и сжечь для очищения! Они даже что-то читают. Дня не проходит, чтобы где-то не мелькнул Оруэлл, который потерялся-забылся-вспомнился — и все зря, потому

что поздно и безнадежно… «Как стать счастливым» — читает бабушка с безгранично-веселым лицом какого-то советского истукана. Ожил красный демон с золотыми инструментами! Заколосились сельскохозяйственные культуры! Зажужжали заржавевшие двигатели, собираясь вновь рыть котлован для могилы бедной Насти. Вставай, страна огромная! И вновь Анна таскает передачки к уже пустым, ослепшим стенам Крестов… *Эх, эх, без Креста!*

Видели ли они себя в зеркале? Противные с пугливыми глазищами. Толстая растрескавшаяся кожа затасканной куртки, грязные синие джинсы под проливной дождь на широкорасставленных ляжках, повисшие псиные щеки и массивные пальцы рук, закуренные и захарканные под чернилами бездомного труда. Ореол матерного молчания и довольная сытость на фоне нравственного сна — ~~наевся и спит~~. А тут у нас безмятежная павлинья осанка и губки, собранные в узелок (странник возьмет и побредет с ним в далекий Мордор), презрительные тонкие пальчики на новенькой маленькой сумочке, покоящейся на норке, купленной десять лет назад, но все еще выглядящей новенькой — наш предельный повод для гордости. Боже мой, у вас в усах капуста, а на лбу нерастертые белила из «Золотого яблока» — пелевинский миф о Геракле! Не задохнитесь! Хотя вы и не заметите…

Андрей поглядел на пассажиров пристально. Сердце усердно держало и даже ускоряло темп.

Никого ничего не волнует. Сейчас / месяц назад. Все так же весело и звонко изрыгает смех толпа, существовавшая раньше только как презрительная философская фантазия. А кажется, что происходит великое. Об этом кричать должны — стонать, как на похоронах… Где мои плакальщицы? Утешьте сердешко бедного пилигрима, странника в страну Востока — какая же мука — проезжать весь город каждый день, чтобы приблизиться к Дороге Жизни… Ничего не помнят.

Подходит нужная остановка — переход.

Рука в кармане, и сердце яростно стучит. Все остается как в первый раз, но *оно* важнее и сильнее тебя, потому что время пришло и требует. *Этот поезд в огне*, и мы *требуем перемен*! Даже сладостно от этой справедливости и решимости…

Андрей оперся на стекло. *Не прислоняться — Do not lean on door*. Какое же лицемерие все это…

Дверь открылась. Рука оторвалась. Впереди, на колонне, была огромная последняя буква в рыже-черных тонах. *Своих не бросаем*… Так же, как бегать небезопасно и прислоняться нельзя…

«МИР» — осталось на скрывшейся в небытии двери.

***

облака — алые облака, поют и тают, раскапываются и сливаются с тенью печального острова: многослойны и глубоки, прекрасны и всеохватны, неуловимы, как тонкий сонный вдох за щитом его груди — под тенью на закате, когда золото солнца слепило тебе в глаза, затирая дырки улыбающейся желтизной на фоне красного сердца — под брезентом, за зелеными сетями рыба отдыхает на дне ручейка — но все размывает мчащееся движение — стрекочет полупрозрачное крыло, уносит ветер следы шагов на песке, потому кто-то собирает влагу, вдыхая берег — сидишь один на поваленном дереве — земля мягкая, темная, почти черная, со следами от весеннего огненного кольца — ветра нет — он уселся рядом, чтобы так же проводить солнце — все вокруг упивается им — его сияния так много, что чаши переполняются и молоко убегает — дыши глубже, так солнце вливается в храм, в эти чудные длинные окна — и не подумаешь сразу, что солнце за решеткой, черной, коварной — должно быть, ей тоже не хочется упустить солнце, ей грустно — а кришнаиты танцуют по улицам, распевая песни, подражая лучам, распространяя тепло — вкус ореховой конфеты на губах распадается на облака, и алый стоит перед глазами — так сортировались футболки в магазине, когда испанцы пытались выяснить, что значит — под одну и ту же мелодию мелькает серая плитка под ногами — и важно не забыть попросить поднести рюкзачок к датчику — и нельзя вдвоем в кабинке! тело нагревается, и под музыку мчишься, входя в ритм — кто-то делает комплимент волосам — а я не обращаю внимания на кричащего на менеджера дикобраза — рукава к рукавам, штанина к штанине — прямоугольники свитеров и маек — мягкая ткань приятна, когда лицо опускается на подушку и получается полностью впитаться в тяжесть одеяла — можно раскидывать руки и ноги, сворачиваться в клубок и обни-

мать подушку — и утром сквозь окно пробивается солнце — снова сияние — в отражении зеркала сверкает кожа — ей нежно — тепло ногам под золотым пятном, отдыхающим на полу — вливается воздух в окно, похожий на блик — на синей краске появился пыльный мох — смахнуть его и провалиться в карелию — в длинные каштановые волосы, что стекают с руки — если приглядеться, видно движение пульса на запястье — она делает губы уточкой — закуривает сигарету — красные ногти — комплимент — «нет уж, волосы у меня с твоими не сравнятся — скажи спасибо мне, ради тебя постаралась, принцесса — но зачем мальчику такие кудри? ох… постригла бы, да жалко» — дальше только имя — но оно уже распалось, как распадается аскорбинка на своем исходе, когда обращается пеной — в ней видны смуглые подростковые плечи, угловатая спина — лизнул ее — «что ты делаешь?» — просто она пахнет морем — море на вкус оказалось соленым — или это был пот? но на плечах крепко, сильно — у братика серые глаза — он никогда не плачет — кажется, я украл его красную кепку — он не рассердился — подарил — это было под елкой? нет, в то время было тепло — камни семенили друг за другом, образуя хоровод — острые, голодные, они прекрасно очерчивают жар соснового леса — синие пятна на руках — желудок вращается, у его головы звезды — вкусно шелушится на языке фиолетовый — «объелся? держи воды» — братик всегда рядом — он, кажется, пишет стихи — вот он злится, что кто-то их трогал — потом у него была девочка, или во время — он читает умные книжки — радуется — теперь востоковед — под зелеными сводами светлячки в зеленых клетках листают страницы каменных глыб — у него шершавый голос — он дарит маме цветы — у нее пучок на голове и верблюжья шаль — пески верно вымываются из-под складок, и холмы воссоздаются на черном холсте — «пиши золотом» — все течет, не упускается, но в виде запутывается — чьи-то глаза наблюдают в отражении — размягчается почва и металл обращается паром — жарко и томно в красном пожаре, сверкают блики вдали — размяк воздух — проваливаются остатки плакучих льдин, распадаясь в груди — пора доставать любимый свитер — пустить из крана его узор, подставляя лицо ветру, стоя на вершине утеса — облака быстро и низко покидают бывшую серую обитель — уносят

вдаль свою тяжесть, чтобы под вечер незаметно скрыться в лесной тени — наступает наше время — кричит где-то за городом амазонка — мы несемся по тропе, наслаждаясь силой в длинных ногах — что может остановить мчащийся поезд, разрывающий вечность? свет зажигается на кухне, подскакивает от хлопка двери столешница — не вздрагивает выпущенный ими дым — они говорят, разгоняя тишину — если можно кричать, нужно кричать, чтобы оглушить гладкую явь — каждый верит и оттанцовывает с мыслью поколебать земную твердь — жаждет язык воды — однако дух возносится к потолку, теряясь в хрустальных отражениях — тоскливый мотив исходит от пианино, и душа растекается на крыльце лунного сада — замирает циферблат, вздрагивает белый цветок в зеленых зарослях — ноги стекают в только скошенную траву — на рассвете мягко и ласково плачет, вытирая волосами ступни, бедная почва — все для того чтобы на террасе уснуть вновь под плакатами, вырванными из журналов — кажется, так мы мчались в машине по улицам — столица впервые встречала нас — королей острова — под звон первого дня мы лили в цветник шампанское — кидает кто-то виноградинку — я ловлю носом — садится на ягоду — пятно на джинсах — а он бежит писать под мост — города поддаются, втягивают — летит в пространстве дух, оглядывая свои воды — заваливаемся в бургерную — кружится голова, и мягок рюкзак на вокзальных сидениях — я знаю, мы будем длиться, касаться вечности — играться с солнцем —

***

Зеленая ленточка блестит на серебристой поверхности ограды — среди ржавых подтеков и белых голубиных пятен. Главное — это обыденность. Уверенность в движениях пальцев ~~одним движением руки брюки превращаются…~~ — никто не заметит (они спят круглые сутки). Наверное, есть определенные амплитуды в наших движениях, которые не вызывают вопросов. Лишний взгляд, поворот — все вызывает редкое пробуждение (птица срывается с места). Может быть, есть какой-то прошедший сквозь эволюцию механизм-реакция. Взгляд ведь материален. Он скользит по телу, и мы чувствуем его: грязный-восхищенный-недоумевающий-вопрошающий-требующий — whatever… Глаз вызывает глаз —

беззвучное общение. Отсутствие взгляда создает безликость — то мантия-невидимка. Под видом повседневности можно скрыть любое преступление.

На синем фоне выделяется постпанковский переход — хитросплетение вокзала-киборга. *Я тоже Аянами Рэй. Я тоже Собакевич!*

Подъехал трамвай. Каждый срывается со старта. Этот мужчина каждый день здесь. Он со сжатыми съеденными губами пробирается к месту, где будет вход — всегда безукоризненно точен — плешивый, чрезвычайно серьезный, будто от положения его сверкающего, подражающего лысине, остроносого ботинка зависит судьба государства (Господи, хоть бы!) — он всегда угадывает, вносится внутрь и занимает с лицом папы Римского удобное место, надменно оглядываясь, обдавая снисхождением местную публику — с сосредоточенностью льва раскрывает газету и погружается в ежедневное чтение (дайте ему другую газету кто-нибудь) — надменный пузырь (вот-вот лопнет — ~~И входит, и выходит — Замечательно выходит!~~) — каждый нерв напряжен от мелочности душевного гнойника. Вычистит ли кто-то эти авгиевы конюшни? Вряд ли…

Андрей прорвался сквозь толпу и забрался в облюбованный стоячий угол.

А эта дама? С достоинством графини она протискивается к ближайшему сидению и, осуждающе оглядывая серую чернь — ее неизменное темно-синее пальто с мехом на воротнике напоминает о ностальгии по Незнакомке ~~постаревшей~~ — собирает руки на коленях и смотрит в окно, не отпуская с лица мину твердой решительности палача. Хотя раз она встретила незнакомца — даже улыбалась. Действительно, Лев Николаевич, лицо красиво в улыбке. Не все потеряно в искреннем добродушии…

А ведь ты сам ненавидишь, презираешь их. Мы все друг друга не любим. Нелюбовь пронизывает нас… Смотришься наверняка индюком в отражении на заляпанной пластиковой (или стеклянной все же?) стене.

Показалось солнце. Оно сияет над бело-голубым пустырем вокруг железнодорожной полосы. Сколько простора для глаза, сколько света! И все *они* не так уж ужасны… Чувствуют ли?

Андрей испытывал стабильное утреннее недомогание. Утренние пробуждения — мука! Внутренняя тревога: черным комом она всегда внутри, съедает и сосет — при свете дня прячется — чернушка в заброшенном доме. Но дом в огне! Караул! Казалось бы, какая разница?!

— Сегодня поздравляем…, — дама у окна (громко). — Слышишь меня?.. Ты слышишь? Нина! Я тебе говорю, сегодня поздравляем с именинами Иоанна, Ивана, Ваню, Ванечку. Ванечку! Слышишь? Ванюшу поздравляем…

Андрей усмехнулся. Поздравляю…

Солнце, бившее по-весеннему в глаза, скрылось за первой в череде панелькой. Потянулись унылые серо-облезло-зеленые улицы. Квадратами они громоздились друг на друге, соединяемые полосами грязного снега.

На остановке вошла контролерша. Пробравшись к водителю, она, подышав украдкой на стекло, начертила на туманности созвездие сердца, адресованное, очевидно, водителю. И в следующий миг это сердце блеснуло солнечным светом, отразившимся неизвестно от чего.

Андрей наблюдал. Контролерша улыбалась и всем желала доброго утра. Можно было только удивляться тому, как размеренно продолжает течь жизнь…

— Доброе утро, — улыбнулся он в ответ.

Может быть, она знает больше него? Или не знает. Во многой мудрости много печали. Назвал себя мудрецом? Не смеши мои подковы…

На остановке вошла знакомая мать с ребенком. Девочка лет десяти-одиннадцати. Благодарный возраст. Мальчики в нем уже нехороши… Поразительно, как одни и те же люди преследуют друг друга каждый день. Наблюдаешь за ними — замечают ли они тебя? разглядывают ли? отмечают ли изменения? А ты ведь да. Они уже как твои друзья (~~на безрыбье и рак щука~~). Вот сейчас пара остановок, и, обняв, мать отпустит дочь в свободное плавание, наверное, в школу. Они любят друг друга. Мать потеряла вид — слабая и растрепанная — стоит ли это того — раствориться в другом — соблазн…

Андрей надел наушники. Отключение от реальности — всего пятнадцать минут на то, чтобы успокоить дыхание и собрать мысли. Собрать мысли — это словно перебирать зернышки — раскладывать каждый вид в свою кучечку — как в песочнице (*это — тебе, а это — мне, это — тебе, а это — мне…*).

Вот здесь вот, на этом самом моменте должно быть максимальное отдохновение. Падает вниз тело и под своей тяжестью немеет. И дух воспарил, и сказал дух: «Это хорошо»… Каждый раз все слабее. С какого момента мелодия теряет свою силу? Почему музыка не способна длиться вечно? Стереть стерочкой нужно по косым полосочкам — мозг похож на ~~губку губчатое —~~ гармошку… Расслабься!

Вот уже поворот. Куда едет эта бабка со своей *чумоданом*? Почему они все всегда такие грязные? И все это тряпье одинаковое. Болотное в цветочек. И пахнет… Его можно снять с одного и надеть на другого — ничего не изменится. Взаимозаменимо — к слову о клонах — какой в этом году цвет Pantone? Какой-то фиолетово-технологичный. Эля в детстве говорила, что женщины лучше мужчин различают цвета. Что-то там про колбочки — с красками (как в рекламе игры — разъедини цвета — раздражающаянезакрывающаяся ссылка!).
На всю жизнь остался отпечаток несправедливости. Почему мы так четко помним мелочи и выпускаем большие полотна? Идеальная краткость, как идеальная грусть… Большое видится на расстоянии. Может, поэтому так тяжело обрисовать все это… Ну вот куда вы едете на свои дачи? Дома не сидится?.. Земля, возделывание, цветочки, ягодки, навоз (запах говна и конского пота — вкуснота от Шолохова)… все — уже почти закончилась — все пропустил — потрясающе, как мне собраться?

Наушники оказались в футляре. Объявили следующую остановку. Андрей выбрался из своего угла и подошел к двери. Такой же, как лысый — отмечая недостатки других, не забывай про свои ~~ОКРочка~~! Курочка!

Андрей выбрался из трамвая. Всего три минуты, и вновь работа. Этот бесконечно долгий светофор. Люди бегут на красный — конечно, сдают нервы (~~опоздал, опоздал~~)! Тем не менее сбили ведь уже одну учительницу тут. Майя переехала Майю. Была прилежная,

ответственная, пунктуальная (~~как ты~~). И вот — кончила, как Анна Каренина — вспомнили только на следующий день — вот сюжет для чеховского рассказа. Ба-наль-щи-на — четыре слога. So… Теперь задайся вопросом: если тебя сейчас собьет машина, какова будет причина твоей смерти? Спешил на работу. Стоит того? Не думаю (~~не ешь — подумай!~~)…

Навстречу Андрею шел ежедневный подросток — последний его друг-незнакомец. Шел по-мальчишечьи, перепрыгивая как будто со стопы на стопу — с мягким крестьянским лицом (Алеша Пешков), темными кругленькими глазами, кудрявый, рыжий… Вновь рыжая лента за лобовым стеклом — еще одна — третья. Четыре, пять… Пять. Больше нет. Ну, терпимо? Раздают их где-то (снимите это немедленно)? Какими же гордыми *они* должны были быть в момент торжественного подвешивания этого кусочка ткани. Чувство собственного достоинства, упоения (от «упейся») — все это под литр «Жигуля» и самые дешевые чипсы из FixPrice-а. Гордый внук славян!

Ритуал обрядовых утренних встреч был закончен. Дверь за спиной Андрея захлопнулась. Запищал металлоискатель.

— Здравствуйте, — послышался возглас охранника Бахадура. — Чуть опять вас за ученика не принял.

***

закатное солнце украло нашу тень, и я обещаю поймать ее — нажимаю на педали — не уйдет, я догоню его! сверкает, хитрое, в ветвях, притворяется грушей — но я не упущу его, заколдованное яблоко — ветер размывает взор, кусками отпадает обочина — оно потеряло крыло — я подхватываю, и отпускаю руль: кажется, отпадает рама, оставаясь позади — теперь только птица — стрела выпущена из лука, прокалывая пространство, она обретает невесомость, и уже тень догоняет ее — мы друзья с солнцем, оно держит меня за руку, как та сияющая фигура в ночной синеве — полет — во сне мне даже велосипед не нужен, нужно только разбежаться и хорошенько оттолкнуться — руки почувствуют воздух и не дадут упасть — земля не так важна, как кажется, она легко отпускается — всегда мечтал себя воздухом, особенно когда разглядывал зебристые мыльные пузыри, летящие мне прямо в рот — я их выдувал в доме с красными пару-

сами, надеясь, что кто-то высунется, посмотрит — ведь так здорово было бы подружиться на фоне летящих шаров — дружба мыльных пузырей — я там кискискал кошек — а они откликались, слышали шепот за десяток этажей — интересно, они тоже могут вдохнуть весь двор? а за шторами в цветочек у нас было поле, оно никак не вмещалось внутри — мы лежали среди травы с братиком и плели венки — его друзья делали рогатки — я всегда был уверен, что для того чтобы стрелять в сердитую черную бабку, вечно листавшую маленькую книжицу — а края ее, книжицы, были желтые, как скошенная трава, с черной землей в крапинках: наверное, из-за грязных старушечьих пальцев — а у мамы книги были чистые, аккуратные — когда я забыл закрыть окно, они сияли, как солнце, оставляя блики на потолке — в комнате прохлада от синих прямоугольников на сером потолке — улица шумит, она расчесывает мысли, заполняя их шорохом — он такой же свежий, как ночь — за пеленой полутонов теряются цветочные узоры обоев — переливы краски на отштукатуренной стене — за окнами то ли деревья, то ли проспект — или же все это заблуждение, потому что абсолютно тихо, кроме дыхания спящих — сад уснул — ни птиц не слышно, ни ветра — только стрекочут кузнечики — тоже прохладный звук — все это синее, тонкое, как хрусталь в маминой старой люстре — звенящая прозрачность — так приходилось изображать графин в летний день, когда хотелось бежать купаться на острова — это ветер брал за штанину и тащил по улице вниз, там, где за церковью мост — а с моста, уже другого, можно было смотреть в пропасть, когда шел дождь, омывая зеленые склоны — после этого возвращались домой на метро, где были одни на станции — подземный холод и тонкое шумное лезвие, рассекающее платформу пополам — рассеивание искр в пространстве — это брызги мысли в океане — сверкает побережье, а море ластится к песку — на юге или севере? кто знает?! когда-то я сидел на этих камнях, прыгал с одного на другой под шум разбивающихся волн в красной кепке, а вечером, когда море успокаивалось, камни все еще излучали тепло и я сидел на них, позируя для фотографий — на солнце волосы у глаз искрятся, нет — мне бы не хотелось темных волос — лучше выгоревшие — мне нравится, как они растекаются в воде, наверное, я подожженный

одуванчик, когда плаваю — а на севере застрял в соснах ветер и они трещали, песок разлетался дымом по берегу, он оседал на коже, искрился, хамелеонничал — я уносил его в город, чтобы засыпать пол в квартире, а в обмен на него я оставлял свои вещи, зарывая их в землю — это была плата духу леса — дышат облака, они расщепляются, колышутся, сливаются в единый вихрь — они зеркалом выстраиваются под взором звезд — движение прерывается, сливаясь с ленточкой, она закручивается вокруг ноги и теряется в толпе, утонувшей в дыме — старые деревянные окна с забрызганными краской стеклами — играет музыка, горят цветные огоньки — кто-то что-то кричит, там танцует, здесь поют — со стен смотрят картины — мелькает в отражении синяя кожа свободного джинна — над васильевским островом слышен шепот древних сфинксов — горят небеса, проплывают расщелины вдоль улиц на звёздной карте — клубы дыма напоминают о тумане и скошенном клевере — на закате в сырую кипучую белизну разлили вкус ряженки, и поле озарилось золото-алой слякотью — божественным нектаром — тени в саду одиноки, и яблони замолкают — над волгой встала заря — горит холм города, а по раскисшей зелени парка пробежали мурашки — льет тесто братик, улыбается — скачивается фильм — смешно — я перетаскиваю куда-то подушки — вдруг тихо — никого нет — эта лоджия под красными парусами — куда-то он ушел — шипит чайник на плите — протек персик в руке, по лицу побежала сладкая струйка — ложбинка на животе промокла, уже жарко на утреннем балконном пекле — это похоже на того рыжего кота, который грелся на подоконнике в зимний солнечный день — и снег сверкал и плакал на улице — колючий воздух обдирал нос, когда я вышел в прачечную — и мелкие кристаллы сияли, как пыль, в луче, что прорезывался сквозь зазор между домами — но все это слеплено с облаками — а они все плывут по поверхности, поют, и слышится пение —

***

Кабинет секретаря. Посреди помещения стоит массивный стол, покрытый кипами бумаг с цветными стикерами. Пластиковый пятнистый кот с улыбкой на мордочке машет лапкой у переполненного органайзера. За столом шкафы. Ближе к входу оранжевый кожаный

сборный диван. Часть его находится у стены в метре от стола. Другая — напротив, под носом у секретаря.

Дверь в кабинет директора закрыта. Рядом с ней висит телевизор. Крутят рекламу.
Секретарь сидит за столом, соцпедагог и Андрей — на фрагментах дивана, напротив друг друга.

Секретарь. Ей-богу, Андрей Арсеньевич, извините за грубость, но у вас такое лицо, будто вы вчера бухали всю ночь или трахались.

Андрей смеется.

Секретарь. Налить кофейку?

Андрей. Да, было бы здорово.

Соцпедагог. Вера Николавна, ну что сразу «трахались»? Человек вообще-то учитель — ему спать не положено. Вот и лицо замученного зверя.

Секретарь. Люба, знаете, что? Мы в этом возрасте и набухаться успевали, и потрахаться, и утром как огурчик на работу прийти.

Соцпедагог. Так это вы! А есть другие люди — интеллигентные.

Секретарь. Да ебать вас в золотое седалище! Знаю я вас, интеллигентов… Ликерчику добавить?

Андрей смущенно улыбается и пожимает плечами.

Секретарь. Не стесняйтесь, боже мой!

На фоне заработали новости. Установилась недолгая прислушивающаяся тишина.

Секретарь. Боже, такую чушь ведь несут! А главное, так уверенно. Мои-то дуры вон даже верят. Сели перед телевизором и уши развесили. Чувырлы! Еще с истфака со мной выпустились. Вчера с сестрой чуть не рассорились. Смотрю, начала на меня гнать. И слова-то ведь все знакомые — все *оттуда*, как наизусть, выучила. Я ей сразу и сказала: «Все, об этом не говорим».

Андрей. Вот и хвала советскому образованию.

Соцпедагог. Ага.

Секретарь. А мы на детей накидываемся за отсутствие мысли. Во (указывает ладонью на экран) до чего докатились… Думали, что их там ждут. Ага. Вот теперь всей страной и обосрались… Я-то своему, когда объявили, говорю: «Ну что? Пойдешь воевать?». А он мне: «За кого?». Так я и говорю: «За наших». «Кто наши-то?» — отвечает. Он ведь с Украины, из Мариуполя родом… Вот куда полезли? Зачем? Вот *ему* только болтать, слово сказать, красное-то словцо-то ввернуть, историческое, а умирать не *эти* будут — обычные, наши парни. Я вот подруг и спрашиваю: «Вот если бы у тебя сын был, что бы сейчас сказала?». А они мне: «Пошел бы защищать страну».

Андрей. Какую?

Секретарь. Вот это и вопрос! Хорошо, что у меня Надя.

Соцпедагог. Спокойно, однако, быть женщиной. Жалко мужчин.

Секретарь с омерзением выключила телевизор.

Секретарь. Да зачем они вообще нужны?! Извините, Андрей Арсеньевич.

Соцпедагог. Как зачем?

Секретарь. А так! Я считаю, что мужики нужны только для того, чтобы гвоздь вовремя был забит дома, чтобы деньги в семью приносились и чтобы ночью не до сна было.

Соцпедагог. Не велики же ваши ожидания!

Секретарь (громко)**.** А вы что предлагаете своим божественным поэтическим умом?

Соцпедагог. Мужчина нужен, чтобы его любить.

Андрей внимательно следит за оппонентами и широко улыбается.

Секретарь. Боже, какие сентенции! Всем известно, что женщина в эволюции ушла дальше мужчины. Мужик — это ходячий хуй, практически собака.

Соцпедагог. Боже, Вера, как вас муж такую терпит?!

Секретарь. А мужчине того и надо. Жестко с ним — ему нравится и интересно. Ласкать начинаешь — говно из всех щелей вылазит. Они ведь как дети, ей-богу!

Соцпедагог. Нет, вы не правы. Вот мы живем с Александром Сергеевичем уже двадцать лет душа в душу. И до сих пор я его искренне

люблю. Потому что сама, этими вот руками, из своей любви сплела наше гнездышко. Несправедливая вы, Вера Николавна!

Секретарь. Вот и сел на вас и поехал ваш Александр Сергеевич!.. С Вами только на французские баррикады идти. С голой грудью! Все, Любовь Владимировна, идите работайте. Работайте. Хватит нашего Андрея Арсеньевича бабским трепом уматывать.

Соцпедагог, махнув рукой, уходит.

Андрей (неуверенно). К слову об адекватности детей по сравнению с взрослыми. Меня тут на днях мои пятиклашки спросили, зачем мы литературу изучаем. Я не выдержал — им ответил: чтобы научиться думать своей головой, чтобы защитить себя от манипуляций, обмана, пропаганды. Так один ребенок спросил: «И где эта пропаганда?». И Илья ему выдает: «Так в телевизоре, представляешь?!».

Секретарь. Ну вы, конечно, Андрей Арсеньевич, даете… И что дети?

Андрей. Расшумелись, конечно. Но я не подал виду. Состроил дурака…

Секретарь. Неудивительно, что Илья отозвался. Мой любимчик… Конечно, они всё понимают. Чему вы удивляетесь? Мозги-то еще на месте!.. Я вообще никогда не поддерживала этого слепого поклонения старшему поколению. Даже вот взять наш департамент. Среди этих важных теток столько, извините за бедность речи, сук. А ведь образованные дамы. Да что там говорить. Во — сестра моя родная!.. Почитать нужно за возраст… Господи, если бы мудрость с возрастом приходила, вся страна бы в рай превратилась. У нас же все старые!

Андрей смущенно кивает.

Секретарь. Черт знает, что теперь будет. Вся страна в жопе!

***

Каждый раз, прикладывая пропуск к турникету, Ада ощущала легкое чувство наслаждения. В первый раз, когда она входила сама в это место, в это похожее на космический корабль здание, когда она почувствовала себя одной из причастных, одной из своих — ее охватила гордость. Все здесь было идеально: сияющая белая плитка на полу и стенах, приглушенные цвета обоев, зеленые пальмы в разноцветных кадках, ми-

нималистская мебель, стеклянные стены и двери, многоступенчатые потолки со встроенной подсветкой, широкие лестницы, панорамные виды, огромный холл под прозрачным куполом. Это место было продумано до деталей — ничего лишнего, настоящая современность. Это вдохновляло ее и, как и планировалось, настраивало на работу — внесение вклада в создание новой реальности, состоящей из петабайтов информации.

Утром все собирались в лаунж-зоне. Заказывали кофе, завтракали, делали фотографии для сторис в Instagram и болтали.

Ада обычно сидела вместе с Машей и Наташей. Первая была ее одногруппницей из университета, вторая стала приятельницей уже здесь. Они разговаривали о работе, повседневных проблемах, парнях, много шутили и никогда не пересекали той черты, за которой может возникнуть близость. Чаще всего обсуждали рабочие вопросы: статьи Ады и Маши и новые проекты Наташи, которая была SEO специалистом. И в этот раз все было как обычно.

— Я чувствую себя тупой, если честно, — говорила Ада, осознавая, как устала она произносить эту фразу, вслух и про себя. — Уже четыре дня не могу справиться с каким-то участием в тендерах. Я без понятия, как повышать уникальность текста, в котором везде «квалифицированные электронные подписи» и «единые информационные системы в сфере закупок».

— Да, засада, — протянула Маша. — Я тоже вообще не успеваю закрыть план. Вся на взводе.

Ада кинула на нее молчаливый взгляд. Она знала, что это было преувеличение. Маша стабильно жаловалась на то, как у нее ничего не выходит, но всегда закрывала план за месяц, не получая статьи на доработку или переписывание, не оставаясь на работе лишний час и не просиживая ночи напролет за компьютером.

Аде же казалось, что вся ее жизнь превратилась в копирайтинг. Когда она устраивалась техническим писателем, ей эта работа представлялась идеальной. Ада всегда с легкостью создавала тексты. Ей нравилось писать, нравился сам процесс пророждения мысли в слове, поэтому возможность получать за это хорошие деньги вдохновила ее, тем более в этой компании, в этом здании, где среди баров, массажных кресел,

гамаков на крыше с перерабатываемым стаканчиком кофе в руках сосуществуют и обмениваются опытом сформировавшиеся личности, осознанные, понимающие, чего они хотят от жизни, знающие, как добиваться своего, личности, одной из которых хотела стать она.

Но чем больше Ада работала здесь, тем больше ощущала непреодолимую пропасть между ними и собой. Они, всегда уверенные, собранные, при этом легкие и веселые, работали как машины, прекрасно выполняя свою функцию винтиков в огромной системе. Эти люди как будто не испытывали помех в том, что им приходилось делать. Они спокойно, казалось, не напрягаясь, отрабатывали положенное время, по расписанию сдавали отчеты, статьи, проекты, ладили с начальством, сбегались в перерывах в лаунж-зоне или на крыше, весело обсуждали что-то, ходили на сеансы к корпоративному психологу, посещали организованные работодателем курсы танцев, фитнеса, иностранного языка, медленно курили или парили у входа в здание, бросая преисполненные безразличием взгляды на проходящих мимо, а вечером забывали о работе, спокойно занимаясь своей жизнью и без тревоги закрывая глаза.

А она выгорала. Ада чувствовала, что она постоянно гналась за всеми, не имея сил кого-то догнать. Она работала все время, потому что, как ей казалось, не могла организовать себя.

В первую очередь Аде пришлось ощутить, что все ее умения в составлении текстов только мешают в написании технических статей. Воспитанная на высокохудожественной классике, она умела писать развернуто, красиво, глубоко, психологично, но сухие, выстроенные для алгоритмов фразы вводили ее в ступор. Здесь были другие законы. Поначалу их изучение даже увлекло Аду. Она стала читать рабочую литературу, стала планировать прохождения курсов для повышения навыков копирайтера, купила бестселлер «Пиши, сокращай». Но шли минуты, часы, дни — статьи писались из рук вон плохо, медленно. Еще медленнее они получали одобрение.

У нее было два начальника, и для публикации статьи необходим был зеленый свет от обоих. Но выходило так: что не нравилось первому, непосредственному, нравилось второму, вышестоящему. И наоборот. Ада чувствовала себя между двумя огнями, вечно пытаясь соединить несоединимое. Будто реализуя на практике то ли гегелевскую диалек-

тику, то ли шлегельскую романтическую иронию, она несколько дней перефразировала предложения, перетаскивала одни и те же фразы с места на место, удаляла и структурировала абзацы. Ада постоянно была на взводе. Работая, она ненавидела себя за медлительность, неспособность сфокусироваться, погрузиться и «ответственно» отнестись к делу. Иногда ей даже казалось, что, стоит кому-то побеспокоить ее в этот момент, она зарычит.

Больше всего выводили из себя комментарии начальника после очередного возвращения статьи.

— Этот абзац — очень плохо, — слышала Ада. — Переделываем полностью. Этот с пивком сойдет. Этот — плохо, но можно, наверное, оставить. Этот удаляем. А тут полная чушь… А этот хорошо.

Она никогда не слышала причин соответствия или несоответствия написанного. Спросить она боялась, потому что перед начальством терялась, чувствовала себя виноватой, не могла отстоять свою точку зрения, вся будто уменьшалась, словно перед учителем на уроке.

Когда статью наконец одобряли, Ада часто слышала вдогонку «У тебя не такой стиль», «Хреново пишешь», «Не вкусно». Она приходила домой, плакала, жаловалась Филу, выливала на него все эти эмоции то в виде любви, то в виде ненависти, а затем вновь садилась за работу. Так светящийся пластиковый куб расширялся до размеров вселенной, прочно оккупируя ее сознание.

Ада пыталась отдыхать, получать удовольствие, как и другие ее коллеги. Она записалась на танцы, на растяжку, на английский язык. Ходила раз-два, затем срывалась, не находя сил или времени на продолжение.

Даже высокая зарплата не снимала внутреннего напряжения. Из-за тревоги и постоянной загруженности Ада почти ничего не готовила дома, поэтому обедала и иногда ужинала в ресторане на работе. Утром не могла встать, поэтому почти всегда опаздывала и добиралась до офиса на такси, затем укоряла себя за это. Вечером, пытаясь сбежать от тумана рабочих мыслей и как-то забыться, Ада часто проводила час в кальянной.

Росло разочарование. Ада никогда не была очарована собой, но сейчас, месяц за месяцем, она все больше понимала, что в ней что-то не так. У нее формировалось четкое убеждение, что она не справляется. Но уйти ей казалось неправильным. Ведь если она бросит все в очередной раз,

не докажет ли это, что в ее жизни ничего не доводится до конца? Ада думала о том, сколько раз она с огромным энтузиазмом бралась за дело и сколько раз ее начинания не находили завершения: учеба в университете, растекшаяся уже на восемь лет, многочисленные курсы, кружки, походы к психологу, работа в MOHITO, постоянно отодвигающаяся свадьба… И копирайтерство тоже? А вдруг она просто ни на что не способна? С ужасом Ада приходила к осознанию собственной слабости, а также безответственности, инфантильности и неблагодарности.

Единственным возможным выходом представлялся Аде переход в штат CEO специалистов. Рассказы Наташи о продвижении компаний вдохновляли ее. Создавать из ничего престиж и статус, объединять людей вокруг общей идеи, приносить пользу, вносить вклад в успешность, прибыльность бизнеса — Аде казалось, что это могло бы подойти. В этом проглядывался азарт, одновременно связанный и с решением математических задачек, и с бросанием игральных костей. Но Аде было страшно, что даже смена должности не решит проблему, что она снова все провалит, что не справится…

Когда Наташа как раз начала рассказывать о своем новом проекте, к ним подошел Паша. Начальник. Как всегда, с улыбкой на лице и сверкающими добродушными глазами пса.

— Обо мне сплетничаете? — плюхнулся он на стул.

— Конечно, — закокетничала сразу Маша. — Думали, куда же ты подевался.

— Паш, ты как раз меня перебил, — строго произнесла Наташа и, посмотрев время на телефоне, добавила: — Впрочем, неважно. Мне пора идти, нужно созвониться с клиентом. Ему, видите ли, неудобно разговаривать после четырех вечера. Будто мне нужны деньги!

Она удалилась.

Аде стало неловко.

Раньше она очень любила этот час перед началом работы, когда вместе с Пашей, Машей и Наташей они сидели пили кофе и безмятежно разговаривали. За это время тяжесть пробуждения отступала, поднималось солнце, и под его лучами, затекающими сквозь крышу, Ада оживала. Она будто отогревалась от этих, казалось бы, безыдейных разговоров и шуток и чувствовала себя такой же, как все работающие здесь.

Ада знала, что причиной тому был конкретный человек. Паша с первых дней проявлял к ней внимание, подбадривал, старался хвалить даже тогда, когда было не за что. Он приносил ей кофе, рассказывал байки из своей какой-то невообразимо интересной жизни, состоящей из деловых встреч, конференций, командировок, скалолазания, сноуборда, стендапа, поездок автостопом, концертов и фестивалей. Ада знала, что он так обращается со всеми подчиненными, стараясь создать дружескую атмосферу в коллективе, но с ней, казалось, все было по-особенному. Это было во взгляде, в отдельных словах, в неловких касаниях.

С самого первого дня Ада боролась с чувством, которое в ней просыпалось. Но Паша был таким добрым, таким улыбчивым и милым, что она невольно теряла голову, совершенно не замечая того, как быстро летит время в его компании. Позже ей стало тяжело работать из-за мыслей о нем. Невольно мозг постоянно крутил перед глазами образ Паши и вместо оптовых закупок пытался исследовать следы личной жизни начальника.

Он знал, что Ада не свободна, но это не мешало ему приглашать ее на кофе после работы и подвозить до дома. Она успокаивала себя тем, что он делал так и с другими. Но этот факт становился и причиной беспокойства, что уже само по себе воспринималось как тревожный звоночек.

Однажды Паша пригласил ее на занятие сноубордом. Ада долго думала, сомневалась, но решила согласиться. Катался он прекрасно. И учителем оказался хорошим. Время с ним прошло незаметно, и Ада смеялась так много и так искренне, как давно уже не случалось…

Но тогда она не пересекла черты того, что называла изменой, была сдержанна и терпелива. Ей казалось глупым бросать все то, что было выстроено с Филом с такими колоссальными усилиями, ради мимолетной влюбленности, а Ада точно знала, что это если не мимолетная, но точно влюбленность. И оказалась права в своей сдержанности.

Ада никому на работе не рассказывала о своих личных взаимоотношениях с Пашей. Ей не хотелось создавать слухи за своей спиной и спиной начальника. Но это были ее принципы — не чужие.

Однажды на перерыве Маша, находившаяся весь этот день в крайне возбужденном состоянии, решила рассказать Аде секрет. Оказалось,

что за Машей тоже ухаживает Паша, что они проводят много времени вместе, обедают по выходным в ресторанах, слушают музыку у него дома, катаются по клубам, что вчера у них случилось *это* и что она ждет от него предложения встречаться. Ада, узнав об этом, только улыбнулась и дала согласие хранить тайну. Впредь ее встречи с Пашей прекратились, несмотря на продолжавшие поступать с его стороны приглашения. Маша до сих пор ждала определенности от начальника, а он все также сладко улыбался им обеим.

После случившегося Ада сразу стала видеть больше. Она вдруг отметила для себя появление новой сотрудницы, которая получала не меньшую долю внимания от обаятельного руководителя, чем когда-то она сама. Все было до тошноты понятно и тривиально.

Утренние беседы теперь не приносили ей удовольствия, особенно когда Паша принимал в них участие. Они стали традицией, обрядом, не более.

Наблюдая за тем, как старательно Маша пытается быть душой компании и как Паша старательно делает вид, что абсолютно здесь ни при чем, Ада усмехалась про себя. Эта внутренняя усмешка подзадоривала ее больше улыбаться, смеяться, шутить и подкалывать коллег, перетягивая всеобщее внимание на себя. Она странным образом чувствовала себя выше, и это чувство приятно заглушало привычную утреннюю тревогу.

Облик коллег терял свою форму, превращался в шаржированный образ. Лица постепенно тускнели, выцветали и превращались в белый лист, после чего Ада могла без жалости оторваться от них и пойти работать.

***

— *О чем первая часть цикла?*

Тимур со Стефаном, Инь и Ян, передают наушники друг другу, весело перекидываясь шепотком.

1.

Река раскинулась. Течет, грустит лениво ~~за партой на Камчатке~~

И моет берега. ~~полы в «Пятерочке» — как Вера Николаевна сказала, будущий бомжик~~

— А ты не хочешь отсосать? — Кирилл Маше грубо (а папа думает, что у него пай-мальчик растет).

Замечание.

Над скудной ~~мозге~~ глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

— Из каких образов выстраивается собирательный образ России? Выпишите их… Какие из них связаны с природой страны, а какие — с историей?

Данила углубился смазливой мордочкой в рукоскрещенья, должно быть, пуская, вместо чернил, слюни в тетрадь. Мама-косметолог явно держит кожу сына в порядке — как с обложки журнала.

О, Русь моя! Жена моя! ~~на устном собеседовании умудрились вот ляпнуть «хочу проснуться, улыбнуться, а рядом — жена»~~ *До боли* ~~смешно~~
Нам ясен долгий путь! ~~а кому-то нет~~
Наш путь — стрелой татарской древней воли ~~и безволия~~
Пронзил нам грудь.

Некоторое обсуждение — подобие эвристическому рождению мысли.

— Зачем автор включает в содержание стихотворения мотив пути? С чем он связан?

— Может, это исторический путь? — Света робко (золотой ум!).

Наш путь — степной, наш путь — в тоске безбрежной, ~~или тупости~~
В твоей тоске, о Русь! ~~в очередной раз не любящей своих детей~~
И даже мглы — ночной и зарубежной — ~~Кирилл за неделю собрался и умотал в Грузию~~
Я не боюсь.
Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами ~~будут жечь книги — кого первого?~~
Степную даль.

— Какую роль в тексте играет образ кобылицы? Что он олицетворяет?

— Ну, кобеля ждет, — остроумный ответ.

— А кто такая кобылица? — скромный вопрос.

В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь… ~~где теперь эта сталь? — бездна смотрит из смотрящего в бездну~~

И вечный бой! Покой нам только снится ~~теперь уж точно~~
Сквозь кровь и пыль…

— Какие чувства испытывает лирический герой? Чем эти чувства вызваны? Как лирический герой их воспринимает?

Варя краснеет и задыхается от смеха. Глядя на нее, подхватывает Игорь. Стучит кулаком по парте.

Замечание.

Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль… ~~тройка с Собакевичем и Ноздревым — тьфу, какая гадость! Да ну ее в болото!~~
И нет конца! Мелькают версты, кручи… ~~Мчатся тучи, рвутся тучи…~~
Останови!
Идут, идут испуганные ~~лица~~ *тучи,*
Закат в крови! ~~в Телеграм-канале фотокарточка убитого бойца с его бойфрендом — в тренде ведь!~~
Закат в крови! Из сердца кровь струится! ~~надрывая сердце мне~~
Плачь, сердце, плачь…
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

— В каких отношениях находятся лирический герой и родина, лирический герой и история страны?

Гиблое дело.

Андрей подходит к Стефану, требует наушники. Минута потраченного времени — Пруст, найди.

2.

Мы, сам-друг, ~~черт, дурацкая же формула!~~ *над степью в полночь стали:*

— Встали? — хохот от Максима.

Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали, ~~примерно как и эти~~
И опять, опять они кричат… ~~все бессмысленно~~

— Какие фольклорные образы появляются в этой части цикла? Какую функцию они выполняют?

На пути — горючий белый камень.

За рекой — поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не взыграет больше никогда. ~~так и кажется сейчас~~
И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: «Остри свой меч,
— Слышь, Игорь? — снова Максим, словивший волну. — Остри свой меч!
— Иди ты!
Чтоб не даром биться с татарвою,
За святое дело мертвым лечь!»
Я — не первый воин, не последний,
— Так, Машка? — не успокаивается юморист.
Замечание.
— Каково настроение лирического героя? К кому он обращается? К чему призывает?
Долго будет родина больна. ~~не представляешь, насколько!~~
— Что значит этот стих?
«Машка» взялась за обидчика. Пытается не выдать себя оглядками. В ход пошел чей-то пенал.
Помяни ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена!
— Андрей Арсеньевич, Маша у меня пенал забрала! — Игорь протяжно (*Тронула меня, тронула! — А я не трогаю. — Тронула меня!*).
3.
В ночь, когда Мамай залег с ордою
— У-у-у, — Максим снова.
— Максим, ты сейчас выйдешь!
Степи и мосты, ~~неужели под ними будут?~~
В темном поле были мы с Тобою. —
Разве знала Ты?
Вся Камчатка под впечатлением гормонов. Игорь рыгнул. Стефан и Тимур заливаются. Второй щенячьими глазами робко поглядывает на учителя.
Строгий взгляд в ответ.

Перед Доном темным и зловещим,
Средь ночных полей,
Слышал я Твой голос сердцем вещим
В криках лебедей.
Максим побил рекорд друга.
С полуночи тучей возносилась
Княжеская рать,
И вдали, вдали о стремя билась,
Голосила мать. ~~Андрей, пора домой! — и чайки кричат~~
И, чертя круги, ночные птицы
Реяли вдали. ~~Ван Гог в пшеничном поле~~
А над Русью тихие зарницы ~~пахнет летом~~
Князя стерегли.
Орлий клекот над татарским станом ~~как вот им объяснить «клекот» этот?~~
Угрожал бедой,
А Непрядва убралась туманом,
Что княжна фатой.

— Какой новый образ в цикле становится центральным в этом стихотворении? Выпишите его характеристики.

Света, Настя работают. Катя и Милана тоже пытаются. Камчатка вся в своих делах. Хоть рассаживай, хоть нет — без разницы. В кабинете четыре угла — не досчитаешься.

И с туманом над Непрядвой спящей,
Прямо на меня
Ты сошла, в одежде свет струящей,
Не спугнув коня.
Серебром волны блеснула другу
На стальном мече.
Освежила пыльную кольчугу
На моем плече.
И когда наутро, тучей черной,
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда.

— Вот у меня один вопрос, — Игорь решил соригинальничать. — А что Блок курил?

— Хочешь попробовать?

— Очень, — смеется Игорь. — А вы пробовали?

— Андрей Арсеньевич, не обращайте внимание! — Варя влезает в положение.

— А ты поделиться хочешь? (главное, ответить последним: игра в слова)

Игорь получил удовлетворение.

— Какую функцию выполняет в стихотворении женский образ? Можно ли сказать, что он связан с Прекрасной Дамой Блока, о которой мы говорили на прошлом уроке?

Снова эвристика.

4.

Опять с вековою тоскою ~~как я на уроках у вас~~

Пригнулись к земле ковыли.

— Игорь (фамилия — Коваль), про тебя! — Максим сегодня вошел в раж.

Опять за туманной рекою

Ты кличешь меня издали… ~~лучше бы нет~~

Умчались, пропали без вести

Степных кобылиц табуны,

— Что предстает перед глазами лирического героя в этом фрагменте? Какое время суток изображается? Почему?

Развязаны дикие страсти

Игорь схватился за пах с громким «О-о». Добрался кто-то, однако, до иглы в яйце-в-утке-в-зайце-в-сундуке. Ничего, весь класс уже запомнил, что там у него: нечего выкладывать хозяйство в истории VK…

Стефан и Тимур смеются.

Замечание. Надо было дать самостоятельную. Потом проверять? ~~Черт с ними.~~

Под игом ущербной луны. ~~ущербными, забыл подписать~~

И я с вековою тоскою,

Как волк под ущербной луной,

Не знаю, что делать с собою,

Куда мне лететь за тобой! ~~Что делать, Чернышевский?~~

Я слушаю рокоты сечи ~~за последней партой, как водится — в твоих словах водица…~~

И трубные крики татар,

— Что происходит в этой части цикла? ~~Что у вас здесь происходит?~~

Я вижу над Русью далече

Широкий и тихий пожар. ~~торжественный~~

Объятый тоскою могучей,

Я рыщу на белом коне…

Варя вглядывается в часы на стене.

Встречаются вольные тучи

Во мглистой ночной вышине.

Вздымаются светлые мысли

В растерзанном сердце моем, ~~пришло время!~~

И падают светлые мысли,

Сожженные темным огнем… ~~без объявления войны, кусками, с потолка — наверху физкультура~~

«Явись, мое дивное диво! ~~масло масляное~~

Быть светлым меня научи!

— Какие чувства испытывает лирический герой? Какие «светлые мысли» имеет в виду автор?

Вздымается конская грива…

За ветром взывают мечи…» ~~группа крови на рукаве…~~

Настя, Света, Милена — контакт есть. Катя зевает. Камчатка — «Русский военный корабль, …» (типун тебе на язык!).

— Зачем к пятой части цикла прилагается эпиграф?

5.

И мглою бед неотразимых

Грядущий день заволокло.

Вл. Соловьев

— Что значит «опять» здесь? Это когда?

«Когда?» — вопрос в устремленных к часам глазам. Считают секунды.

— Это же все про сейчас, — Стефан выдает (сам не заметил).

Тишина на мгновенье.

Теряется реплика в гуле продолжающихся шорошушукающихся шуток.

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла, ~~Неужели и эти ощущают?~~
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла. ~~Неужели все так и будет повторяться?~~

Тихо, незаметно сползают со стола в портфели учебники, тетради, пеналы, дай бог, дневники — мышь крадется!

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой

Звонок. Рванулись с места.

— До свидания, Андрей Арсеньевич!
— До свидания!
— Спасибо за урок.
— До свидания, Андрей Арсеньевич!
— А домашнее задание?
— Спросим в чате.
— До свидания, Андрей Арсеньевич!
— У нас столовая!
— Записываем… ~~-ся на ноготочки~~
— Любим вас!

Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молньи боевой.
Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьим станом, как бывало,
И плеск, и трубы лебедей.
Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.

Смазливенький Данила просыпается. Лицо его помято.

Теперь твой час настал. — Молись!

***

куда несет эта песня? почему нельзя ничего разглядеть? но это лишь круги на воде, это лишь след — поэтому обдувает дома ветер и сбивает с деревьев листья — они мчатся через этажи, окна, вывески и превращаются в поезда, уносящиеся в леса и бурящие тоннели в северных скалах — ничего не разглядеть на том берегу — холодно только, сильно дует ветер — хрустит под ногами высушенная льдом лужа — песок огрызается камнем — вода железно сверкает, как ртуть, от нее жарко и пахнет тяжелой постелью — оранжевое небо и блестящая машина — пустоши и бетонный столб — пески и паутина смешиваются друг с другом — я снова на каменном берегу — в этих валунах отражаются птицы, охраняющие верхние этажи панельных домов — он что-то курит, а потом касается ноги, волнительные прикосновения — он умеет играть на пианино — а здесь мелькнул альбом, разве он мой? и разве кудри в зеркале — мои? кто бы мог спросить это? плед укрывает ноги — за стеной кто-то шумит — я не помню, что говорила мама, ухаживая за мной — мне было очень тепло, когда я весь помещался под одеялом — мне казалось, что под ним целая страна, а для жизни нужно только отверстие для носа — я вспомнил это на улице, торгуя книгами — и рядом были деревянные дома — должно быть, многие из них сгорели — мы жгли костры на том песчаном пляже на заливе — расстеленный плед был узорчатый, прямо как тот, на стене у бабушки в деревне — тогда ночью была гроза, и мама обнимала меня, а бабушка пошла за молоком братику — а днем грозой запуталась в волосах у меня пчела — их не стоит бояться, если не хочешь быть ужаленным — потом я думал, что мед жжется — как ноги жжет, когда мы танцевали до утра — и меня носило по волнам бушующего моря — менялся свет, мелькали коридоры, выстраиваясь друг над другом кубиками — спала без дыма труба, и смотрел потолок на нас огромными светящимися глазами — в углах дремали люди — в конце концов грянул рассвет, пустив через отворенные шторы сквозь мертвые холодные лучи живой солнечный луч — девочка спала на его коленях, и он прижал лоб к холодному стеклу — мы шли вдоль канала, вышагивали посреди пустынной трассы — ноги были пусты, а вата в голове гудела — но небо было огромное и свежее, как созревший белый налив — потом и до я глубоко спал — и видел об-

лака — красные, они молчаливо смотрят, гипнотизируют, вращаясь, все глубже увлекая в себя — вот скамейка, ветер пробежал по траве и уносит взгляд за черту — стирается дом, замолкает трасса, трава растягивается, и поле сливается с желтым небосводом — дышится далеко и протяжно — вместе с телом шевелится лист — мягкое и шерстистое, ты продолжаешься вдаль — падает что-то тяжелое, и кегли оказываются сбиты — опустошено и сброшено — стекает ливнем река, облизывая город — камень холоден и дрожит — я сижу на ступенях под сфинксами — мимо ползет льдина, солнце раскололо ей кости — что-то сладостное есть в этом распаде — вода теплится, медленно длится, качается — узоры на воде переплывают на бумагу — камень и люди одеваются в воду, потому что им так теплее, потому что нужно наполнить чернильницу — я тоже укутываюсь в теневую шаль соседнего дома и скрываюсь за углом — кажется, это ощущение похоже на солнечные осколки, которые вспыхивают и гаснут на гребнях волн, когда наступает время заката — оно скатывается по ноге, прячась в брызгах — рисует что-то на коже — цветок из созвездия кружков — двигается строительный кран — пытаемся вытрясти плед: к нему пристали липучки — кто-то кричит, потому что в волосы забрался жучок — розовеет на траве надувной круг — а под сосной у ворот бесконечно расщепляется на гранулы неестественно ровная земля, похожая на запеченную хлебную корочку — смеется, летится и шутится, прыгается и танцуется — тянется рука с поля на улицу — скручивается подарочное письмо на желтой бумаге — шумное фойе и освещенная огнями сцена — объятие и уходящий вперед световой треугольник — мчится и гудит влекущее чувство, похожее на наступающий сон — вечер и обуревающая, подмигивающая своим экзотическим цветком, радость — снова брызги и смех — медленно движется тело по воде, раскисает и водянится рубашка — вздох — поворачивается взгляд, облокачиваясь на облака — так сладостно и нежно дышать! так хотелось бы, чтобы лето длилось вечно! вода, которую выливают на раскаленные камни, шипя, превращается в пар — колеса, превышая скорость затаенного дыхания, обращаются крыльями — если же довериться радости, можно превратиться в ветер — тропа улетает в овраг, соскальзывает с мокрой травы —

стирается взгляд давлением убегающей воды — солнце пробивается сквозь пух и разлетается вдребезги, как спелый арбуз, затапливая этаж за этажом мокрым от испарины воздухом — вскрикивает птица, растягивая вакуум — утопает крик в ветре — так ожидается кофе — стучат ложки о фарфоровые стенки, шевелится корицей булка на белом блюдце — сжимает волосы резинка — сквозь купол сыплются жаркие лучи — растягивается бумага, обнимая бетонные плиты — кто-то курит в коридоре — шумит толпа в столовой — кто-то ведет по винтовой лестнице, наверняка в зал под крышей — завтра здесь будет много людей — чертишь линию, перечеркивая пальцы — запутались шарики в проводах, зеленый на фиолетовом блестит взрывной волной, разносится по яблоневому саду — тихо смотрит из темноты озеро — мы сегодня покорители скалы с шампанским — пересекают друг друга эстакады, в отражении их ветвистых рук прячется мое лицо — замызганное стекло, мама где-то в комнате — рассматривает мои вещи, кажется, что-то возьмет себе — почему она дружит с моими друзьями?! часами смеется с ними, нет, со своими все же — но мы так похожи, даже родинка, затерявшаяся в гуще бровей — мы соединены, ближе, чем мужчина к женщина — я бы хотел быть ближе — так дома льнут к тому паркуровскому мосту — хлопали люди, в огнях разводился мост, не обрывая провода — а мне казалось, что жаль — меня влекло —

***

Выйдя из офиса, Ада, вновь переполненная горьким чувством из-за незавершенной статьи, поехала на встречу с друзьями в кальянную. Друзья это были потому, что она привыкла их так называть. Это были люди, которые окружали ее в подростковом возрасте. С ними сложилась «банда». Вместе они гуляли по городу, лазили по заброшкам, впервые пили вино, строили и выясняли отношения. Эти люди в какой-то момент исчезали из круга общения Ады, терялись за фигурами более важных для нее на определенном этапе людей, но все-таки оставались константами, той базой, на которую можно было опереться, чтобы в случае чего совсем не остаться одной. Ада не испытывала к ним больших чувств. Их время прошло. Цветы этой дружбы давно отцвели, да и ягоды уже были кем-то съедены. Подруги и немногочисленные

друзья в виде молодых людей обросли парами, супругом или супругой, некоторые — даже детьми, квартирами и машинами. Это были другие, уже чужие люди.

Ада была одна. Ее близкие друзья последних лет либо разъехались, либо отдалились, либо были отвергнуты под давлением ревности Фила. Поэтому разорвать общение с друзьями детства не было возможности. Тем более они были одобрены Филом, потому что являлись по совместительству и его друзьями. Только после встреч с ними Аде не приходилось ловить на себе недовольный вопрошающий взгляд.

За неимением ничего иного она цеплялась за этот круг людей, пыталась закрывать глаза на их недостатки и давила на себя, пытаясь найти достоинства.

В кальянной ее ждали Аня и Света. Ада поприветствовала подруг объятьями, извинилась за опоздание и погрузилась в чайное меню. Разговор здесь уже шел о деньгах, что сразу вызвало в ней волну неудовольствия. Аня говорила о том, что после поездки в Черногорию у нее совсем не хватает денег на ремонт на балконе. Света ей поддакивала, отмечая, что боится, как бы план совершить турне по Европе в зимние каникулы не провалился из-за проблем с последним проектом.

— Денег совсем нет, — говорила она.

«Какая жалость», — съязвила про себя Ада.

Света была айтишницей, Аня — женой богатого мужа. Настоящие типажи современности. Ада никогда не понимала и не разделяла их разговоры о материальном благополучии, потому что ее «денег совсем нет» означало пустой холодильник, а их — ее средний доход за месяц. Им было не понять друг друга. То, что ее школьный круг общения почти весь перешел в иной социальный класс, а она осталась в прежнем, Ада давно для себя отметила и считала, что в этом нет ничего мешающего общению. Наоборот, это нужно было воспринимать как стимул для развития. Не понимала она другого — того, почему все беседы в этой компании постоянно сводятся к деньгам. Часто, пытаясь перевести разговор в философское, околопсихологическое или хотя бы в более или менее интимное русло, Ада встречала молчание и пустые глаза. В такие моменты ей приходилось выходить из положения, сводить все в шутку и возвращать разговор в повседневность. Деньги, работа, еда,

одежда, отдых за границей, бывшие одноклассники — это основные темы, которые без конца обсуждались здесь. Ничего более.

— Вот я в последнее время задумалась о том, зачем говорить «спасибо» в контексте рабочего коллектива, — проговорила Света, когда тема актуального бюджета себя исчерпала, к радости Ады.

— Что ты имеешь в виду? — изобразив искренний интерес, спросила Аня.

— Ну вот ты даешь задание коллеге или подчиненному, так? — продолжила деловито та. — Он его выполняет, отправляет тебе какие-то файлы, отчеты и т.д. и т.п. — без разницы. Ты ему отвечаешь: «Спасибо огромное!». Зачем?

— Может, это элементарная форма вежливости? — вставила Ада, улыбаясь.

— Да, казалось бы, так, — ответила Света. — Но, если вдуматься, ты просишь у коллеги выполнить его работу. Конечно, я не говорю о случаях перекладывания обязанностей. Нет, речь идет только о его собственных должностных обязанностях. Зачем благодарить за то, что должно быть выполнено в любом случае, зачем тратить время? Это нелогично.

— Слушай, да, интересно, — проговорила Аня. — Я тоже об этом думала…

— Вот у меня была ссора на прошлой работе по этому поводу, — продолжала Света. — Когда я была администратором. Мне однажды высказали за то, что я очень грубая. Именно потому, что не отвечаю «по гроб жизни обязана» на выполнение обязанностей моих подчиненных. Со мной перестали контактировать, представьте себе! Я была в шоке. Так я ответила: «Уважаемый, вам тут не детский сад, не школа, я вам не мамочка, которая будет по головке гладить за каждый сделанный вами шажок. Давайте не будем показывать свою инфантильность!» Я так и не переменила способ общения. И этот уникум, увольняясь, назвал меня мразью, и сказал, что я причина его ухода. Вот как вывернул!

— А тебе разве не приятно, когда тебя благодарят за твою работу? — спросила Ада.

— Мне все равно, Ада! Я выполняю свои обязанности и получу за это зарплату. Мне не нужны благодарности! Я требую от себя профессионализма, чего жду и от других. Разве я многого требую?

— Но работа и так не самое приятное в нашей жизни, — возразила Ада. — Неужели лишнее доброе слово в ней по-настоящему лишнее?

— Ну, не знаю. Я думаю, это незрелость, Ада! Зависеть от окружающих, ждать от них похвалы…

— Да, я согласна, но… Я не имею в виду, что нужно зависеть…

— Здравствуйте, — прервал их кальянщик. — Вы определились с выбором?

Они заказали кальян, после чего к теме благодарностей вновь уже не возвращались.

Аня вдруг вспомнила, что хотела рассказать Аде и Свете о девушке, которая занимается персональным анализом гардероба.

— Пишут, что она очень хороша! — восторгалась Аня. — Можно понять, что с чем носить, что не следует надевать, что стоит прикупить. Личный стилист, в общем. Хотела вам предложить поучаствовать. Дает скидку, если услугу заказывает компания от трех человек. Можно воспользоваться.

Света сразу же заинтересовалась. Ада начала прислушиваться. Сначала идея насмешила ее. Потом она тоже прониклась ей. «Почему бы и да? — усмехнулась она про себя. — Может, это будет толчком для чего-то нового. Потратить деньги на то, чтобы тебе сказали, на что их еще стоит потратить! Иронично».

Они начали обсуждать, на какие даты можно заказать консультацию с личным стилистом. Потом Аня нашла аккаунт в Instagram. Пробегая глазами по записям под фотографиями, знакомясь с обрывками историй, Ада в очередной раз испытала удивление от того, как люди грамотно используют свои склонности и таланты для обеспечения своей жизни. Это то, чего она никак не могла найти в себе. Возможно, у нее просто не было никаких склонностей и, тем более, талантов. Этот вариант больно полоснул ее по самолюбию.

Принесли кальян, и, как всегда, сделав несколько глубоких затяжек, Ада почувствовала облегчение. Мысли умчались, оставив лишь приятное, разливающееся по всему телу и медленно подползающее к сознанию расслабление. Это состояние было мимолетно, но его хватало, чтобы найти настрой на продолжение общения. Передав мундштук, Ада откинулась к стенке дивана.

В словах подруг появился какой-то другой смысл, тот, которого в них не было, но который был в ней. Ада любила кальян за это. Он притуплял ее контроль всего на минуту, но за это время она успевала будто оттаять, чуть-чуть согреться, а может быть, просто спрятаться глубже, отстраниться, чтобы сделать себя недоступной для внешнего мира. Говорили о характерах итальянцев и европейских поездах.

Ада наблюдала за подругами. Черно-белые, контрастные, они красиво смотрелись среди клубов пара. Света, со своей прической и красными губами а-ля Рената Литвинова, грациозно держащая трубку длинными красивыми пальцами. Аня, устремленная корпусом к столу и широко улыбающаяся, с последним айфоном в руке, быстро клацающая нарощенными яркими ногтями по экрану в ответ на сообщение мужа и параллельно возмущающаяся по этому поводу.

Это были успешные люди, действительно созревшие и отбросившие детство. Ада могла бы как они. Ада могла бы выучить JavaScript. Ада могла бы найти богатого мужа. Ада могла бы закончить учебу. Ада могла бы сдать статью и выполнить очередной месячный план… Она всегда считала себя выше их, глубже их, умнее их. Но ведь она только могла бы. В этом была проблема. Сослагательное наклонение никак не становилось изъявительным, а форма времени уже, казалось, миновала прошедшее.

Получив вновь мундштук, Ада сделала глубокую затяжку и закинула голову назад. Сквозь серую пелену терпко пахнущего пара она разглядела белую трещину в темноте, а затем вернулась к разговору. Кальян уже потерял свое первое, мимолетное, чарующее действие.

***

В назначенное время, в положенный час, когда торжественно запираются двери метрополитена, когда лишь ветер бродит по преступным улицам, когда город обволакивает невская промозглая мгла, Андрей (мистер А) в своей истинной форме тихо стучится в дверь Залины (мисс З — правильной «З»). С тревогой замок отпирается, девушка перед этим внимательно вглядывается в черный силуэт по ту сторону сферы Корнелиса.

Оказавшись в зоне безопасности, мистер А снимает с лица маску сосредоточенности. С ней он может быть собой, ведь она

знает, что таится под тяжелым костюмом супергероя. Это и ее судьба.

Впереди дело — нужно сосредоточиться. Мисс З собирает листовки, достает еще горячие листы из принтера, переливает клеящую жидкость в спецоборудование, готовит картонные трафареты. Бегает по комнате, прячет в сумочке баночку краски. Уже тоже в костюме.

Мисс З спрашивает о его снаряжении — «весенние» зеленые ленты подготовлены и разложены по сумке.

Их двоих призвали на защиту будущего государства — защиту от зла, от облака тьмы, идущего с востока. Это был зов. Зов из глубин Мирового духа. Они, еще дети, неопытные, невинные, но горящие внутри, оказались готовыми поделиться своим пламенем с великим огнем революции. Их судьба была предопределена. Кто, если не они?!

Облаченные в черное, они окунулись во мрак ночного города. И тот принял их миллионами своих огней. Его, верящего в грядущие перемены. Ее, разочарованную и с ужасом предчувствующую приближение темноты.

Их путь был расчерчен светом зеленого фонарика, включал квадраты, круги, зигзаги, спуски и подъемы. Целью были столбы, деревья, лавочки, стены переходов, водосточные трубы, в которые по обряду нужно было покричать, а также блокадное дерево и памятник-вагонетка. Для мистера А последний представлялся важнейшей задачей, ведь он уповал на отклик духов, на их погубленные жизни. Как он считал, если живые не способны услышать голос истории, способны на то мертвые.

Двигаясь по заснеженным улицам, вдоль кроваво-серых сталинских стен, они обходили подкупленных Злодеем псевдоуборщиков, уничтожавших их следы, следили за проезжающими машинами, боясь встретиться с опричниками, сопровождаемыми красной лентой. Все должно было проходить тихо.

Мисс З предпочитала предосторожности. Следя за обстановкой, постоянно сканируя карту местности, она оставляла следы везде. Ее способностью была креативность, творческий подход к делу. Мисс

З создавала уникальный инвентарь, была одним из творцов идеологии революции. Мистер А ценил это в напарнице, ведь за ним подобных талантов не наблюдалось. Он предпочитал краткость, простоту и три главные буквы («МИР»). Однако мистер А был увереннее. Он не понимал мисс З в ее мнительности. Лучшим оружием для него было спокойствие. Ему казалось, что в определенных рамках, при соблюдении неких условий безопасности, можно вести себя открыто, не таясь, без страха быть рассекреченным. Чары Zлодея и его прислужников играли им на руку. Люди были слепы и безразличны до поры до времени к тому, что происходило у них перед глазами.

Благополучно обработав весь путь, они наконец добрались до дерева и вагонетки. Попеременно сменяя друг друга на страже, они озеленили эти священные места, почувствовав, что связались с более сильной стихией. Слившись своими костюмами с темнотой, мистер А и мисс З благополучно скрылись от радаров проходящих мимо ночных филистеров.

Операция прошла успешно. Можно было возвращаться домой. Приближался час волка.

Путь их шел через последний переход.

Желая попытаться снять чары с обывателей, мистер А предложил озеленить лентами перила, чтобы выгнать сон из глаз жертв Zлодея, когда те утром потоком серой массы двинутся на работу. Идея была подхвачена мисс З. Реализовав ее, они решились расклеить последние снимающие чары бумаги на стены перехода.

Расслабленные своим успехом, герои не задумались, что место слишком публичное. Едва мистер А прижал бумагу к стене закрытого киоска, зазвенела сирена. Они были рассекречены!

Сирена ревела свирепо и, казалось, с каждой долей секунды становилась громче.

Дернув в отчаянии руку напарника, мисс З рванулась к выходу из перехода. Оба знали, что вдвоем они ничего не смогут сделать с орками Zлодея, которые вот-вот явятся по их души.

Откинув все мысли и решив не пускать внутрь никаких чувств, они трансформировали страх в энергию и бросились вдоль улицы, одновременно решив, что скрыться можно только в запутанных городских

кварталах. Быстро миновав открытое пространство площади с фонтанами, герои свернули во двор под арку и, не сбрасывая оборотов, стали вилять в хитросплетениях дорог, среди машин. Погони пока не было, но она могла появиться. Чтобы спастись, необходимо было оказаться как можно быстрее вне рамки больших дорог, окружавших эти несколько кварталов.

Мимо проносились огни ночного города, светофоры, фонари, их листовки, ленты, молчащие окна домов, ветви спящих деревьев. Они бежали изо всех сил, изредка проверяя состояние друг друга. Он был чуть впереди — она медленно отставала. Одаренный даром силы больше ее, постепенно мистер А стал периодически останавливаться и ждать напарницу, потому что друг без друга они остаться не могли. Их связывало дело. Только вдвоем они могли функционировать и приносить пользу. Значит, и погибнуть герои должны были вдвоем.

Водораздел был уже близко. Черные всадники наверняка не смогли бы их найти там. Еще немного — и они в безопасности. Нужно было перетерпеть, сломить усталость, еще несколько минут — и они свободны.

Собрав последние силы, сжав дыхание, герои сделали последний рывок и перебежали трассу, вновь скрывшись в дружественных дворах.

Оказавшись вне зоны опасности, мисс З рухнула на скамейку. Сумка с инвентарем сползла с плеча и упала на грязный снег. Мистер А тяжело дышал и, согнувшись, опирался на колени, приходя в себя.

Позади оставалась возможная катастрофа.

Герои были измождены. Оба испытывали фейерверк из чувств. Страх переродился в решимость. Оба впервые почувствовали свою глубинную силу целиком, но одновременно показалась и хрупкость их роли. Впереди предстоял великий путь — они знали это. И происшедшее — лишь первое испытание. Однако опасность была так близко…

А насколько близко?

Вдруг оба посмотрели друг на друга. Им пришла некая догадка. Пытаясь найти в глазах друг друга ответ, они внезапно залились смехом.

— Это была…? — спросила она.

— Да, наверное, — прошептал он благодарно.

Мистер А и мисс З вновь засмеялись.

Все случившееся вдруг предстало совсем в другом свете. Трагедия оборачивалась анекдотом. Их, супергероев, обманули. И кто? Они сами! Призраки улиц явно затуманили им взоры. Вот она — сила лотосов…

Мистер А не отводил восторженных глаз от мисс З. На стене за ее скамейкой была обращенная к ним надпись-знак — послание духа революции.

«Ты пидор», — благоговея, прочитал Андрей и почувствовал, что нужно срочно сделать фотографию здесь, чтобы не отогнать удачу.

***

Za дороги без бабок!

Господа пассажиры, по оплаченным нервам, я аккордами денег эту песню пою.

Тем, кто, купивши шаферму, животы набивая, пустой взгляд обращает на соседей своих.

Тем, кто громко в созвоне обзывает «гондоном», кто кафе обсуждает: «Там еда повкусней!».

Я пою этим детям, матерей измотавшим, расплескав истеричный фонтан из слюней.

Пассажиры, пассажиры, ваши мысли — из экрана — за «стабильность» и за рабство до конца.

Пассажиры, пассажиры, пускай рабство в вас взрастает, заставляя в унисон звучать сердца.

Za царя горы!

Песенок тех, уж написанных, сколько?

Скажи, певичка, провой!

«Помните, здесь ли проституточки

У Прибалтийской гуляли порой?» — «Давно ль?».

«Дочка моя, послушай меня!»

— «Была б твоя власть, послала б в Судак!»

«А есть ли билет?» — «Отстань, мудак!»

Вот так…

Za куличик! Мой куличик!

Ой-на-и-на-и-на-на-нэ-на…

Мерзкими кучами уши завалены, мозг «хрюканиной» зловонной пропитан, мы

«Дождь» и другие каналы закроем, нам время идущее кажется мерзостью.

Мы наступаем по всем направлениям: блог иль газета — агент под прикрытием!

Нас ненавидят, но мы побеждаем и снова в атаку себя мы бросаем.

Давай нам жизнь, давай, брат, до конца, давай на бой, победа нам нужна.

Давай нам жизнь, развязана война, затеем бой, победа нам нужна.

Гой-да!

Встанем, пока ещё с вами мы живы — неправда за нами!

Там снизу на нас кто-то смотрит чужими глазами.

Они ошибались, как дети, и в будущем жили.

Встанем, и прошлое грянет.

Встанем.

«Одарит и тебя Господь, касатик, благами!»

Ты скажи спасибо за то, что им в НАТО не дали

Войти! Кто нашёл свою веру и больше не с нами,

Тем мы и петлю затянем.

«Нет больше любви…»

«Автобус следует до Адмиралтейской!» — услышал Андрей.

***

шумит переулок — с одной стороны поет английская певица, с другой — изнывает индийский инструмент, с третьей — подскакивает на нотах русское слово — в гуле мягко и нежно протяженно поет на китайском что-то — люди шумят и в хаосе несутся, теряясь в углах серой улицы — изрыгает и захлебывается метрополитен — в пластике ловятся пауками надписи, наклейки мусором застревают в зазорах — в провале звука все еще виднеется-играет на гитаре китаец, упоительно, любовно излагая родную песню — берутся за руки девочки — подкрикивает и подтанцовывает пожилой беспризорник — его пьяное грязное лицо светится от улыбки — перебегают из ва-

гона в вагон музыканты, а мальчик лежит на коленях у мальчика в уютном саду среди центрального лабиринта — раздувается майка скейтера, исполняющего трюк — заворачивает доска и уносит на рынок — пестреют прилавки — я торгуюсь с продавцом насчет камеры, щелкается затвор, опьяняюще действует примерочная с тем цветастым свитером — сладостью наполняются мысли, очередной пирог блеснул на круглом столике — она курила в той веганской столовой на сенной — вспышка ослепила — не успеваешь оглянуться — на ногах массивные ботинки, приятно затягивать — руки в черной коже, на глазах блестки — сверкает свет, чтобы размыть картину — они извлекают из реальности лишь тени — лицо превращается в световое пятно — подождите, откуда-то слышится музыка — кто-то вновь хватает за руку, и вновь тело вдавливается в кровать — искажается комод в углу, превращаясь в проигрыватель — кто-то ставит тонкими пальцами пластинку — синий свет охраняет комнату — спадает одежда — и тонут угол за углом — все сливается в раковину, закручиваясь в вихрь круга — где я? — в элеваторах шумит ветер, черные стены устремляются ввысь — распевается орган и расцветают в витражах бутоны — красные пионы теряют свои лепестки, и они беспрекословно падают на прозрачный мрамор — склоняются каменные лица, гудит что-то в пространных коридорах — город под глазами красуется грибными шапками, а вдали искрится леденец небоскреба — зажигаются огни, ползут автобусы — бежит по стеклу капля, размазывая то, что там, под дождем — потом загорается закат, отбрасывая багровое — я дышу на балконе, я, кажется, устал — холод обнимает лодыжки — волосы щекочут плечи — проспект внизу подозрительно молчит, на крышах антенны машут мне руками, приветствуя — как жаль, что ночные приведения не гуляют по крышам днем — они оставляют крошки на моем коврике у кровати — таким холодным был гранат в жаркий день — он распадался на свои замерзшие капли и радовал взгляд — налитый белой кровью, он взрывался во рту — он говорил искренне, обдавал острым взглядом и плакал — я тоже когда-то плакал, смотрел в потолок, и братик в детстве был рядом — он обнимал меня, а потом мама благодарила его, я знаю — иногда она ложилась со мной спать, держала меня за руку — и так

грустно было, когда утром постель была пуста — это была пустая кружка — в ней на стенках все еще оставался снежок, но собрать его не получалось — нужно было слизывать его языком, но язык был короткий и такой беспомощный — с ним ничего нельзя было сделать — мелькнул перед глазами коридор, снова прогремел орган — но почему все смешивается? я очень люблю гулять вдоль берега — я лежал на бетонной плите и мечтал о другом береге — кажется —

***

Они просидели в кальянной чуть больше часа, а затем Ада вырвалась из компании подруг и поехала домой.

Когда такси привезло ее к подъезду, она ощутила теплое, радостное чувство — словно ежик в тумане, наконец добравшийся до медвежонка. Ее тянуло в коридоры их съемной дореволюционной квартиры, под высокие потолки с лепниной, на этот лакированный деревянный пол с мягкими коврами, к окну на кухне, за которым открывается вид на крыши всех центральных домов, купола и колокольни соборов, облепленные находящимися в постоянном вращении черными точками птиц. Ада представила Фила, как расскажет ему все, что было в этом дне, представила его молчаливый взгляд, говорящий о том, что эти серые глаза готовы поглотить всю ее боль.

Повернув ключ в замке, она зашла в квартиру и, заперев дверь, включила свет.

В спальне горела только лампа. Силуэт Фила ярко выделялся в ее рыжем пятне. Он занимался изготовлением очередной кожаной сумки. В этот раз для нее — на день рождения. Услышав, что Ада пришла, Фил обернулся и поднялся, бросив свою работу. Он пересек дорогу света и подошел к Аде, полностью погруженный во мрак. Лишь по приближении к ней на расстояние вытянутой руки его лицо стало выступать из мрака и просветляться.

— Привет, как твой день? — как всегда, легко и свободно бросил он, подходя еще ближе для поцелуя.

— Привет, — принимая его губы, отвечала Ада. — Я очень устала. Думала, что день не закончится.

— Как твоя статья? — отодвигаясь, спросил Фил.

— Все так же.

Он помолчал, а затем произнес:

— Я сделал суп — он на плите. Раздевайся и иди ужинать.

Ада улыбнулась, но внутри почему-то уже возникло неприятное, отвращающее чувство. Чем оно было вызвано? Секундой его колебаний после ее слов о статье или же чем-то иным? Хотел ли он сказать что-то? Или она сама неуловимо для себя заполнила его молчание своими страшными мыслями?

Переодевшись, Ада пошла на кухню. Как и с утра, вместо «большого» света она зажгла лампу на столе.

Тыквенный крем-суп все еще был горяч. Легкое облако вырвалось из-под крышки, когда она приподняла ее, и в нос ударил приятный запах домашней пищи.

Наложив себе порцию, отломив ломоть от свежего багета, Ада села за стол.

Было тихо.

Она ждала, что Фил придет к ней, присоединится к ужину. Но звуки его работы над кожей не затихали. Похоже, он не думал бросать свои занятия.

— Фил, — окрикнула Ада его. — Ты не будешь есть?

— Нет, я уже поужинал, — был ответ.

Ада вздохнула.

Достав телефон, она открыла рабочий чат. Там Паша, Маша и другие обсуждали будущую командировку в Нижний. Кто-то спросил, будет ли свободное время там, чтобы погулять по городу и отдохнуть. Так беседа сразу превратилась в планирование развлечений. До поездки было больше двух недель, и Ада еще не успела ее осмыслить.

Прочитав накопившиеся сообщения до середины, она бросила это дело, ощутив усталость. Сознание отказывалось думать о работе. Все, что с ней было связано, сейчас рождало в ней хаос эмоций, в которых она терялась и, следовательно, с которыми, не знала, что делать.

Отвернувшись мысленно от работы и коллег, Ада попыталась нащупать в себе основное чувство, общее душевное состояние, и сразу же наткнулась на образ Фила. Он был связан с обидой. Молчание на ее состояние, которое невольно воспринималось как нежелание углубляться в не свои проблемы, увлеченность работой,

несмотря на ее присутствие, резкий отказ вместе поужинать — все это расстраивало.

Казалось бы, он приготовил еду, делает в подарок новую сумку. Возможно, он даже не трогает ее лишний раз, чтобы только дать отдохнуть. Но ведь это он любит тыквенный крем-суп, а изготовление сумок — его главное хобби! И он же знает, как важно для нее не оставаться одной, когда накрывают эмоции. Фил устал от их отношений? Он ей не доволен? Подступал гнев…

Мысли Ады вращались вокруг этих идей и догадок. Она пыталась, объяснив, оправдать свои чувства и одновременно обесценивала их, приходя к собственной эгоистичности и неблагодарности.

Жизнь с Филом была проблемой. Она вновь осознала это, будто в очередной раз натолкнулась в шкафу на вещь, которую постоянно прячешь, чтобы забыть о ней, но которую нельзя выбросить.

«Он не понимает меня, — в очередной раз произнесла про себя Ада. — И не хочет понять…»

Но сразу же ее сознание вторило первой мысли: «А ты его понимаешь?».

«Наверное, нет…» — отчаянно подводила черту Ада.

Не считая времени разрыва, она была с Филом уже почти четыре года. Два года они уже жили вместе здесь, в Ярославле. До разрыва они провели вместе лето, а затем полтора года встречались, практически постоянно находясь на расстоянии.

Все началось с Нико. Отношения с ним тогда шли к своему завершению, отдаление уже достигло точки невозврата. Он, в своей жажде творческой свободы, уже тогда потерялся в толпе людей, упиваясь своим самолюбием. Ада оставалась одна. Как Мэри Шелли, ее вынесло из эпицентра урагана разрушенной и подавленной. Она чувствовала, что какой-то этап жизни закончился. Страницу нужно было перевернуть.

С Филом она училась в одном классе, никогда с ним не общалась близко и после школы потеряла из виду. Ей было двадцать, она приехала в Ярославль к семье на каникулы, когда бывшие одноклассники начали организовывать встречу выпускников. Ада не хотела участвовать в этом мероприятии, но в последний момент все-таки решилась. Встреча оказалась камерной. Пришли всего четыре человека, включая

ее. Очень тепло пообщавшись в полупустом уличном ресторане, все вместе они пошли гулять к Волге. То ли атмосфера родного города на нее так воздействовала, то ли свежий летний ветер способствовал улучшению настроя, то ли ностальгия по школьным годам подбадривала, то ли настойчивый, полный интереса взгляд серых глаз Фила зажигал что-то, казалось, умершее внутри, но Ада была в лучшем своем состоянии — состоянии, когда могла беспрестанно травить шутки и без конца громко-громко смеяться, рождая во всех окружающих людях ощущение праздника, а главное, рождая его в себе.

После окончания встречи Фил вызвался провожать ее до дома, и разговор, который завязался между ними двоими, был более спокойным и тихим, чем тот, что продолжался последние несколько часов. Она, видя его сверкающие глаза, чувствуя, что является тому причиной, разоткровенничалась и рассказала о своих «глупых» отношениях, о том, что чувствовала, о том, как решила все изменить и начать жить по-другому. Он слушал ее внимательно, ничего не говорил о себе, вообще как будто пытался вырезать себя из диалога с целью подчеркнуть ее, именно ее, значимость. В этой беседе Ада ощутила внезапно, что внутри очень спокойно, что воспоминания о Нико не тревожат, не причиняют боли. Внутри все улеглось, все прояснилось и окрасилось в пастельные цвета наступавшего заката. Фил был сама внимательность и покорность. Он был полной противоположностью тому, другому. Это обезоружило Аду.

Когда они подошли к ее дому, он как-то очень естественно, на лету произнес:

— Когда я смогу увидеть тебя снова, Ада?

Прозвучавшее из его уст имя заговорило, сообщило, что то новое, чего ей так не хватало, чего она ждала, начинается прямо на глазах.

— Ты можешь зайти на чай, — невольно выговорила она, поддавшись чувству, и улыбнулась робко.

С этого момента все в жизни изменилось. Зарождалась целая эпоха. Они провели вместе этот остаток дня, делая оригами и попивая чай на кухне матери Ады, которая по велению судьбы сегодня гостила у бабушки с дедушкой. Фил научил ее складывать из бумаги разных животных, но первыми были журавлики, оставшиеся навсегда особенно ценными для Ады. Она даже говорила иногда, что эту любовь принесли

журавли. Уже позже, спустя время, они будут летать под потолком ее комнаты, медленно вращаясь и напоминая о Филе. В этот вечер Ада без конца говорила: о своем детстве, о бабушке, о друзьях, о школьных годах, об универе. А он все слушал. В голубой рубашке, в брюках, с аккуратно постриженными каштановыми волосами, Фил все больше ее впечатлял. Спокойная, ровная, но сильная энергия, которая шла от него, очаровывала и покоряла.

На следующий день Ада рассталась с Нико. Началась эпоха счастья. Они с Филом виделись почти каждый день, много гуляли, сидели в кафе, катались на пароходике до Толги, ездили по области, знакомясь с маленькими городками. Они много времени проводили у него дома, готовили вместе, стараясь осилить все сложные рецепты, которые находили.

Потом у Фила закончился отпуск, и оставалось только видеться по выходным. Но даже в разлуке общение не прекращалось. Они писали друг другу огромные письма в чатах, вечерами созванивались и разговаривали до темноты.

Ада чувствовала, что Филу тяжело. Он много работал, проходил курсы и параллельно пытался выстроить общение с ней, чтобы она не имела возможности почувствовать себя одинокой. При этом Фил не показывал виду, что вымотан. Несмотря на признаки недосыпа и усталости на лице, он всегда был всем доволен, всегда находился в хорошем, расположенном к ней настроении. Ада ценила это. Впервые в жизни она ощутила, что по-настоящему нужна кому-то. Фил практически обожествлял ее, почти поклонялся. С ним Ада могла быть такой, какой она являлась, и делать все, что захочется: смеяться и плакать, петь, говорить без умолку и молчать, пить вино и отказываться от алкоголя, рассказывать о книгах и читать оды мемам. Фил же всегда оставался серьезным, спокойным, сдержанным, немногословным. Он ее вдохновлял порядком и стабильностью, которыми была пропитана его жизнь, аккуратностью во всем: в одежде, в готовке, в принятии решений, в работе, в общении с ней. С ним всегда было безопасно и уютно. Фил обнимал ее, целовал, и она чувствовала, что в его руках она спрятана от всего белого света.

Ада влюбилась.

Однажды он внезапно пришел к ней домой тогда, когда дома была мама. Учтиво представившись ей, Фил вызвал Аду на прогулку. Та сразу

увидела в его глазах какой-то странный огонек, какую-то новую для нее большую идею. Идя по набережной, Фил долго не мог собраться и выговорить это, но затем он начал говорить, много и быстро. Аду звали в путешествие — в трип до Берлина. Фил накопил денег, нашел билеты, квартиру, составил план поездки и ждал одного — ее согласия.

И они отправились в Берлин. Билеты туда были безумно дешевыми: летели на самолете «Победы». Мама Ады, когда узнала стоимость, спросила: «Вы летите на кукурузнике?». Этот вопрос Филу очень понравился. Между ними эта история так и осталась историей о том, как они летали в Европу на кукурузнике. Квартира, в которой они остановились, находилась в самом центре столицы. Все в ней было наполнено запахом лаванды, которую хозяин, похоже, обожал: мыло, шампунь, гели для душа, пена для ванны, постельное белье, освежитель воздуха. Этот запах, как и этот цветок, стал символом начала их любви, частью их истории.

Ада практически ничего не запомнила из своих впечатлений от города. Она могла перечислить места, в которых они побывали, но долгие рассказы о них из ее уст услышать было маловероятно. Все потому, что впечатления от города терялись за чувствами, в которых Ада утонула наедине с Филом.

Здесь между ними не было преград. В иноязычной среде они оказались спаянными, едиными. Ада до конца доверилась ему.

Здесь началась их сексуальная жизнь, зарождение которой довело их взаимоотношения до той точки близости, которой им не дано было достигнуть впредь. Ада до сих пор помнила те безумные, заполненные солнцем рассветы, в которые они, голые, словно Адам и Ева, сражались на подушках, щекотали друг друга, прыгали на кровати, танцевали под онлайн-радио, а потом проводили часы в постели, наслаждаясь своей любовью до кружения головы. С ним она чувствовала, что ее нагота священна, чиста. Они играли в Афродиту и Адониса, отматывая назад витки черной европейской истории — к божественному свету… Она помнила долгие завтраки на балконе, голубые купола кафедрального собора, шутки под сводами готической церкви, красивые Instagram-ные фотографии, позже навсегда исчезнувшие, прогулки по паркам, сидения в уличных забегаловках — бесхитростные радости, которые в то время воспринимались как чудеса, как дар.

Здесь, в Берлине, они начали вести общий дневник, в который вечерами вдвоем по очереди записывали свои впечатления дня, воспоминания, удачные шутки. Этот дневник стал их традицией, еще одним символом отношений. В будущем он прервется, замолкнув на целый год, а затем снова заговорит…

Но здесь же, уже оглядываясь назад, подмечала Ада, впервые проявились те черты характера Фила, которых она не любила. Он внимательно ее слушал, казалось, впитывал все, что она говорила, очень чутко относился ко всем ее словам, но, когда у нее появлялась какая-то идея относительно их времяпровождения, которая не совпадала с его идеей, он улыбался, соглашался, давал обещания, что все реализует, а затем благополучно забывал об этом. Кроме того, уже в то время Ада поняла, насколько разные у них представления о близости. Фил был очень тактильный. Он искал ее объятий, поцелуев, постоянно гладил ее, держал за руку. Это делало его счастливым — молчаливое существование вместе, как можно ближе вместе. Физически. Ей же нужен был разговор. Она хотела духовной близости, сближения душ. Именно тогда, в Берлине, она впервые почувствовала незавершенность в его объятиях.

Их поездка состоялась в конце лета, и после нее Ада сразу вернулась в Москву на учебу, а Фил приступил к работе. Они виделись снова по выходным, катаясь между двумя городами. Пытались заполнить дни встреч яркими поступками, событиями: лазали по крышам, кормили уличных котов, пытались приласкать белок в парке, искали новые места для посиделок, ночами гуляли по городу. Однажды они даже снялись для рекламного ролика кофейни в Яре.

Еще полгода прошло незаметно. Потом что-то начало меняться. Зима, усталость обоих от учебы и работы — это утяжелило их отношения. Первая бурлящая влюбленность начала проходить, уступая более спокойному и стабильному чувству, которое уже не давало обоим избытка внутренней энергии. В придачу Филу начала грозить армия. Он не собирался служить, рассчитывая «откосить». Он успокаивал Аду, волнующуюся из-за длительности протекания отношений на расстоянии, тем, что после решения вопроса с военкоматом переберется в Москву. Но время шло. Обещания оставались обещаниями.

Вскоре открылась еще одна отрицательная черта Фила, самая неприятная для Ады, — страсть к легким деньгам. Он принял участие в финансовых махинациях приятеля, что вызвало у нее бурю недовольства. То, что человек, которого она любила, обманывает людей, выводило Аду из колеи. Но ее увещевания Фил не воспринимал. Они стали часто ругаться, но их ссоры не заканчивались разрешением проблемы. Ада окончательно поняла, что есть сферы в его жизни, в которых она не имеет власти.

Отношения становились мрачнее. Ада и Фил больше не делали ничего нового вместе. Он говорил, что ему комфортнее проводить время вместе с ней, не отвлекаясь на что-то постороннее, что, по его мнению, внешний мир мешает их любви. Поэтому они проводили все время дома или в кальянных, которые недавно для себя открыли. Ада начинала скучать.

В ней все больше росла неудовлетворенность потребности в духовной близости с Филом. Его тактильность начинала раздражать ее. Ей казалось несправедливым, что он берет сполна от нее, закрывая свои нужды, а она только дает, не получая ничего взамен. Секс не был для нее высшей формой времяпровождения. Более того, физически она испытывала отвращение к сексу. Несмотря на то что Фил был красив, хорош собой, он перестал возбуждать ее, притягивать. С отсутствием духовной связи становилось очевидно, что эта проблема грозит стать нерешаемой в будущем. Даже когда ей удавалось выйти на интимный разговор с Филом, приходилось удивляться тому, что с ним совершенно не о чем вести беседу.

Постепенно Ада стала подозревать, что та глубина, которую она в нем видела, иллюзорна. Однажды, прибираясь на столе в его квартире и найдя среди его вещей небольшой блокнот, не в силах преодолеть любопытство, она открыла его и натолкнулась на список желаний. Кроме миллиона, машины, квартиры, красивой жены с хорошими формами, в нем не было ничего. Ада, ошарашенная ничтожностью мечтаний своего партнера, впервые ощутила свое превосходство.

Усиливала возникающий разлад между ними и ревность Фила. Он начал очень напористо выпытывать у нее, куда и с кем она ходила, накидываться на тех или иных людей в окружении Ады, запрещать ей

видеться с другими парнями наедине. Доходило иногда до требований фотографий в подтверждение того, что она ложится спать.

Ссоры стали постоянной частью их времяпровождения. Отношения на расстоянии не заканчивались. Фил рисковал угодить в тюрьму или армию. Ревность с его стороны становилась все сильнее. Время, проведенное вместе, не оправдывало их ожиданий. Все начинало разваливаться.

Она невольно все чаще обращалась к воспоминаниям о Нико, о тех отношениях, которые считала своим первым неудачным опытом. Теперь, спустя время, многие события в них стали для нее выглядеть лучше. В этих отношениях, столь ужасных на первый взгляд, не было границ, а был простор. В них она была живая. «Неужели теперь я умерла?» — задавалась она вопросом и не ждала ответа, пугаясь его…

Тогда Ада познакомилась с компанией кальянщиков в Москве. Легкость общения с ними, радостная суета их вылазок, вечеринок, кальянные посиделки и длинные задушевные разговоры как будто вывели ее на свежий воздух. Она на неделю исчезла из-под контроля Фила. Он звонил, писал вопрошающие, гневные и умоляющие сообщения, оставлял голосовые. Ада молчала.

Она уже отдалась потоку изменений, которые происходили в ее жизни. За Адой начал ухаживать один из кальянщиков, Кирилл, и она, наслаждаясь этими знаками свежей влюбленности, принимала ухаживания. Ей было легко и радостно. Впервые после Нико Ада ощутила потребность в свободе, почувствовала жажду кипучей, страстной, полноценной жизни без ограничений.

Она рассталась с Филом. Это был долгий и изнурительный психологически процесс. Фил не понимал причин ее желания разойтись, срывался, оскорблял, унижал, проклинал ее, потом, наоборот, умолял остаться, боготворил и обещал, что все изменит. Он преследовал ее, не отпуская. Ада сменила все телефоны, заблокировала Фила во всех возможных мессенджерах. Окончательный разрыв произошел на проводах в армию, прямо на железнодорожном вокзале. Позднее, после расставания, Ада боялась представить, с каким тяжелым чувством он уезжал на год в небытие.

Отношения с Кириллом же в результате быстро закончились из-за того, что в них Ада чувствовала в роли матери подростка с суицидальными наклонностями. Компанию пришлось оставить.

Уже незадолго до расставания с Кириллом Ада получила первое письмо от Фила — два исписанных мелким аккуратным почерком листа А4 о том, что он раскаивается, что в армии много переосмыслил, что в его жизни не было никого ближе ее, что гадалка в госпитале, куда он попал из-за ангины, нагадала ему, что они обязательно снова будут вместе… Она не смогла проигнорировать это письмо. Ее подтолкнула к ответу роза, подаренная Филом год назад, которая таинственным образом умерла после их расставания и внезапно ожила после прекращения взаимоотношений с Кириллом. Роза, письмо, а может, и внезапно навалившееся одиночество навеяли воспоминания о тех счастливых моментах, которые были прожиты вместе с Филом. Ада, перечитывая их общий дневник, начала жалеть о случившемся. Она стала внимательно анализировать историю их взаимоотношений в поисках своей вины и вины Фила. Ее не отпускало чувство, что она упускает любовь всей своей жизни. Она сомневалась, что кто-то в жизни мог любить ее больше, что кто-то еще мог принять ее такой, какая она есть, полностью, что кто-то может быть вернее. Ее страшно мучили угрызения совести и раскаяние… Она ненавидела себя, ту себя, которая когда-то встречалась с Нико и которая в самый темный момент отношений с Филом вновь проснулась.

После Кирилла случились еще одни кратковременные отношения, узнав о которых, Фил, знакомый с ее новым парнем, прислал гневное письмо с восклицанием в конце: «Если эта обезьяна лысая тебя оттолкнет, ты ко мне не приходи!» Переписка, которая установилась между ними, прервалась, что Ада, к собственному удивлению, восприняла спокойно. Она поняла, что не рассчитывала возрождать эти отношения. Ее тянуло к Филу, но тянуло как к брату, как к кому-то очень близкому и родному, большому и сильному.

Затем снова последовало расставание, вызванное ревностью, которая душила Аду. Переписка с Филом вновь возобновилась. Затем вновь оборвалась.

В результате прошел год. Фил вернулся из армии. Ада была одна. Она активно переосмысливала свою жизнь. И, раскладывая свой опыт по полочкам, поняла, что хочет увидеться с тем человеком, который любил ее так сильно, так долго, несмотря на всю боль, причиненную ему.

Они встретились в последний день лета. Он не изменился. Слегка похудел, стал более заостренным, широкоплечим. Но глаза все так же блистали при виде ее. Внешне холодно обнявшись, они пошли вдоль Которосльной набережной и начали неловкую беседу. Их разговор не касался того, что случилось за последний год. Ада не услышала ни одного вопроса о бывших, ни одной фразы о том, что она делала, пока он находился в армии, ни одного намека на упрек. И была благодарна за это. Он будто прощал ей все. Молчаливо слушал ее бессмысленную болтовню об уже тогда начавшихся проблемах с учебой и иногда вставлял обрамляющие ее «словоблудие» фразы. В какой-то момент Ада ощутила то самое спокойствие, которое охватило ее в их первую прогулку после встречи выпускников. По выражению лица Фила она поняла, что он тоже испытывает что-то подобное. Оба молчали, боясь говорить о глубоких чувствах. Лед тронулся, но, казалось, оба боялись этого. Однако в конце прогулки, на прощание он обнял ее и прошептал: «Ты же знаешь, что я люблю тебя?» И Ада разрыдалась. Она плакала так сильно, что он еще пять минут не мог никак ее успокоить.

Через два месяца они съехались. Этого захотела Ада. Она поняла, что все еще любит его. Ее переполняла нежность, благодарность к нему за его преданность, верность, чистое и непоколебимое чувство. Ада хотела все исправить. Она желала перекроить свою жизнь, поставить ее на новые колеса, сделать его счастливым, залечить его раны. Она будет идеальной! Она выстроит все с чистого листа!

Они спустя три года наконец были вместе. Не было расстояний, армий, финансовых махинаций. Они оказались в тихой гавани, созревшие, сформировавшиеся. Но сильные чувства, проснувшиеся после долгого разрыва, быстро улеглись. Начался быт.

Вызванная воссоединением добровольная социальная изоляция Ады вскоре переросла в вынужденную. Пытаясь угодить Филу, она порвала отношения почти со всеми молодыми людьми в окружении и отказалась от встреч с некоторыми подругами. Ада практически стала узником прекрасной дореволюционной квартиры, которую они снимали втридорога в центре Ярославля и которую она безумно любила.

Они купили собственный кальян и проводили вечера друг с другом или в компании друзей Фила, медленно и красиво покуривая в такт разговору.

Оторванность от старых связей и переезд на постоянной основе в Яр усугубили положение с учебой. Ада ушла в первый академический отпуск.

Последовали тяжелые поиски работы, недолгая работа в MOHITO, а затем поступление в штат копирайтеров. Началась однообразная серая жизнь.

Первые полгода Ада успокаивала себя большими изменениями, которые, якобы, происходили в ее жизни и погружали в стрессовое, неспокойное состояние и отвлекали от любви. Но постепенно отчетливо формировалось понимание того, что что-то не так в ее отношениях с Филом.

Они жили как старые супруги. Каждый занимался своими делами, и контакт происходил только за обеденным столом и в постели. Давно позади остались красивые совместные вечера с выходом «в свет», попытки делать что-то новое и оригинальное, не планировались поездки, не было бурлящих чувств внутри, не было интереса в познании друг друга, потому что все уже было известно. К тому же Аде пришлось вспомнить и о сексуальной проблеме в их отношениях. Она думала, что этот вопрос исчезнет после долгой разлуки. Но все стало лишь хуже.

Филипп перестал восприниматься ей как объект желания. Ей было приятно, что она его до сих пор сильно привлекает, но сам секс вызывал в ней только отвращение. Ада стала ссылаться на проблемы в самочувствии, усталость, плохое настроение, чтобы избежать этой стороны отношений. Позже, когда Фил высказал свое неудовольствие, Ада задумалась о том, что его желания, ожидания и требования имеют место быть, что они справедливы. Она расписала в дневнике график, в котором определяла дни для занятия сексом с Филом. Она воспринимала это как неизбежное зло, необходимость. Она была нервной и угрюмой в дни секса, однако после выполнения долга испытывала облегчение и думала о том, что впереди полторы недели свободы от всяческих проникновений. Ее не тревожило, что Фил не возбуждает ее. Она знала, что такое возможно в долгих отношениях, и не считала область секса определяющей в любви.

График надолго урегулировал сферу половой жизни Ады и Фила. Однако однажды между ними случилась крупная ссора. Ада много думала о свадьбе. Спрашивая себя, видит ли она своего нынешнего в качестве мужа, она получала изнутри положительный ответ. Фил представлялся идеальным мужем. Ей казалось, что и отцом он станет прекрасным. Но, несмотря на то что они уже год жили вместе, предложения пожениться не поступало. И в очередной мелкой ссоре о том, с кем должна и не должна общаться Ада, она высказала ему упрек в этом. Ответ Фила ее поразил: «Если бы ты разобралась со своей жизнью, привела себя в порядок и почаще мне давала, может быть, я бы это уже и сделал». Аду будто окатили ледяной водой. Тогда пошатнулась ее уверенность в том, что Фил принимает ее целиком, вместе со всеми недостатками. Мало того, что ее жертва ради стабилизации их общей сексуальной жизни была не оценена, она сама стала не соответствовать критериям. Ада привыкла думать, что Фил восхищается ей. Оказалось, это иллюзия.

После ссоры они долго не разговаривали друг с другом, сосуществуя в квартире как чужие люди. Ада подумывала о том, что хочет разорвать отношения. Но постепенно буря улеглась и, как это часто бывает у пар, сменилась нежным примирением.

Конечно, Ада не переставала много думать о том, что внутри не было удовлетворения от жизни с Филом. Было скучно, серо, уныло — не было яркости, силы, волнения, вспышек радости. Теперь еще становилось ясно, что он являлся не тем человеком, с которым она делала оригами на маминой кухне несколько лет назад, что его отношение к ней может меняться, что и от него можно ожидать неожиданного болезненного толчка.

Если бы Аде рассказали о подобных отношениях четыре года назад, она бы однозначно сказала, что людям в них не по пути в жизни, что они только мучают друг друга, что они не любят друг друга, а только верят в то, что любят. Сейчас, анализируя эту мысль, она отчетливо испытывала сомнение. Теперь эта мысль казалась ей максималистской, подростковой. Ведь любовь — это не только влюбленность, для которой подобные мысли верны. Страсть, «бабочки» в животе, бессонные ночи, преклонение — все это проходит. Все это красивые атрибуты юности, не больше. Для Ады любовь была про другое — про стабильность, про

опору, про уверенность, про спокойствие и взаимное принятие. Очевидно, что в отношениях не всегда бывает интересно, не всегда бывает легко. Два человека никогда не перестают быть двумя людьми, каждый остается на всю жизнь со своими особенностями характера, мировоззрения, поведения — люди не могут соединиться и лишиться своей оригинальной сущности. Вначале происходит идеализация, многое упрощающая, затем она проходит и все начинает зависеть от зрелости самих людей, находящихся в отношениях. Настоящая любовь для Ады была не гаммой высоких чувств, а результатом усердной работы. Каждому нужно учиться разговаривать, обсуждать, решать проблемы, глубже — принимать, подстраиваться, искать компромиссы. В свете подобных рассуждений свою неудовлетворенность Ада презирала. Она считала себя инфантильной. Аде казалось, что нужно просто работать больше, меняться, не жаловаться, а искать решения…

Поэтому и сейчас, обдумывая молчание Фила и его нежелание вместе ужинать, Ада пыталась понять «истинные» посылки момента. Ее желание упрекнуть не рассматривалось как естественное. Оно было базовым, которое не могло определять ситуацию. Нужно было попытаться посмотреть на происходящее со стороны.

Помыв посуду, Ада перешла в спальню. Она села на кровать и стала наблюдать за тем, как работает Фил.

— Поела? — спросил он мягко, не оглядываясь.

— Да, — произнесла почти шепотом Ада. — Было вкусно. Спасибо.

В комнате было темно. Горела лишь лампа на столе.

Ада подняла глаза и стала разглядывать скрещения теней на потолке.

— Мне было грустно, что ты не присоединился ко мне, — проговорила она, стараясь придать фразе легкость.

— Я хочу закончить шов сегодня.

Ада ждала продолжения. Его не последовало.

— Я ехала домой и думала, что хотела бы съездить куда-то с тобой на выходных. Хочется выбраться за город, может, к водохранилищу.

— Да, идея хорошая, — был ответ.

Ада знала, он обозначает, что Фил не придал ее идее значения и к субботе и вовсе о ней забудет.

— Иди сюда, — проговорила она. — Оставь все на минутку.

Фил вздохнул и оставил рукоделие. Его высокая фигура пересекла свет и переместилась на кровать.

Фил сидел рядом и своими серыми глазами пытался что-то вычитать в ее лице.

— Я соскучилась, — улыбнулась Ада.

Он слегка усмехнулся и взял ее за руку.

— Мы стали проводить мало времени вместе.

— Я могу сделать кальян, если хочешь, — предложил Фил.

— Нет. Наверное, хочется чего-то другого. Необычного. Как раньше.

Ада вгляделась в его лицо.

— На меня сегодня нашла ностальгия. Вспоминала на работе наши письма, посиделки на крыше, лаванду, журавликов… Мне этого не хватает. Не хватает… тебя.

Фил обнял ее. Ада почувствовала его тепло и закрыла глаза. Это то, что она любила — эти объятия, которые отрезали мир снаружи.

Тем временем его рука переместилась на ее бедро, а затем скользнула по животу, поднимаясь выше. Ада ощутила, как его губы коснулись ее шеи. Сразу же пришло осознание того, что происходит. Она невольно содрогнулась.

Фил это заметил.

— Что такое? — спросил он.

— Ничего, — быстро выдохнула Ада. — Я… Я…

Она медлила. В глазах Фила она видела чувство. Оно обезоруживало. Назад дороги не было, прерывание процесса грозило очередной ссорой. Все можно было испортить. Она не могла отказать, она должна была отдаться, чтобы удержать ту связь, которую ей удалось нащупать!

— Ничего, — улыбнулась Ада широко и прижалась к Филу…

Уже после она сидела на кухне, на полу у батареи, и смотрела в окно. Фил, довольный и близкий, к радости Ады, забивал кальян. По стенам растекались блики лампы. Из колонки играла тихая музыка из его плейлиста. Казалось, так и надо было.

За окном шел снег. Ада наблюдала за движением снежной массы и чувствовала, как приятно растекается сознание, находясь под действием визуального обмана, создаваемого снегопадом.

Это был февраль. Казалось, она зависла в нем, потерялась среди сугробов. Казалось, ей было все равно. Казалось, время остановилось. Казалось…

***

я мог пощупать эту форму, потому что она стала мной — она приобрела вкус и цвет — она разливалась в музыкальном узоре — нахлобучивались друг на друга шапки — подсвечивалось звездным небом имение, расцветала сакурой береза, распиливаясь на части в июльский день — и зной расплавлял небеса — и небо таяло на глазах, сливаясь водопадом вниз — красными перьями кричала птица, а камни выстраивались вихрем — они говорят о чем-то — в движении с острова на остров сгорали мосты — из камней складывались столбы, и я кружился вокруг них — где-то внизу раздвигался город, теряясь в дымке — голоса шепчут у самого уха — не различить смысла слов — и мы удивлялись словам — все перетерлось в специи — шипит яичница на плите — кто-то мелькает в тени коридора — то кресло было мягко, а я в нем пел, слушая что-то из мадонны — я выкидывал на рассвете все вещи — я плавал в них, раскладывая — я мечтал перед статуэткой индийского слона — он смотрел на меня своими лошадиными глазами — мне кажется, что в них был синий путь — склоняющиеся ветви плакучей ивы касаются скул — кисло-сладкие сумерки где-то в размазанной долине волги — я нахожу свои ноги и руки, они танцуют посреди пешеходной улицы — распускает крылья большая птица, стены уступают, падают ниц пред полетом — веселятся пузырьки в стакане — посмотри на него — он ворсистый, раздрызганный, разорванный и истекающий соком нектарин — он улыбается мне ананасовой шапкой — кажется, такая же была у фурнитуры на ночной вывеске, убегающей в небытие — и сухая брусчатка что-то имеет схожее с черными голыми ветвями — в грязной дымке прячется рыжий круг — лениво растекается музыка по комнате — постель взбита, и скучно в тесноте пространства — стены сжимаются, крутит потолок — уныло уплывает узор на затертых обоях — уносится прочь городской пейзаж, блестит кожа сидений, вращается руль — мы догоняем уставшее солнце, оставляя позади километры сдавшегося асфальта — где-то побережье — мы устали, но что делать, если крылья сильнее? и там не бьют волны, не уносит ветер тени и не шелестят

деревья — там только орет гарнитура, там синий железный забор и толстый кот на автобусной остановке — холодно, пальцы на ногах собрались от сужающегося тепла — сверкает снежная корка — руки ломают верхний слой — мы кидаемся друг в друга осколками небесной воды — злим зиму, разогревая ее красными щеками — кружусь в хороводе в каком-то заброшенном здании — волосы растрепались — а тем временем солнце прорезает пелену, и я чувствую его на лице — так нежно прикасается к коже роза — и заворачивается в суккулент — что-то шепчет голос из окна — смеется рот в полной темноте — кривляется кто-то на белой стене под взором проектора — а на мне раскрываются цветы — я распускаю лепестки — я улыбаюсь — звучит музыка — я откусываю печенье — оно тает у меня на языке — когда-то кто-то написал, что суша возникла из печенья, утонувшего в разлитой кружке молока —

***

Преподаватель:

— Ну что, ребятки, смотрели обращение президента вчера?.. Да, признали самостоятельность этих формирований, областей Украины… Ребятки, да, я с вами согласна. Могу вам сказать, что это событие просто так не пройдет. Совсем другое время начинается. Я много на своем веку повидала и могу гарантировать, что что-то на наших глазах закончилось. Как бы это ни называли — застой, стагнация, тупик, затишье (по-разному определяли последнее двадцатилетие) — оно завершилось. Сказать, что будет дальше, конечно, я не смогу: хуже, лучше — в любом случае так, как было, больше не будет. Некоторые мои коллеги с восторгом встретили случившееся, некоторые, как вы, слегка подавлены. Я пока сама не знаю, какая реакция в этом случае может восприниматься как адекватная…

Залина:

— Хорошо, что ты сегодня туда не пошел. Парней хватали в первую очередь. Мне девочка сказала, с которой мы там заобщались, что слышала, как фараоны обсуждали приказ, по которому прежде всего надо ловить парней и ловить жестко, чтобы «поняли»… Я даже сама еще не могу отойти. Всю трясет… Мы еще с Эдуардой не поладили. Она хотела на периферии оставаться, не лезть в гущу. Мне же хоте-

лось быть в центре, быть частью. Еще мы целую компанию z-овцев увидели, пока в кафе сидели. В общем, я изначально была на взводе… Мы дошли до Площади Искусств. К тому времени Эдуарда умотала домой… Все были очень оживлены. Я словила жесткий адреналин. Достала свой плакат, который от Эдуарды прятала, кричала громко с остальными, заобщалась с какой-то компанией малолеток (они, такие оторвыши, мне почему-то придавали уверенности). Мы разговаривали о том, куда бежать, если что, как себя вести, вся эта история про то, что когда начинают предупреждать о том, что нарушается запрет на несогласованные митинги, то сейчас будут хватать… Люди читали плакаты друг друга…

Преподаватель:

— Я и сама никогда не считала себя поддерживающей существующую власть. Так уж сложилось исторически, что не везет нам с царями, генсеками. У меня родители были всегда в оппозиции. Не активные диссиденты, демонстрации не устраивали, но дома всегда были запрещенные книги, всегда говорилось прямо и честно о недостатках советской системы. Так сложилось, что власть для русского — это всегда что-то враждебное и опасное, как иго. У меня такое отношение с детства сложилось.

Залина:

— Я действительно ощущала единение с окружающими меня людьми. Какая-то жесткая эйфория. И мне было даже весело… Все было относительно спокойно до какого-то момента. Я отслеживала сообщения в чате. С той стороны менты, с той стороны менты — в общем, все было под контролем… Я так почему-то думала. На памятник Пушкину рассчитывала, похоже. Хотя видела, что приехал ОМОН, что машины скапливаются, закрывая проход. С этой площади ведь хрен убежишь. Всего два пути отхода… Короче, внезапно кто-то что-то крикнул, по-особому. Я не расслышала, не поняла, но побежала. Все побежали. Начался шум. Меня охватил прямо животный страх. Я бросила свой плакат и думала только о том, чтобы не схватили. Я не оглядывалась, потому что слышала позади крики пойманных. Было ясно, что там жесткач… У меня еще была эта чертова сумка с бумагами «ОВД-Инфо» и едой. Но я не решилась все это бросить.

В какой-то момент я оглянулась (да, я дура) и поняла, что толпа фараонов в паре метров крутит каких-то истошно кричащих парней. Один омоновец заметил мой взгляд и ринулся за мной. У меня тут дыхание захватило… Я со всей дури рванула вперед. Вообще ничего не видела и не слышала… И в какой-то момент я обнаружила себя посреди дороги…

Преподаватель:

— Впереди интересное время. У китайцев есть прекрасная пословица — «Не дай бог жить в эпоху перемен». Нашей стране особенно везет на эти эпохи. Каждый последующий этап в истории как будто бы оказывается призванным превратить в пепел предыдущий… Так вот, ребятки. Наверное, и правда, жить в эпоху перемен трудно: нет ни стабильности, ни уверенности, ни определенности. Ничего предугадать нельзя. Но все-таки мне кажется, ребятки, что жить в эпоху перемен интересно. Страшно, но интересно. Девяностые были таким временем… Ты никогда не знаешь, что ждет тебя завтра, но в силу того, что все постоянно меняется вокруг, есть надежда — надежда на то, что будет лучше, что наконец-то настанет настоящий день. Конечно, каждое поколение приходило к разочарованию. Но все-таки, наверное, оно того стоит… Поэтому будем следить за развитием событий. Нам больше ничего не остается, в конце концов.

Залина:

— Я выбегаю на дорогу. Машины как раз стоят на красном сигнале светофора. И я бессознательно начинаю яростно дергать ручки всех машин, которые мне попадаются на пути. Все заблокированы, никто на меня не реагирует. Потом вижу черный джип, и водитель внутри машет мне рукой. Не думая, я бегу к нему. Я почувствовала в то мгновение, что это мое единственное спасение. Лучше я сяду к этому мужику в страшный джип, чем меня схватят менты и потом будут насиловать жестко (вот такие мысли держались в голове)… Я открываю дверь, сажусь, пытаюсь дышать — получается плохо. Затем в машину заскакивают еще двое (девочка и женщина), вторая — мать (она стала звонить сыну, чтобы сказать, что убежала), и с зеленым светом машина увозит нас с места действия, так скажем. Дальше

неожиданно. Мужчине лет 50, и он вдруг начинает благодарить нас за то, что мы делаем. Я ничего не понимаю, теряюсь, мне сложно поверить в происшедшее… Это было, в общем, очень тревожно, конечно… Я думаю, я больше никуда не пойду… Да, меня высадили у метро. Одна девочка пошла дальше *гулять*. Я думаю пойти поесть, потом домой спать…

***

лестница складывалась и манила — за пирожком был пирожок — я орал что-то в караоке — параллельно что-то выводил на бумаге — она надела красное платье, всех превращая в быков — а мама смотрела с корабля на каменный берег и улыбалась — мне было немного грустно, но на тарелке уже хрустела капуста в забыл, как называется салат — каналы изгибались над перилами — мы радовались тройкам — виноград блестел на фоне рыжих обесцвеченных штанов, я фотографировал маму в трех зеркалах одновременно — кто-то переодел меня, поставив на каблуки и вставив в волосы черный бант — мы устраивали показ мод — вместо подиума столы — а вместо чистовика черновик — я бросаю краски, в зубах застрял абрикос — я буду кормить гномиков — мы пойдем по розовым холмам — а на холме будет стоять дом — я выпью кувшин воды, а вечером буду играть с собаками — кошка повернулась у руки — надеюсь, ей удобно — она днем ходит на шариках, изгибается под удары по барабану — одной лапой она стоит на севере, другой — на юге — как же тут не замяукаешь?! я тоже раздуваюсь как пузырик — сижу на ветках деревьев и выжидаю почтальона — эхом разносится мой зевок — сползает тело с постели — я отлежал себе бок, ночуя на балконе, но все-таки проспал рассвет — выкрасят мне лицо вечером, а сейчас я нарисую кота — колбаской уткнуться в подушку, и мысли в комочек — что ты мне сделаешь за этот беспорядок? как легко связать облака друг с другом и обвязать их вокруг головы мамы? сегодня она принесет мне новые диски, и мы с братиком сыграем в королеву воинов — да, точно — это алое облачное море бескрайнее — оно не подчиняется ничему, в нем эхом я утопаю, рассеиваясь в пар — зачем мне грустить? а растекаюсь, спадая на небо — не собрать, не скроить, не выпить до последней капли — небо голубое, а земля зелена —

я рассекаю линию между ними и тону в туче — стягиваются цвета старой гаммы — сколько не перечисляй буквы в детской азбуке, всех не досчитаешь — полотно не заканчивается границей, оно длится и снится, а сон, как известно, бездонен — громыхает где-то в тиши, преобразуясь в зарницы — разве тебе так сложно распаковать эту коробку? в ней коробка, а за коробкой еще коробка — шаг преследует шаг, их не разлучить — день с ночью не раздвоить — я выкладываю на столе огоньки в окнах — захлопывается холодильник — сквозняк пробежал по диагонали улицы, смыкаются углы домов, хотят засвистеть — плывут корабли по воде — машет кто-то вновь — приветствуются и расходятся — жёлтые и зеленые объявления, голоса зазывал, разбитая бутылка на тротуаре — все разменяется на бобы и дерево в небесах — играется в карточки на уголке кровати — так хочется плакать где-то в пересечении стен! что-то движется внутри слезы и стекает вглубь облаков — не заглушат поезда и не унесет солнечный ветер — обжигает кожу сладкая вода воздуха — я, кажется, все еще доверяю веткам — они касаются головы — как я раньше не понимал смысла колосьев на моей голове?! они созданы, чтобы гореть в огненном порыве солнца — долина расширяется — я все же не могу вместить — маленький и хрупкий, как смола на зеленой коре — убегает ужик из-под ног —

***

Ада всегда знала, что она недолюбленный ребенок, что, как любому недолюбленному ребенку, ей присуще сосущее желание восполнить недостаток любви с помощью другого человека и что желание это нереализуемо. Возможно, именно поэтому ей так нужен был Фил.

Ада давно перестала винить семью за то, какой стала. Ей казалось, что зрелая личность не должна перекладывать ответственность за свою жизнь на других. Потому что любые родители, какими бы прекрасными они ни были, всегда наносят раны ребенку. Это раны случайные, как и многие раны, причиняемые людьми друг другу, но раны глубокие, потому что их получатель еще слишком мягок, а лезвие уже слишком остро. К сожалению, часто это раны любви. Ада считала, что дело каждого человека — решить, что делать с этими ранами: лечить их или подчиняться их обездвиживающему

воздействию. Ответственность, таким образом, все равно остается за нами.

Ада была первым ребенком в семье и, что важнее, неожиданным, даже нежеланным ребенком. Когда она родилась, матери только недавно исполнилось восемнадцать лет. Она сама еще была ребенком, с незаконченным колледжем, без постоянной работы. Отец находился в той же ситуации. Ему еще светила армия. К тому же, они еще не были женаты. Ада была плодом первых, несформировавшихся романтических чувств.

Она помнила очень немногое из первых лет своей жизни.

Отчетливее всего в этих воспоминаниях вырисовывался образ бабушки. Высокий рост, стройность, всегда чистая и аккуратно выглаженная одежда. Короткостриженые пепельные волосы. Плотно сжатые губы. Ястребиные, полные решительности и силы голубые глаза. Энергичные, уверенные движения рук, в которых горели все домашние дела. Громкий, наполняющий все пространство вокруг, басистый голос. Бабушка уже своим видом напоминала, кто глава в доме. Она была верховным судьей, одновременно спасателем и тираном.

Ее жизнь выстроилась из принципов, которые она активно внедряла в жизнь всех домочадцев. Она считала, что эти принципы объективно существуют в мире и являются маркером хорошего человека, который, по определению бабушки, представляется как человек любознательный, трудолюбивый, ответственный, скромный, исполнительный, неконфликтный, сильный, самостоятельный, неэмоциональный, серьезный, небогатый, семейный. Обладание этими характеристиками, как внушали Аде в детстве, уже можно считать высшим земным достижением.

Мама Ады бабушку разочаровала. Она не имела достижений в школе, не поступила в институт, была недисциплинированна, плохо выбирала круг общения, «думала только о себе», не появлялась дома и вообще жила вопреки. Отец Ады же был встречен непоколебимой ненавистью за то, что окончательно разрушил семейную тоталитарную идиллию. Известие о беременности привело бабушку в бешенство. Она столкнулась с неопровержимым фактом того, что ее дочь окончательно вышла из-под контроля. Отношения с ней больше не могли строиться по правилам бабушки и были надолго испорчены.

Когда Аде исполнилось четыре года, родители разошлись. Бабушка восторжествовала и забрала к себе внучку. Получив полную власть над Адой, она сразу постаралась свести на нет пагубное влияние дочери. Сделать это бабушка пыталась посредством воспитания через подавление и ограничение. Девочка оказалась заточенной в системе запретов и обязательных для исполнения ритуалов. При этом, находясь в рамках дозволенного, Ада окружалась атмосферой всесторонней ласки и заботы.

Бабушка много говорила с внучкой, внушала ей, что она особенная, необычная, одна единственная во всем свете. Ада много раз слышала, что у нее великое будущее. Только нужно слушать бабушку… Именно в этом принципиальном условии заключалась трагедия ее детства. Ада была лучше всех окружающих ее детей. Но именно поэтому она должна была трудиться, больше и качественнее своих ровесников. Ей запрещалось жаловаться, быть недовольной, потому что в этом прячется жалость к себе, чувство, свойственное человеку слабому, глупому. Ада должна была быть образцовой внучкой: помогать бабушке по дому, выполнять все ее просьбы, улыбаться многочисленным гостям и отвечать на их вопросы, хорошо вести себя в садике, участвовать в организации концертов и получать в них центральные роли, усердно растягиваться, несмотря на боль, на занятиях по балету, затем быть лучшей в школьной параллели, красиво писать и громко, выразительно читать…

Но она не могла. Ада ненавидела мыть пол и протирать пыль. Даже спустя много лет она прекрасно помнила заставленные всем подряд комнаты в бабушкиной квартире, как она двигала столы, комоды, шкафы, кровати, старые телевизоры и мешки с картошкой, чтобы добраться до нужного участка пола, как приходилось составлять бесконечное множество статуэток, фарфоровых фигурок, остатков древних чайных сервизов, выцветших коробок с кассетами, пожелтевших отрывных календарей, забытых самим богом неработающих телефонов, горшков с цветами и другого всяческого хлама, только чтобы протереть маленький кусочек покрытой серым налетом поверхности. Делать эту работу кое-как она не могла. Бабушка пристально следила за состоянием квартиры. И даже несмотря на то что Ада проводила эту многочасовую уборку каждую неделю, воспитательнице дом всегда казался недостаточно убранным.

Ада ненавидела балет. Она чувствовала, что не была создана для него, что боль при выполнении каждого из упражнений на растяжку сильно перевешивала желание стать танцовщицей. Но бабушка и здесь находила рычаги воздействия. Ада обвинялась в лени, которая подавалась как какая-то темная сторона в человеке, разрушающая его жизнь, если дать ей волю, обвинялась в неблагодарности, нежелании пойти навстречу и оценить проявляемую по отношению к ней заботу. «Нужно держать себя в ежовых рукавицах, Ада», — говорила бабушка после долгого разговора на повышенных тонах. Внучка слушалась и усердно училась подавлять в себе лень.

Самые большие проблемы начались в школе, где Ада осознала, что ее способности не так хорошо развиты, чтобы оставаться лучшей во всем. Домашнего задания было очень много, и сделать его лучше одноклассников Ада не могла. Она сидела с тетрадками до поздней ночи, с растрепанными волосами, заплаканными красными глазами, а затем получала не те баллы. На уроках Ада внимательно слушала, списывала все с доски, но почти никогда не могла найти в себе силы, чтобы осмелиться ответить на вопросы учителя. Видя очередную отметку, отличную от пятерки, бабушка сурово смотрела на внучку и говорила: «А я говорила, что слишком много отвлекаешься». На возражения Ады она начинала нервничать и повышать голос. «Что это за упрямство?! — вскрикивала она, заглушая все мысли Ады. — Ты вообще меня не слушаешься. Я забочусь о тебе, а ты еще смеешь со мной пререкаться! Никакого телевизора, никаких гулянок! Будешь сидеть с учебниками, пока мне наизусть не сможешь все ответить!» Ада учила правила, учила задания упражнений, учила заметки на полях, учила справочные материалы и пересказывала все это бабушке со слезами, заливающими лицо.

Однажды Ада, переводя текст с английского на русский, устав проверять каждое встреченное слово в строчке, устав бесконечно долго листать однообразные страницы словаря, устав отмечать, сколько еще до конца текста, зарыдала от бессильного гнева на свою участь и с бешенством бросила учебник в стену. Осознав, что совершила, девочка сразу проглотила слезы и прислушалась. Звуки готовки на кухне затихли. Устрашающая тишина повисла над Адой. Услышала или нет?..

Послышались шаги. Бабушка появилась в проходе. Молча оглядела рабочий стол, лежавший на полу учебник, испуганную внучку. Подняла книгу, вернула Аде и спросила: «Что случилось?» Ада посмотрела в ее глаза. Те были наполнены спокойствием. И она не сдержалась. Слезы полились с новой силой из ее глаз. Потоки слов вырвались наружу. Она выговорила всю свою усталость, весь свой гнев, всю свою обиду. Бабушка молчала, ожидая, когда Ада закончит. После этого под удивленным и ожидающим взглядом она вышла из комнаты. А затем, спустя минуту, вернулась. В руке у нее был нож. Увидев его, Ада задышала чаще, ее охватил страх. Она пожалела о том, что высказала свои чувства.

— Если ты сейчас же не сядешь за домашнее задание и не сделаешь его, я отрежу тебе руки, — спокойно, но грозно, со сверкающими глазами, выговорила бабушка. — Мы еще книгами кидаться будем?! Ты у меня из-за стола не выйдешь, пока весь текст письменно не переведешь!

Ада сразу же кинулась к учебнику. Сглатывая слезы, чувствуя, как разгорячилось и раскраснелось лицо, поглядывая на сверкающее лезвие в руках стоявшей над ней бабушки, она упорно листала словарь, стараясь поскорее закончить задание. Ада действительно верила, что бабушка может отрезать ей руки, и именно поэтому девочка почему-то отчетливо чувствовала их сейчас. Как будто слезы, запертые внутри, приступали к ладоням, утяжеляли их. В некоторые моменты ей даже казалось, что она чувствует, как нож проникает в ее кисть… На следующий день Ада заболела и не пошла в школу. Истерики с бросанием учебников больше не повторялись. Ада теперь старалась заниматься тихо, никогда не привлекая к себе внимания.

Тем не менее школьная успеваемость не становилась лучше, в связи с чем бабушка сама подключилась к учебным занятиям внучки. Теперь она стала выполнять задания вместе с девочкой, иногда используя при этом решебники, которыми были заменены другие книги на полке, начала требовать от Ады заучивания не только заданного, но и будущего материала, чтобы получать оценки на уроке. Успеваемость Ады пошла вверх.

Самым хитрым предприятием бабушки в этом направлении стала покупка второй печатной рабочей тетради по математике. Эти тетради для всего класса заказывала классная руководительница. Перед выдачей

она вырезала из них ключи. В результате в этих тетрадях выполнялись проверочные работы, из-за чего они и не выдавались на дом. Бабушка купила второй экземпляр, для дома, чтобы внучка «прорешивала» заранее все задания и сверяла полученные ответы с правильными. Таким образом у девочки перед очередной проверочной работой всегда были записи с решениями. Ада ненавидела эти ухищрения, придуманные бабушкой, она чувствовала, что здесь есть нечестность. Высказав свое предположение однажды, девочка получила такой ответ: «Ада, ты же знаешь, что у тебя не получится по-другому. Без этого твои оценки будут хуже. Радуйся, что я тебе помогаю». Ада молчала: бабушка была права.

Однажды, сидя на уроке и выполняя очередную проверочную работу, Ада, как обычно, начала подглядывать в подготовленный дома листочек. Внезапно, справа до нее донесся громкий голос одноклассника: «Светлана Станиславовна, а у Аделаиды там ответы!» Учительница была подругой бабушки и, увидев листочек Ады, быстро приструнила жаждущего справедливости ученика, попросив при этом Аду убрать листочек. Для девочки эти несколько минут, закончившихся благополучно, стали временем страшного позора. Она ощутила, что она обманщица, преступница, что все теперь увидели, что она тупая и бездарная, что она ничто. И это бабушка была во всем виновата! Это она сделала из Ады посмешище! Придя домой, Ада разрыдалась и высказала бабушке все, что думала. Та тотчас раскраснелась, затряслась и закричала: «Неблагодарные вы все!.. Я для тебя старалась! Я о тебе думала, а ты даже об этом не вспомнила. Ты эгоистка, как и твоя мать. Яблоня от яблони недалеко падает. Ты можешь думать только о себе! Тебя не интересует, сколько нервов я на тебя истратила, сколько ночей не спала, думая, как решить твои, твои! моя дорогая, проблемы с учебой! И у тебя совести хватает высказывать мне все это!? Даже разговаривать с тобой не хочу». И ушла, обидевшись. Ада осталась в замешательстве, обреченная на одиночество. Ей было теперь стыдно. Она понимала, что сама во всем виновата, сама не справилась: не смогла незаметно списать, не смогла так включиться в учебу, чтобы не пришлось придумывать уловки для зарабатывания хороших оценок. Опять расстроила бабушку. И если даже ее Ада разочаровывает, то как вообще может кто-то оценить такую девочку? Она обречена на вечное одиночество…

Но были среди этих темных воспоминаний и светлые. Теплые образы из жизни в доме бабушки у Ады были связаны с дедушкой, который, несмотря на свое бессилие в сфере воспитания внучки, старался сглаживать углы. Он часто говорил с девочкой, шутил вместе с ней над характером бабушки, иногда возил на рыбалку, в зоопарк, в театр. Дедушка пытался быть посредником в ссорах, происходящих в доме. Он уговаривал Аду не злиться, не держать обиду, иногда, проглотив ее, попросить прощения. «Ты же знаешь бабушку», — говорил дедушка часто. У него было радостное лицо, полное морщинок от никогда не умолкающей улыбки, которая давала силы двигаться дальше, несмотря на боль. Его слова грели и успокаивали, но, к несчастью, не могли исцелить до конца…

Прошли годы. Когда Аде исполнилось одиннадцать, родители сошлись. Мама снова была беременна. Она ушла в декрет, переехала к отцу и забрала Аду. Если прежде девочка ничего не рассказывала маме о методах своего воспитания, то теперь, находясь в другом доме, она поведала ей все. Это стало последней каплей в назревающем разрыве между мамой и бабушкой. У них состоялся тяжелый разговор, после которого связь между домами была разорвана на целый год. Этот разрыв Ада вменила себе в вину. Способствовала этому бабушка, которая, даже когда отношения были возобновлены, не раз припоминала внучке случившееся.

Образ матери у Ады был очень сложным. Из глубокого детства она вынесла чувство восхищения ей, ее легкостью, добротой, улыбчивостью. Позже образ сильно поблек. Когда Ада жила у бабушки, мать стала для нее практически чужой, всего лишь гостьей, которая чувствует себя неуютно в их доме. К моменту воссоединения родителей Ада уже сильно отдалилась от нее. Даже появившимся надеждам на укрепление отношений не суждено было сбыться. Очень скоро после воссоединения семьи у Ады появилась сестра Ксюша, которая перетянула на себя все внимание родителей.

Но Ада наконец почувствовала себя свободной. Вырвавшись из тоталитарного режима, поддерживаемого бабушкой, девочка сразу захотела взять все упущенное. Это произошло несознательно, как-то внезапно, спонтанно, естественно. Она просто ощутила, что в жизни есть много более интересного и приятного, чем следование правилам, уборка,

готовка, выполнение домашнего задания и выучивание текстов. Ада стала общаться с одноклассниками, заводить подруг, много гулять, блуждая без цели по городу, пытаться впервые невинно кокетничать с мальчиками. Ей нравились разговоры, шутки, смех. В них девочка увидела что-то такое, чего не было дома у бабушки. В конце концов Ада стала пропадать из виду семьи. Мама занималась новорожденной Ксюшей и не могла уследить за старшей дочерью.

Приходя к часам девяти вечера, Ада садилась за уроки. Несмотря на отсутствие рядом бабушки, она все еще чувствовала, что обязана быть лучше всех на учебе. Это чувство очень сильно беспокоило ее, постоянно преследовало, где бы Ада ни находилась и что бы ни делала. Ответственность давила, как небесный свод на плечи Атласа. Именно в это время Ада начала убегать от этого чувства. Она не осознавала, что интерес к людям, прогулки, веселые проказы — это желание убежать от необходимости быть лучшей, делать лучше всех. За поздними приходами домой скрывалось тонкое ухищрение. Чем позднее возвращалась Ада, тем меньше у нее оставалось времени на выполнение домашнего задания, а значит, и ответственность за качество подвергалась справедливому сомнению. Таким образом Ада стала развязывать себе руки, оправдывать поверхностное отношение к учебе. Она продолжала стараться по-прежнему, но у нее просто не хватало времени. Что с этим можно было поделать?

Успеваемость Ады снизилась. Бабушка давила на маму, чтобы та не распускала девочку. Однако в жизни Ады ничего не менялось. Мама, казалось, боялась ее и воспринимала не как дочь, которой можно было повелевать. Иногда Аду посещали догадки о том, что та испытывает вину перед ней и именно поэтому старается ни в чем не ограничивать. При этом и школьные успехи Ады не стали плохими настолько, чтобы размышлять над наказанием. Девочка, несмотря на то что перестала быть одной из лучших учениц в классе, продолжала получать положительные отметки и оставалась на хорошем счету у учителей. Знала бы она тогда, как далеко зайдут ее побеги от учебы в университетские годы.

Вспоминая это все сейчас, Ада впадала в отчаяние. Ей становилось страшно от того, как мало она осознавала в своей жизни. Ведь ничего

из прошедшего у нее не получилось заметить вовремя, чтобы предотвратить негативные последствия. Ее детские годы, казалось, прошли автоматически, без ее контроля. Все, что нужно бы укладывать сознательно, фундаментально, на всю жизнь, было положено кое-как, противоестественно. Ада задавалась вопросом, у всех ли так. Но ведь кто-то смог взять себя в руки, у кого-то получилось выстроить фундамент своей жизни основательно. И от этих мыслей Ада начинала чувствовать вину. Получалось, что она сама все упустила. Сначала отказалась от поступления в МГУ, потом отказалась от роли лучшей студентки на потоке, потом отказалась от прилежной учебы, а в результате и вовсе перевелась на заочное отделение. Как уменьшились ее желания! Ведь ее мечта сейчас — просто окончить университет.

Невольно Ада возвращалась к образу бабушки. Та знала о всей этой ситуации, знала о том, в каком тупике жизнь ее внучки. Бабушка знала о переводе на заочное отделение, хотя Ада и умудрилась год скрывать это от нее, знала о проблемах на работе и с Филом. И молчала. Они не обсуждали все это. Только изредка из уст бабушки срывались фразы типа «Ну, ты же не способна организовать свою жизнь самостоятельно!» или «Если бы ты закончила уже университет, то могла бы найти нормальную работу!», из которых явственно проступала разочарованность в бывшей воспитаннице.

Теперь заботой бабушки была подрастающая Ксюша. Она переключилась, как когда-то со своей дочери, с Ады на младшую внучку. При этом бабушкина система воспитания, казалось, претерпела изменения и стала мягче. Аде иногда даже казалось, что с Ксюши чуть ли не сдувают пылинки. Ее баловала мама, баловал дедушка и, что удивительно, баловала бабушка. Сестра росла капризной, дерзкой и прямолинейной. То, что Аде никогда никем не позволялось, становилось чем-то обыденным в отношении Ксюши. Это и обижало, и радовало. Обидно было за себя, радостно — за сестру.

С началом пубертата характер Ксюши постепенно выравнивался, становился спокойнее, принимая формы, близкие к характеру Ады. Несмотря на различия в воспитании, сестры оказались схожи по своему мироощущению. Они понимали друг друга и все больше и больше сближались.

Казалось, все изменилось. Атмосфера в семье стала, даже после ухода отца, здоровее. Но изменилась лишь поверхность: тень тирана продолжала омрачать жизнь домочадцев. Внутри оставалось так же тесно и душно, как раньше. Русский дом, как известно — это место, где невозможно жить.

Ада сидела в гостиной на мягком диване в тревожном ожидании предстоящего разговора. С кухни доносились звуки телевизора. Что-то пропагандировал Соловьев. Периодически звучала речь Путина.

В детстве эта квартира казалась больше и светлее. Теперь же, или Ада повзрослела и изменила взгляд на вещи, или пространство стало более захламленным, все здесь казалось слишком маленьким, примитивным, даже неживым. Нахождение в этом месте напоминало нахождение в каком-то старом, давно потерявшем свое предназначение сарае, стены которого ссохлись и на полметра ушли под землю. Возникало то самое чувство, которое испытывал Гулливер в стране лилипутов.

Бабушка наливала чай. Он сверкал, отражая солнечные лучи, льющиеся в комнату сквозь уже желтеющую листву тополя.

— Я добавила мелиссу, чабрец и смородину, — поясняла она мимоходом. — Лида сказала, что это хорошее сочетание. Полезно. Ну, мы посмотрим… Знаешь, она иногда настоящие перлы выдает. Правда, иногда они действительно брильянты, а иногда — такое себе, фианиты обычные. Расхвалила тут салат. Я приготовила — ни я, ни дед есть не стали. В рот не возьмешь.

Ада следила за движениями бабушки, не зная, как прервать эту вечную бессмысленную трескотню.

— Зато приходит ко мне, — продолжала та, — и начинает ныть. Ноет и ноет. Все ей Анночка не звонит, Анночка не может продуктов принести. Сама такую дочь воспитала! Зато, когда помирятся, вообще ко мне не ногой… Пенсию вон какую получает, а все бедная, все нищая.

Бабушка начала пародировать подругу.

— Ох, денег совсем нет! — играя голосом, восклицала она. — А какие счета, какие счета присылают! Совсем и есть нечего. Два раза в магазин сходила — кошелек пустой! Да она всю жизнь не работала! Сидела на теплом месте по знакомству. И получает двадцать тысяч каждый месяц. На что она их тратит? Думаешь, дочке дает, внукам? Нет, ни копейки

не даст. Вот они и не ходят к ней!.. И все на здоровье жалуется. Седьмой десяток почти отжила — чего хочет?! Ноги у нее болят! А у меня не болят? Так на мне еще вся семья! За всеми походи, за всеми убери, поесть приготовь, квартиру приведи в порядок, с внучкой посиди… Я бы посмотрела на нее, как бы она завыла! И приходит ко мне. Спрашиваешь: «Будешь есть?» Будет отказываться, стонать, а в глазах написано, что так и хочет, чтобы ее уламывали, так и хочет, чтобы ее накормили. И жрет и приговаривает: «Ой, как вкусно. Ой, как вкусно!» Сама ведь никогда ничего не приготовит! И придешь в гости — фиг что предложит! А возьми не накорми ее, не предложи — она тебя взглядом сожрет, просверлит…

Потом она стала рассказывать, как Лида начала познавать интернет, доставая всех родственников открытками и «смешными» видео. Бабушка при этом не устояла перед соблазном упомянуть свое отношение к интернету. Началась лекция о том, что все гаджеты — это зло, что там «все лгут», что «там промывают мозги», что люди тупеют из-за «этого интернета», забывают о реальной жизни. Опыт Лиды для нее являлся аргументом.

Ада слушала и скучала, думая о том, как прервать бабушку. Все мысли, которые высказывала та, были знакомы ей с детства. Ада лишь в очередной раз задавалась вопросом, действительно ли бывшая воспитательница думает, что ей интересен этот поток сознания. «Наверное, ей все равно», — пришел наконец в голову привычный вывод.

Чай оказался действительно вкусным. Ада сфокусировалась на нем, готовясь начать важный разговор.

А бабушка все продолжала свой монолог, выбрав в качестве предлога дедушку. Так, перепрыгивая с темы на тему, она могла говорить долго, не нуждаясь в ответах собеседника. Иногда, разговаривая с бабушкой по телефону, Ада могла даже включить режим громкой связи и заниматься своими делами, не следя за ходом беседы и не боясь ничего пропустить.

— Ба, я хотела поговорить о Ксюше, — вдруг, собравшись, решительно произнесла Ада.

Бабушка замолчала. Ее не смутило то, что ее перебили. Казалось, она мгновенно забыла всю свою предыдущую тираду.

— А что случилось? — озабоченно спросила бабушка.

— Зачем ты настраиваешь ее против мамы и расспрашиваешь о том, что происходит у них дома? — поставив чашку на стол, не глядя в глаза собеседницы, проговорила Ада.

Она почувствовала дрожь в теле. Это был безотчетный страх, уходящий своими корнями куда-то далеко в темноту.

— С чего это ты решила? — возмутилась бабушка. — Это тебе Ксюша наговорила этот бред?

— Ба, не надо притворяться, что все это ложь, — все еще избегая бабушкиных глаз, продолжила Ада. — Я прекрасно тебя знаю. И не вижу причин для лжи со стороны Ксюши. Она поделилась этим случайно.

Та молчала.

— Ты не понимаешь, что ты сама все разрушаешь? — Ада посмотрела ей прямо в глаза.

По всему телу пробежал холодок окоченения, но внутри, где-то за грудной клеткой, все сотрясалось от перевозбуждения.

— Ты меня настраивала против мамы. Теперь Ксюшу? Какая тебе разница, что происходит в нашей семье? Тебе больше ни до чего дела нет? Ты не понимаешь, что это эгоизм, бабушка? Почему все должно происходить только под твоим контролем? Что за страсть манипулировать? Неужели ты не понимаешь, что каждый должен отвечать за себя сам? К чему привели твои попытки воспитать маму? А меня?..

— Знаешь, моя дорогая, — начала бабушка, повышая голос, уже совершенно оторвавшись от тем предыдущего разговора. — Вы обе как-то взяли моду винить меня во всех своих проблемах: и ты, и мать твоя. Говоря вот это все сейчас мне в лицо, ты не вспомнила случайно, кто тебя воспитывал практически все детство: кормил, одевал, обхаживал? Нет, не пришло в голову? Не подумала ли ты, дорогая, что в этой семье мне одной приходится обо всех заботиться? Нет? Мы же не можем просто сказать «спасибо»! Мы можем только обвинять! Качать свои права. Я скажу, почему я разговариваю с Ксюшей, почему интересуюсь ее жизнью. Потому что не хочу, чтобы она жила так, как живет твоя глупая мать и как живешь ты. Ты обвиняешь меня в том, что случилось с твоей жизнью. А подумай своей головой, и ты поймешь, что виновата в этом только ты! А бабушка глупая же! Ни-

чего не понимает в жизни! Отсталая! Только это я с самого начала говорила тебе правду!

Она встала и начала собирать посуду.

Аду трясло. Ее будто облили кипятком, а она сама, хоть и могла, не уклонилась от его потока.

— Ты так ничего и не поняла, — проговорила она.

— Куда уж мне! — усмехнулась громко бабушка. — Не дал Бог ума. Так и вы, я могу сказать, не блещете умом-разумом. Все бабка у вас не знает! Кто бы оценил бабушку-то?! А вы этого не умеете.

Замолчав и поджав губы, без единого взгляда на внучку, она стала убирать стол. Это был знакомый Аде вечный вид обиженного мирового страдальца.

Внутри было горько. Содроганье перерастало в кипение, гнев концентрировался и превращался в тяжелое чувство боли, настаивающей на рыдании. На глазах наворачивались слезы.

— Я не хочу с тобой больше говорить, — вырвалось у Ады. — Ни сейчас, ни в будущем… Я не представляю, как с тобой общаться. Ты никого не слышишь, никого.

Она встала и начала собираться. Не глядя на бабушку, которая, сохраняя вид гордой жертвы, убирающей стол, никак не реагировала на внучку, Ада вышла в коридор и, собравшись, вмиг вылетела в дверь. Укутавшись в свое синее пальто, она побежала через двор, встретивший ее холодным ноябрьским дождем.

***

— … я считаю так, — продолжал свою тему Андрей, — мы не можем сидеть сложа руки. Все считают, что действия бесполезны. И на первый взгляд, это кажется аргументированным. Действительно, власти наплевать на митинги, протесты, акции: ничего не меняется. С другой стороны, от противного если посмотреть — если никто не будет ничего делать, положение и вовсе не изменится. Вода камень точит. Люди, говорящие, что «мы все равно ни на что повлиять не можем» — максималисты. Им хочется, чтобы после одного митинга, чтобы после одной забастовки рухнула система. Либо все здесь и сейчас, либо наши действия ничего не значат. Но нужно продолжать двигаться, не думая о том, принесет ли это плоды. Нужно делать

свое дело, то, что зависит от тебя, то, чего требует твоя совесть… Если не пытаться плыть, то утонешь быстрее!

Он хотел доказать, донести до *него*. Одобрения? Понимания? Соучастия? Сопереживания?

Уже больше часа они говорили об этом. Егор в основном молчал, с видом исповедника серьезно глядя сверху вниз. Это и провоцирует, искушает? Непреодолимая пропасть-стена между двумя парами глаз. И Андрей на износе, на заключительном слове — прокурор, нападающий на Карамазова. Он говорит, злится, заливается, наслаждаясь своей конечной истиной. Андрей говорит хорошо, чувствуя, что стоит за правое дело. Он уверен в себе, потому что это *выше* его. Здесь зарыта объективная собака!

— Остановись, — перебивает наконец Егор. — Прекрати, пожалуйста. Я устал. Прости, пожалуйста, но, я думаю, пора сменить тему. Я не могу постоянно об этом говорить… Я хочу сказать, что мы только и говорим, что о Путине, о митингах, о войне… Я знаю, что это важно. Я понимаю, что тебя это искренне тревожит. Но, в отличие от тебя, я не могу об этом думать круглые сутки. Это все сводит с ума. Я предпочитаю избегание сейчас. И я бы хотел проводить с тобой время, обсуждая что-то другое. Мы не говорим о тебе, не говорим обо мне. Мы обсуждаем политику. Без конца…

— Хорошо, — сбивается Андрей.

Ему почему-то стало некомфортно. Туча, с которой он был связан энергией, вдруг оказалась в стороне. Но ведь Егор имеет право… Андрей ощущал бессилие. Возникал молчаливый вопрос.

— О чем ты бы хотел поговорить? — тяжело выговариваются слова, как двигаются ноги под давлением чугунной обуви.

— Да о чем угодно, — Егор уверен, решителен.

Неужели он в чем-то прав здесь? Как? Ты сам знаешь…

— Мы можем поговорить друг о друге, — продолжал Егор. — Мне бы хотелось что-то узнать о тебе, твоем прошлом, твоих мыслях.

— Понимаешь, все кажется неважным в свете нынешних событий, — начал оборону Андрей. — Все отошло в сторону. И, если я говорю о чем-то, мне это важно сейчас…

— А мне нет, — был ответ. — Мы перестали спрашивать друг друга о чем-либо связанном с нашими жизнями. Мы говорим о политике — это единственная тема для разговоров с того самого момента, как все это началось. Я устал! Мы ни на йоту не сдвинулись в плане близости. Я все еще ничего не знаю о тебе… А я бы очень этого хотел.

«Нет меня», — мелькнуло в голове Андрея. Мелькнуло и растворилось в тумане. Это было больно. Слова резали уши, раздражали, вводили во внутреннюю дрожь. Сопротивление. Но пуля попала прямо в яблочко — торжествующая труба и конфетти! Месье, мадам — поклон…

— Мне порой кажется, что тебе неинтересно со мной, — продолжал решительно Егор.

Все это копилось в нем. Зрелое яблочко наливалось, чтобы упасть — ты это видел. Тебе было все равно? Разве не было внутри вопроса «А зачем что-то рассказывать?»? Ты можешь быть честным с собой?

— Если это так, если ты не готов на общение другого формата, я думаю, нам стоит разойтись сейчас.

— В смысле? — в полной тишине произнес Андрей, все еще обороняясь.

Холодно, колко, резко и слишком отчетливо.

Люди сновали туда-сюда.

— Дай пройти! — прогремела в паре метрах женщина с синими (под цвет пегих джинсов клеш) тенями пьяной незнакомки. — Козлина!

Так она встретила одного из группы подростков, собравшихся у метро. Те проводили ее своими смазливыми лицами, которые так не совпадали с характером насмешливых улыбок на них.

На миг взгляд Андрея остановился на этих подростках, найдя укромный уголок. Он, как водится, прятался в лабиринте своего разума, стараясь ускользнуть от цепких рук Егора.

— Мы можем все прекратить, — говорил потусторонне тот. — Здесь и сейчас.

Он был холоден — ужасная черта личности: чем взволнованнее, тем выдержаннее и злее. Андрей ощутил ненависть, а за ней —

пропасть. Снова она — прямо перед его взором. В нее можно было упасть. И холодно…

Андрей молчал. Онемение и гул. Люди идут, тянутся, разговаривают, встречаются, обнимаются, смеются — оно реально — существующее бытие. Это словно осколки разбитого зеркала врезаются в саму плоть и проворачиваются там, внутри…

— И чего ты молчишь? — настаивает Егор.

Он словно каменный истукан. И ты это прекрасно знаешь. Он реальнее тебя! Ты можешь быть не прав, твоя позиция — лишь заблуждение… Не готов смириться? Ты все прячешься.

Отворачиваешься от правды. И от чего ты бежишь? От того, что бессмысленно? Чего ты боишься?

Страшно — страшно — страшно…

Андрею хочется плакать.

— Я…, — пытается выдавить он. — Я не могу…

— Что не можешь? — Егор будет непреклонен.

Ты знаешь правду — но *я не могу*!

— Я не могу сейчас поехать домой, — выговаривает Андрей спустя молчание. — Мне… не хотелось бы так разойтись сейчас… Прости.

Егор молчит.

Ты благодарен, да? Слабак… *Why's it so hard to love one another*…

— Поехали ко мне? — спрашивает Егор, успокаиваясь — мягче.

— Да, — Андрей кивает.

Огромный гул внутри умолкает, отступая. Неужели от этого становится легче?.. Ты не можешь отпустить и держишься. На игле…

На эскалаторе в метро Егор все так же молчалив. Андрей тоже не издает ни звука. Ранен и убит. Разве ты человек? Разве ты существуешь? *Я тоже Аянами Рей.*

***

Андрей на кровати. Темно. Неподвижен полусиний световой квадрат на потолке. Шумит в ванной вода. Под одеялом тепло.

Мысли такие призрачные… Рука тянется за их серым покрывалом перед глазами, но пальцы вцепляются в густой мрак, оставляя лишь пустой след на дне ладони. Что ты чувствуешь? Ты задаешь этот вопрос по тысячи раз на дню. Скрываешься… нет, забываешься в бес-

численной череде… ~~Скатертью, скатертью дальний путь стелется…~~ Но что ты чувствуешь?

Не то ли ты подумал сейчас? Играешь роль. Картинкой, вырезанной Андерсеном, бумажкой выходишь на сцену, изображая Давида Микеланджело, являясь Русалочкой. И 300 лет пройдет — обретешь бессмертие… Бумажка, скомканная-развернутая, бумажка. Разве красивый узор делает тебя человеком?..

Плоть. Как загорается кровь, когда ее недостаточно, когда хочется коснуться, когда… Что все это, кроме плоти? Есть ли во всем этом представлении хотя бы капля правды? Есть ли что-то, кроме лжи, бесконечной цепочки ложных иллюзий? Как бы ни старался, куда бы ни забрался, чего бы ни получил — никогда недостаточно… *Вот и лето прошло, словно и не бывало…*

Когда это происходит, все по-другому. Ты знаешь. Мир не вламывается внутрь комнаты, не врывается в закрытые окна, проползая сквозь шторы… Все не так…

Весь мир — лишь представление — схватывая обрывки неизвестного/чего-то/вселенной, человек расширяет границы своего разума — считая, что делает свое существование безопаснее — он охотник и хищник, поджидающий добычу — схватив живую ткань, он выжимает из нее соки, упиваясь вкусом, а оставшиеся останки встраивает в гербарий-систему — которая состоит из бесчисленного множества связанных друг с другом ячеек — каждая ячейка — клетка, схватывая, человек убивает — и весь его мир лишь труп. Труп чего? Живого…

В этой системе неуютно, расширяясь, она доставляет удовольствие, позволяет коснуться живого, несет с собой довольство-в-знании — но вместе с тем она несет потерянность в словах, в сухом шуме бесконечных тюремных стен — и мертвый голос пресыщенной усталости-в-опустошенности никогда не умолкает — хочется дальше, к жизни, на край системы…

Мир врывается внутрь. Он твой собственный мир. Ты выстроил его так. Сухое, похожее на отмершие ткани, замененные соединительной… Может, это правда просто больше не функционирует?

Что это за чувство? Какой-то зов. Зов отсюда, из этой квартиры.

Но куда? Он тебя беспокоит. Что ты делаешь здесь? Ты находишься здесь, потому что тебе страшно. Снова страх. Где есть страх, там… Ты боишься выносить весь тот мир, который выстроил в своей голове.

Говорят, что, если заставить себя улыбнуться и удержать улыбку на минуту, можно обмануть организм и вызвать радость. Так и здесь все так же. Может, вырисовывая линию за линией по памяти, можно добраться до сердцевины, сути?..

Хлопнула дверь. Черный силуэт мелькнул в синей комнате.

Егор холодный, мокрый в постели, нарушает теплый уют одеяла.

— Ну что, готов к приключениям? — довольно спрашивает.

Вы готовы, дети?

А мир остается здесь же, прямо в комнате. Expecto patronum!.. И голова пуста, и плоть материальна. Выхода нет…

— Что с тобой? — спрашивает Егор.

— Ничего, — бессильно отвечает Андрей. — Устал…

***

Красивая комната с белыми стенами. Отраженное от стекла соседнего дома, солнце бликами заполняет студию, падая на мебель от IKEA. У высокого напольного зеркала ~~для фотографий в коже перед рейвом~~ стоит горшок с фикусом. Над широкой кроватью со взбитой постелью пятнами выстраиваются фотографии. Люди улыбающиеся, люди играющие, люди пьяные, люди танцующие, люди поющие, люди позирующие — ~~homo erectus, homo sapiens, homo sentiens, homo socialis, homo superior~~ — homo creatus est.

На индукционной плите уютно шуршит сливочным маслом сковорода с антипригарным покрытием. Егор энергично тормошит замирающую поверхность растекающихся яиц, беспокоя помидоры черри, нарезанные японским стальным ~~тесаком~~ ножом минуту назад.

Еще мокрые, обработанные гелем кудри обрамляют крутые скулы. Брови, густые и мужественные, едва-едва приподнялись и потянулись друг к другу, стараясь изогнуться в Урдхва Мукха Шванасане. Чувственные губы плотно сжаты. В тесных ~~спереди~~ белых трусах от Calvin Klein Егор рассказывает о подруге, которая вчера на вечеринке закинулась водкой поверх антидепрессантов, потеряла сознание, а, когда друзья повезли ее домой, заблевала все такси.

Андрей валялся в постели, обнимая огромного плюшевого медведя (чего только он не видел здесь) и слушал. Сияющий серебром Mac стоял прямо на полу на деревянной подставке и издавал теплые волны голоса Ланы Дель Рей из ее очередного повседневного альбома. Чудом еще работал Spotify — Егор говорил, что читал, как можно будет продолжить им пользоваться после окончательной блокировки. ~~Rutracker, привет!~~

Белые тарелки появляются на столе, а рядом с ними — сверкающие сталью вилки. Огромные чашки наполняются: Егор пьет черный кофе, Андрей — Nesquik. Они за столом. Егор улыбается широкой полосой ровных и белых зубов.

— Что? — внезапно спрашивает глубоким голосом он и бросается на Андрея. — Пора чухать жопу!

Веселая возня под томные звуки мелодий.

Напольная вешалка в какой-то момент переворачивается. Цветная ткань разлетается по ~~спальнекухнегостинойкомнате~~ — полу. Поверх андеграундских брендов Егор сжимает ему руки и победоносно осматривает жертву. Большой и сильный. Сверху. Серьга в ухе.

Снова возня — Андрей вырывается. Выскальзывает и ползет, хватается за края плюшевого ковра — за ножку кровати. Следует укус в лопатку. Крик. Снова возня. В процессе сотрясается стол — кофе проливается и отрезвляет обоих. Егор встает, поднимает вешалку, собирает одежду…

В ванной, одетой в мелкую белую плитку, они чистят зубы. Деревянные щетки и зеленая пена у рта от Splat (плацебо). Егор, как всегда, давится от рвотного рефлекса — утверждает, что не может поэтому использовать щетку для языка. Пускает в ход параллельно зубную нить. Андрей шутит в ответ: «Надо поработать над этим». Снова возня…

В лучах солнца тело Егора отливает золотым. Оно облекается в широкие черные брюки, огромную голубую рубашку, nerd свитер, кожаную куртку — здравствуй, Тоно Такаки. Брови укладываются на черные очки. Кудри прячутся под махровым беретом…

Андрей ждет у выхода, поправляя оверсайз пуховик и застегивая косящие под мартинсы ботинки. Егор похлопывает по карма-

нам, разыскивая звон ключей, проверяет свой новенький iPhone 13.

Перед выходом снова возня, Егор наклоняется к нему — у него хорошее настроение. Солнце заливает квартиру. Беспорядок на кухонном гарнитуре остается на будущее — а сейчас можно вообразить себя подружками из 'Chemtrails Over The Country Club' и выйти на охоту.

Захлопывается входная дверь.

Они спускаются во двор. Шагая по новенькой плиточке вдоль пестрого, недавно сданного дома, толкаются. Андрей рассказывает о планах выпить с коллегами после поклассного совещания. Егор смеется, обзывая его трудовиком-алкоголиком.

Они минуют новый квартал. Начинаются серые панельные пятиэтажки. Тающий снег под ногами перемешан с накопившимся за зиму мусором. Ботинки увязают в грязи.

Они разглядывают и обсуждают растаявшее озеро посреди двора. Егор закуривает дудку. Сладкая вонь пара смешивается с неопределенно-влажным запахом воздуха улицы. Андрей отмечает теплоту солнечных лучей, просекающих черные полосы сырых деревьев.

Показывается проспект. Машины проносятся мимо, тревожа коричневое мессиво на асфальте.

Чувствуется движение. Бледно-бежевая облицовка ближайших к шоссе домов в сочетании с черно-коричнево-зеленой грязью земли дышит происходящими таинственными изменениями. Андрей оглядывается. Что-то внутри поднимается. А Егор продолжает болтать у самого уха — растекается шутками о коллегах и друзьях.

Шероховатые шаги в голубом полиэтилене по растрескавшемуся асфальту — мягко шагает — словно зверь.

Андрей дергает руку Егора. Тот тоже оборачивается.

Загорается зеленый свет, они ступают вперед — а позади испитый женский голос грозно, обращаясь к духу Великой Матери, к Эйве, по-жрически возвещает:

— Одумайтесь! Глупые! Скоро холодильники опустеют, а головы наполнятся!

Голос дрожит, но держит свою высоту. А люди идут своим ходом, не замечая и погружаясь глубже в звук беспроводных наушников.

— Наполнятся!

Андрей *слушает* ее. Егор мягко улыбается — наблюдает.

Женщина сворачивает — исчезает, как появляется — словно тень, стекает с тротуара и бредет, провожая глазами мчащиеся машины.

А привлеченный солнцем взгляд скользит за его лучами вверх — наталкивается на огромную Z посреди белого билборда.

***

нет, конечно, это не все — но зачем больше? разве пытается кто-то собрать взорвавшиеся вселенные? можно безопасно бродить по тропе звездной пыли — из собранного высекается наскальный рисунок — из лепестков сорванного сухоцвета выкладываются бабочкины крылья — но все это не так важно — окружности пересекаются, а лучи выгибаются — разлагается в облаке стакан — времени остается мало — как хорошо, что все можно провалить — всматриваясь в красные облака, можно уподобиться им и не заметить, как исчезаешь — по капле с каплей вытекает апельсиновый сок — ничего в глаза не видать — протянуть невозможно руку — все теряет очертания — как же сладко не разглядеть своего лица! в тумане бродит лошадь, и грива растаскивает на полосы бетонную стену — камни собираются в футболку — они гладкие и холодные, но можно отпустить их с лавиной, взявшись за протянутую руку — мы ныряем на поверхность — не издавая ударной волны, кто-то бредет по тверди, и тонкий лед пропускает тепло — гитара разбрасывает воду в стороны и рассеивается радугой по потолку — кажется, никто так ничего и не понял — тогда для чего был подоконник в солнечное утро? уже не выпутаться из облаков — но что-то еще играет эта музыка — говорить слова нужно — ступни увязли в мягких кошачьих тапках — выжимается майка, сияет на веревке — доносит запах порошка — скосился забор, упала кремлевская стена — ложишься на теплый парапет — в каменной истоме есть часть случившегося заката — песня длится, как цветные бусы на шее — замахнулся и кинул камень — блинницу высветил по плоскому небу — умножил слова, их так много — они птичьими тучами окутывают одинокие скалы глаз — они тоскливо кричат

на закате, мелькая ласточками над холмами зеленых хребтов — они враждебно чайками гудят, как охрипший чайник, когда разрезал яичницу за любимой зеленой глиняной тарелке — они орлами взмывают ввысь, общаясь с ангелами — губы, мягкие и твердые, красные и едва розоватые, как маленькая надежда — «мне идет это платье? что молчишь? — неужели все так плохо? не молчи,…» — утонуло имя, умерев от холода омута, но голос ее закушенным остался на губах — высыпала содержимое сумки на стол — с черными или светлыми волосами отвернулась голова — а глаза, свернув, превращаются в растаявшую льдинку — они все мелькают, отголосками цвета — собираются бусины, нанизываются на иголку, и вырастает браслет — ожерелье? наматывается нить на нить, цветные узоры покрывают исписанные машинами дороги — мелок остался на ее щеке, а грязные ладони на фоне крапивы с запахом гаражного дыма — выливается вода на полотно, стекает обессиленная краска — обезоруженный цвет — отмываются взрослые руки — становятся маленькими — горько-сладко благоухает мыло, пенится белая каемка, покрывается молочным мхом кофе — вращается кисти, крутится в плече сустав, раскачивается корпус, проминают ступни гущу покрывала — совершается скачок, и летит вселенная, перевернувшаяся в своих водах — увядают ноги, иссякают, уходя в пелену алого тумана — красный кружок на подушке вращается перед глазами, становясь естественным спутником —

***

Ада много нервничала из-за ссоры с бабушкой, но была решительна в своем стремлении отныне сепарироваться от нее. Все контакты были заморожены. Несмотря на расспросы, Ада не поведала маме содержания случившейся ссоры. О происшедшем в подробностях знал только Фил. Он поддержал Аду в ее выборе, но старался не распространять уже сложившееся представление о ситуации своими мыслями. Как обычно, Фил молчаливо был рядом, готовый подставить плечо.

Ада всецело погрузилась в переживание перемен. Печаль, которую она пророчила себе, не случилась. Вместо нее Ада обнаружила чувство освобождения. Было одновременно радостно и страшно перед тем, что раньше казалось недоступным. Она чувствовала, что избавилась

от каких-то цепей, которых раньше не замечала. Но что было недоступно? Что за цепи были сброшены? Неужели всю жизнь ей управляла не она сама?

Ада окунулась в изучение себя, стала много писать в своем дневнике, пытаясь вылить из себя этот поток мыслей, чтобы докопаться до истины. Дома, на работе, в компании Фила — где бы она ни находилась, внутри велась колоссальная психологическая работа, практически научное исследование.

В этом постоянном самоанализе Ада совершенно забыла о другом анализе — анализе гардероба, на который решилась вместе с подругами.

Когда в назначенный день в квартиру постучали, она растерялась, бросила готовку и, в замешательстве подойдя к двери, стала смотреть в глазок. Увидев незнакомую девушку и открыв дверь, Ада поздоровалась и поинтересовалась о цели визита у незваного гостя.

— Я анализирую гардероб, — потупилась незнакомка.

Ада сразу все вспомнила.

— Ой, прошу прощения, — заговорила она, улыбаясь в неловкости. — Я совсем забыла.

Брови девушки невольно взмыли вверх и губы изогнулись в неживой улыбке:

— Ничего, бывает… Я могу войти?

— Да, — выпалила Ада и зачем-то повторила: — Да… Проходите!

И засмеялась, показав свою широкую улыбку.

Ситуация показалась ей столь же нелепой, сколь и забавной.

— Меня зовут Екатерина, — проговорила девушка, раздеваясь и оглядываясь. — Вы же Аделаида, полагаю?

— Да, — продолжала глупо, как ей самой казалось, улыбаться Ада.

— Красивая квартира, — бросила Екатерина, проходя в спальню. — За сколько снимаете, если не секрет?

Ада поблагодарила, ответила на вопрос и спустя мгновение задалась вопросом, почему гостья, не задумавшись, решила, что квартира съемная. Этот факт задевал.

— Сейчас, — сказала Ада. — Я выключу плиту на кухне и вернусь.

Прервав кипение супа, она вернулась в спальню и обнаружила Екатерину сидящей на их с Филом кровати. Это тоже почему-то смутило Аду.

— Вы уже встретились со Светой и Аней? — она решила за что-то зацепиться для беседы.

— Да, я думаю, они остались довольны нашим взаимодействием, — улыбнулась искренне Екатерина.

— Мне, к слову, наверное, особо нечем похвастаться в отношении своего гардероба, — смущенно заговорила Ада. — У девочек наверняка гораздо большее разнообразие.

Она подошла к шкафу и раскрыла его.

Екатерина вспорхнула с кровати и в мгновение оказалась рядом.

— Да, немного, — ни капли не смущаясь, вздохнула она.

Ада вновь сконфузилась. Поймав себя на чувстве стыда, она напряглась и возмутилась. Краска приступила к лицу.

Совершенно забыв об Аде, Екатерина стала осматривать стену из разноцветных тканей, представленных на вешалках. Скользя пальцами по складкам, Екатерина периодически хваталась за плечики и вытаскивала какую-то вещь на свет, пристально рассматривая. Иногда она кивала или издавала нечленораздельные звуки-мычания. Ада даже не думала раньше, что можно так серьезно и сосредоточенно изучать одежду.

— Вещей действительно немного, — наконец проговорила девушка, — однако они неплохи. Не могу сказать, что гардероб беден. У этого всего есть свое лицо.

Эти слова, несмотря на сопротивление их воздействию, отозвались теплом внутри Ады. Она не смогла сдержать улыбку и смущенно выразила благодарность.

— Но нужно еще посмотреть, как ты их сочетаешь, — дополнила Екатерина.

Уловив переход на «ты», Ада откликнулась на него:

— Как скажешь. Как мне это показать?

— Я хочу увидеть три образа, которые, по твоему мнению, будут самыми удачными сочетаниями этих вещей.

— Хорошо, — ответила Ада и засмеялась. — Ты можешь подождать на кухне.

Ей становился интересен происходящий интерактив.

Сделав гостье чай и оставив ее наедине с ним, печеньем и недоделанным супом, Ада вернулась к шкафу. Она внимательно посмотрела на свой гардероб и стала выбирать необходимое.

Через семь минут все «луки» были уже готовы, а сама Ада стояла в одном из них перед допивавшей чай Екатериной.

— Хорошо, — говорила та, разглядывая клиентку. — Повернись… Угу…

Ада всегда чувствовала, как с ней относится человек. И сейчас со стороны гостьи исходили явное расположение и симпатия. Произошло потепление.

Второй и третий образы Екатерина уже встретила с улыбкой и пространными комментариями. Она сделала несколько замечаний, выразила свои мысли по поводу того, что бы добавила. Ради дополнения третьего образа Екатерина даже сама сбегала до гардероба, нашла в нем пиджак, который считала необходимым, и передала Аде.

— Нет, хорошо, — вздохнула, улыбаясь, гостья, довольная клиенткой. — Ада, да ты эстет. У тебя есть явное чувство стиля!

Ада засмеялась. Ей было очень приятно слышать такое. Не хотелось признаваться в том, что слова какого-то незнакомого человека играют роль в самооценке, но в данный момент Ада испытывала удовольствие. Внутри даже возникло желание еще что-то показать, выдумать.

— Спасибо, — широко улыбалась она.

— Ада, у такой девушки, как ты, не должно быть такого маленького гардероба, — говорила Екатерина. — У тебя есть вкус! Я бы даже сказала — чувство ритма! Ты та самая девушка из французского фильма, которая живет свою самую-самую прекрасную жизнь. У тебя должно быть все наилучшее!

— Ух! — усмехнулась Ада и снова засмеялась.

— Куда смотрит твой муж!? Я этого не понимаю!

Ада хотела сказать, что она не замужем, но не стала.

Екатерина начала собираться.

— Я очень довольна тем, что увидела, — говорила она, выходя в коридор. — Ада, ты чудо! Каждой бы девушке такой взгляд на одежду…

Но ты подумай-подумай! Я вижу, что ты достойна большего, чем то, что уже имеешь.

Ада все еще улыбалась, но мысли о Филе уже успели немного утяжелить ее состояние.

— В общем, мой приговор — больше денег, больше одежды! — воскликнула Екатерина, уже одевшись и стоя на выходе с обхваченной пальцами ручкой замка.

Проводив весело расшумевшуюся под конец гостью, Ада осталась в тишине коридора.

«Что это было?» — задалась она вопросом, приведенная в оцепенение пронесшимся только что вихрем. Отсутствие звуков смущало. Ада была потеряна. Мысли о Филе, о доме, об одежде, о деньгах, о похвале — все они скрутились вновь в какой-то непонятный плотный комок.

На потолке была трещина.

— Какая же я дура, — выдохнула Ада наконец.

Ведь только что ее просто надули! Даже если все услышанное было правдой, она заплатила деньги только за то, чтобы ей сказали, какая она молодец и что нужно иметь больше вещей и денег… Вдумываясь все больше в причину случившегося, Ада снова натолкнулась на образ бабушки.

Отчаяние сменило растерянность, и она невольно прикрыла лицо ладонью…

Вернувшись на кухню и снова зажегши плиту, Ада продолжила готовку. До прихода Фила нужно было успеть внести последние правки в статью.

***

фейерверки вспыхивают над водой, прорывается чернота волн, огнями взрывается глубина бездонного колодца, бедный журавль не может рвануть в небо, и вращается катушка, разматывая круги бесконечной нити — коты разбегаются перед ногами, а тот рыжий смотрит мне прямо в глаза — он подмигивает мне, хитро сохраняя львиный контроль — но я умнее: я подмигиваю в ответ — играется в гляделки — главный приз — царапина на правой руке — солнечная лапа в ладони, коготь жалом впивается в ткань, так делятся огнем — ветер раздует пожар, мокрый лист подорожника поцелует смертель-

ную рану, и тут же нарисуй голубое полотно небо — развевается белая блуза, притворяясь покрывалом, забытом на финском берегу — только камни раскисают, долго растворяясь в красном истлевающим узоре руки, опущенной в бочку с ледяной водой — можно крикнуть расколотому отражению и представлять себя в огромном зале — зале с чередой соперничающих зеркал — раздвоение, растроение, расчетверение — уже собрался ансамбль — визжит публика, а кто-то из вас поет, играет, бьет — солнце мигает, скрываясь за веками и взрываясь вновь неоном растянутого воображения — и кто-то при выходе с защиты обнимает и поздравляет — они пьют на берегу, на забытых плитах, под угрюмым, ворчливым мостом — хлопают воды по воде, напрягаются голосовые связки, и кто-то, будто бы я, кричит — прорезается розовая полоса на воде, медленно коптит маленький костер — дует в спину ветер, уносит на знойную улицу с маленьким зданием — здесь требуют купить краски — после этого уматываешь в парк — бредут ноги по топким тропам, где-то на фоне грустного города, который ничего не понимает — а тот вечер начал — и потолок обратился в воду, а кусты засветились святым огнем, и я смотрел завороженно на блики воздуха, который говорил со мной прохладой, потому что только на таком языке можно по-настоящему понять друг друга — я стоял посреди тропы и тянулся к свету, мне казалось, что я им стал — я чувствовал, что есть только этот поток, чистый и свежий, а я лишь пытаюсь отказать себе в этом, обременяясь тенью — на самом деле правдиво пишет только этот пустой воздух, и я говорил ей это, пока она танцевала и меня не слушала, потому что я не умею говорить прохладой — я расстроился, но потом понял, что все это зря, потому что бессмысленно говорить — нужно выйти за порог и броситься в ветер — он хватает и несет звук тебя в березовую рощу на юге, и где-то на скамейке ты уже другой, новый, как едва сорванный белый цветок — нет смысла быть сухоцветом, и я тогда сжег все свои сухоцветы — и весь вечер горели огоньки под моими ногами, и ничего, что огоньки умирали от нашей тяжести, ведь где-то совсем далеко в белых стенах оставалось что-то, чего в памяти нет — горел сражением тихий нпз, и где-то внутри него готовился взрыв, порождающий жерло бессилья слов — но еще

звучали слова под громкую музыку в черных стенах — я радостно рассматривал имена в глупой табличке — блестели на горизонте барельефы — руки замешались с глиной, заляпался экран телефона, разлетелась кружка, и заскрипел пол после холодного душа, а потом вечером можно было гулять по парку, скрывающемуся в сумраке после последних теплых дней — рябит стена, выдохни и вдохни разрезающий небытие поезд — появляются пустые утренние часы — кажутся грустно поющие вечерние липы — розовый песок парков сбивают поднимающуюся температуру — но вдруг вырывается восторженный крик посреди срыва с синей пластиковой вершины — вместе с потоком пахнущей хлоркой воды сползает ткань скуки — танцует девочка у фиолетовой горки — потерялись знакомые образы в ленивой макаронной реке — дезориентировался где-то в воронке и пропасти водяной голубизны — заесть это приходится вишневым мороженым, а на передних сидениях они орут во весь голос, подпевая песне — а на диване ты уже упиваешься своим голосом, следя украдкой за ползущей строкой непонятных иностранных слов и держа в руке, будто бы очужерожденной, микрофон-динозавр — на кухне нарезают салаты, обязательно колбасу большими квадратами, создавая таким образом личный непродающийся бренд — тайно вылезли на крышу, разрезали простор на металлические прямоугольники и заели это открытие невинно-кислым виноградом под красное вино, которым кто-то должен замарать белую футболку — а над головами точно поют ангелы — у них обязательны бантики и жабо, и красные очки — фиолетовый космос раскрывается распущенными руками, а крыша постепенно опускается на ситообразный небосклон — плачущий двор-колодец смотрит на нас со старушечьим негодованием, но что можно сделать, если сахар высыпался из пакетика в кофе?! —

***

Андрей присел на край, на холодную голубую плитку, опустив ноги в воду. Тонкий запах хлорки смешивался с отзвуками громких голосов, втертых в эхо блестящего плеска. Было слегка лениво: тело отзывалось слабостью на мысль о грядущем упражнении.

Наконец натянув на глаза очки и сделав глубокий вдох, Андрей оттолкнулся от края и погрузился под воду. Окружающий шум вмиг

утих, сменившись тихим звуком толщи синего H2O. Схватившись рукой за край бассейна, Андрей медленно обвел взором раскрывшееся пространство, вглядываясь в кристально чистую панораму с висящими посреди нее human beings. Здесь, в самом начале пятидесятиметрового бассейна, куда солнце проникало лишь рано утром, все было уже окрашено в темно-синие оттенки, будто увяло, так, что даже вода казалась неуютнее и холоднее. А там, впереди, поверхность переливалась бликами и сквозь нее пробивались и растекались, словно растушеванные акварелью, мягкие теплые лучи света. Как всегда, было тихо и спокойно… Вода обладает способностью уносить лишние мысли, проникая вглубь и очищая. Возможно, поэтому теперь она так невыносима.

Андрей вынырнул. Уши постепенно лишились водяной преграды, и шум ворвался в сознание. Ненадолго. Теперь уже тело, узнав среду, подчинилось привычке.

Оттолкнувшись от стенки и направив руки вперед, Андрей скользнул по воде, нарушив только начавшую восстанавливаться гладь. Гребок, другой — тело радуется движению, обретает свободу невесомости. За сим — радостная констатация факта.

Казалось бы, вода тоже вещество, как и воздух. Так почему же плавание нельзя назвать полетом? Руки весело проталкивают потоки воды, вырываются наружу и врываются в течение вновь. Пара движений и ты скользишь, отдавшись пойманной волне, словно птица, отдавшаяся ветру. Грудь наполняется воздухом в строгом медитативном порядке, отвлекая от слов, и в момент медленного выдоха перед глазами проносится сетка мелкой голубой плитки, сменяющаяся далее, при повороте головы, двумя реальностями: под/над гладью пропитано светом и воздухом, взрывающимся яркими искрами, словно в пожаре. Оно, *это*, как всегда, является прекрасным, упоительным, манящим, поглощающим, растворяющим… Но все-таки какой-то червь точит грудь, стремясь вырваться в гневе.

Таинственное свойство воды поглощать голос. Андрей любил кричать во время плаванья, чтобы выплеснуть эмоции (ну, до леса-то далек ехать) — так можно смывать чувства вместе с пустотой, кото-

рой становился голос под нижней границей воздуха. И помогает. Вот он — крик…

В этот раз Андрей чувствовал себя отравленным. Желчь переполняла его. Люди, улицы, дома, суета… Он словно был наполнен воздухом, который вода не принимала. Как ни пытался Андрей избавиться от этого неведомого балласта, все было напрасно. Он оставался лишним-инородным элементом здесь. Даже любимый поворот в конце дорожки, в лучах солнца, сопровождаемый фейерверком из сотни разного размера пузырей перед глазами, переливающимся и искрящимся, не захватил в этот раз дух. В воде все было… как будто определенно, обыденно. А коснуться этого больше не представлялось возможным. Череда будней раскололась.

Сжавшись изнутри и напрягшись, Андрей решил ускориться. Делать нечего: нужно было проплыть привычные два километра и уходить. Тошно!

Незадавшееся начало вызвало тревогу о том — что кто-то еще придет на дорожку — что под очки попали капли воды — что плавки слегка подсползли — что периодически сводило правую ногу — что пловцы на соседних дорожках плывут быстрее и будто без серьезных усилий. Мысли раздражали, сковывали, делали движения агрессивными и поэтому бессильными. В конце концов на последней пятидесятиметровке внезапно свело обе ноги, и Андрею пришлось догребать почти что одними руками — на спине.

Сделав привычное дыхательное упражнение, он неловко выбрался из воды и, надев шлепки, нетвердо побрел в душевую.

Стянув шапочку и плавки, Андрей забрался под поток горячей воды. По всему телу разлилась приятная мягкая слабость. С ней пришло блаженное ощущение мышц, которые выдавались сквозь кожу значительнее, как обычно это бывает после спорта. Пузырик легкого возбуждения лопнул в голове, раскрашивая сознания в розовый — чисто физиологический язык.

«Еще этого не хватало», — вздохнул Андрей и отвернулся к стенке.

Неловкость охватила его, но она не могла остановить уже просачивающийся во все члены яд возбуждения. Взгляд устремился в угол,

туда, где сходились перпендикулярные друг другу плитки. Волшебное средство. ~~У вас это вид старушки? У меня стена~~!

Облегчение наступило почти мгновение. Через минуту Андрей уже мог обернуться.

И в это мгновение мимо проходил посторонний. Видимо, пловец. Кажется, тот самый, что плыл рядом справа… Невольно глаза Андрея проскользнули по его мокрому телу. Рожденное для того чтобы быть обликом манновского обывателя, оно сияло здоровьем, силой, полнотой, красотой. Чувство наслаждения телом собственным мгновенно прошло. Сдулся!

… По своей сути, мы ведь не обладаем своей плотью до конца. Мы не можем даже охватить ее своим сознанием: она всегда ускользает, так как является слишком близко и разобщенно, в слишком частных, даже неприглядных, подробностях, и теряется в тумане потока мысли, смешиваясь с ним. Чувствование-изнутри перечеркивает возможность чувствования-извне, а следовательно, препятствует наслаждению и восхищению. Наше тело для нас призрачно, оно лишь привычно-свое. Чужое же тело — загадка, недоступный плод, который является в своей полноте глазам и становится напитком, которого хотелось бы отпить… Порой это напиток совершенства, который и манит лишь потому, возможно, что никогда не станет доступен для взгляда изнутри… Все так банально.

~~Какая у него кожа — словно лепесток розы~~… Разве это может быть, Андрей? Почему? Что говорит в тебе? Если мысль уже действие, то кто ты?.. Что тебе нужно еще? Вот куда ты рвешься? Могло ли так быть, если бы… Ты сам знаешь ответ. Тень возлюбленного должна заполнять все. Всегда? Ошибка может быть плодом иллюзии. Ты ошибаешься или иллюзионируешь? Может, ты животнее, как и *другие*? Тогда тебе придется сознаться в своей небелости!.. А все-таки внутри слишком спокойно в той части, где должна чувствоваться тоска. Оттуда ли идет это влечение? И может ли оно вообще идти оттуда? А если нет? Лучше промолчать. *Если не можешь сказать ничего хорошего…*

Андрей вновь в бессилии обернулся к стене. Сосало под ложечкой… Прямо Гарри Поттер какой-то!

Голова гудела. Было тошно. Вычеркнуть это утро!

***

Андрей был одним из немногих людей, которые оставались ее друзьями после воссоединения с Филиппом. На первый взгляд, их отношения могли стать поводом для ревности, ведь он был вполне в ее вкусе. Со своими короткостриженными светлыми волосами, темными бровями и глазами — само его лицо являло тот контраст светлого и темного, который очень любила Ада. Он был высок, имел чувство стиля. Был умный, смешной, добрый. Но Андрей был гей. И, несмотря на то что даже с такой информацией Фил продолжал ревновать ее к нему, эта дружба смогла продолжить существование.

Они познакомились в университете, когда он только поступил, а она уже училась на третьем курсе. Это было время без Фила, время ее оттепели, если не сказать — весны. С Андреем они сошлись на остроумных шутках, на совместном просмотре фильмов, на философских диалогах, на Толстом, которого оба восхваляли и в тексах которого видели себя. Им нравилась медитативность их времяпровождения. Они могли говорить часами, тренируя свои ораторские навыки: со всей свойственной им страстью они делились взглядами на жизнь, обсуждали законы взаимоотношений, структуру мироздания, суть и ценность красоты, в частности искусства и, самое главное, любви. Вспоминая те беседы, Ада не раз удивлялась тому, как воодушевлена и вдохновлена была она в то время. Ей казалось тогда, что за плечами уже огромный опыт, что она уже взрослая, сформировавшаяся личность, способная мужественно глядеть в лицо миру, получившая право изучать формы, вглядываться в контуры «добра и зла» — ценой утраты части души… Но душа ушла позже, незаметно, как тает на заре белая звезда. А может, она вновь заблуждается?

С Андреем они виделись редко. Он закончил университет и теперь жил в Петербурге — Ада же металась между Ярославлем и Москвой. Когда-то ежедневные, их встречи стали праздником, который случался раз в год. Оба чувствовали, что отдаляются, несмотря на периодически разжигающуюся переписку. У них были разные жизни, и с каждой новой встречей им приходилось тратить все больше времени на то, чтобы добраться до той высоты духовной близости, до которой когда-то можно было добраться всего за несколько минут.

Но они оставались близкими людьми. Андрей постоянно говорил, что Ада вдохновляет его, что в ней он чувствует саму жизнь, что он даже преклонялся перед ее витальностью, активностью и сумасбродством, когда только познакомился. Она до сих пор ощущала это восхищение. Аде было приятно говорить с ним, рассказывать что-то личное, сокровенное и ловить в ответ внимательный, сочувственный взгляд. Андрей всегда поддерживал ее, казалось, с нежным трепетом относясь к каждому, даже мимолетному, ее чувству. Мысли Ады отзывались в словах Андрея. И это покоряло ее. Он будто стал доказательством ее мировоззрения, того, что оно имеет право на существование. Он был такой же. Они чувствовали одинаково, мыслили одинаково, даже страдали одинаково. Между ними была какая-то странная, сверхъестественная связь, в которой они шли, казалось, по одному пути, но в разных вселенных. То, с чем сталкивался первый, в конце концов находило и второго, внешне в совершенно иной форме. Поэтому они понимали друг друга. Раньше это казалось чем-то простым, закономерным для дружбы, но сейчас, окруженная одиночеством, словно стеной, Ада осознавала, как ценны были их отношения на самом деле. Они оба с нетерпением ждали каждой встречи.

Этот разговор состоялся в кальянной. Помыв руки и сделав заказ, они сидели друг напротив друга и не знали, что сказать, от неловкости.

Ада знала, что ее собеседник полностью поглощен нынешними отношениями с Ваней, или Венерой, как Андрей его называл. Она была привилегированным свидетелем того, как развивалось взаимодействие между молодыми людьми. Когда весной на какой-то домашней вечеринке Андрей встретил Венеру и написал об этом событии Аде, она сразу все поняла. В его словах она обнаружила те самые чувства, которые неоднократно испытывала сама. Было очевидно, Андрей влюбился мгновенно, так как был такой же мягкий и чувствующий, как она.

Ада тем не менее не сразу поняла, что привлекло его в Венере. Таких людей, как Ваня, она называла баловнями судьбы — они вызывали у нее безотчетный страх и непонимание. Рассмотрев его профиль в Instagram и полистав истории, она по-настоящему удивилась банальности выбора Андрея. Ее Венера привлечь бы не смог. Парень безусловно заслуживал свое прозвище: он был очень красив, даже неприлично красив, смазлив, как многие бы сказали. Аду сразу же

смутил очевидный факт того, что этот мальчик, а именно мальчиком, не молодым человеком, он ей представлялся, очень любит себя. Он знал, что обладает степенью красоты — и умело пользовался ей. В его постах Ада не нашла ни капли глубины мысли или чувства, которая так нравилась ей в Андрее — только современный циничный юмор, убегающий от искренности самовыражения.

Но позже выяснилось, что Венера был не только красив — он был талантлив. Студент Академии Художеств, он создавал, как писал Андрей, оригинальную графику, и в ней Ада действительно уловила прекрасное чувство цвета, формы и, главное, стиль. В работах Венеры она внезапно почувствовала яростную любовь к жизни. Именно это, как ей показалось, могло стать истинной причиной влюбленности Андрея. Ада лишь задавалась вопросом: действительно ли этот мальчик так хорош как личность или же это всего лишь идеализация в любви?

Тем не менее очень скоро ее друг начал страдать. Венера изводил его. Из пересланной переписки Ада сделала вывод: это была история невзаимных чувств или история о том, как партнеры не умеют вести себя в отношениях. Один вариант представлялся ей хуже другого: молодые люди были обречены. Как любой уважающий себя художник, Венера, видимо, обладал серьезными проблемами с головой, и глубина, которую так восхвалял Андрей, обращалась настоящей пропастью. Это напомнило Аде о Нико и том состоянии, в котором тот ее оставил когда-то. Охваченная воспоминаниями, она решила, что должна терпеливо поддерживать друга, чтобы помочь ему пережить грядущее.

Иногда, успокаивая Андрея в тяжелые минуты, Ада все же ловила себя на мысли о том, что во многом не понимает его. Она могла найти в памяти те мгновения, когда переживала это все сама, но в то же время удивлялась своим воспоминаниям, будто они принадлежали кому-то другому. Ада ощущала, что все, что испытывает Андрей, для нее совсем отжившее. Но почему не отжившее для него? Иногда ей даже хотелось прервать вечный разговор о Ване из-за скуки или посмеяться над этим мальчишкой. Ада искренне желала, чтобы Андрей просто закончил отношения, бросил Венеру и продолжил жить дальше, но высказать своего желания она не могла. Нужно было помогать, поддерживать — пока все не завершится.

Поэтому сейчас Ада смиренно ждала рассказа своего друга, хотя и была уже в курсе того, что Венера в очередной раз ушел. При этом Андрей и сам, как она заметила, не хотел заводить истерзанную ими тему. Он пытался казаться расслабленным и даже развязным.

— Очень приятный кальян, — улыбался он, пытаясь начать ткать разговор. — Всегда восхищался твоими познаниями в кальяне. Без тебя бы вряд ли что-то смог заказать.

Ада широко улыбнулась и поблагодарила его.

В зале было людно. За соседним столиком сидела очень шумная компания. Чужие голоса и звуки смеха отвлекали. Ада пыталась сосредоточиться на Андрее, но никак не могла настроиться на диалог и испытывала смущение. Она внезапно осознала, что образ друга совсем сросся с той перепиской, которую они вели. Реальный же человек вызывал странное чувство незнакомости, как у того ученого, который всю жизнь изучал розовый цвет без возможности увидеть его и который наконец с ним столкнулся.

Андрей спросил о том, как ее дела. Она начала говорить про работу, про подруг, опыт встречи с индивидуальным стилистом. Ада щебетала, вдаваясь в детали, и ощущала, что похожа в этот момент на бабушку, что вызвало внутри волну негодования и омерзения. Тем не менее она продолжала рассказ, сама ощущая, что не об этом ей прежде хотелось говорить здесь.

Андрей внимательно слушал и курил принесенный кальян. Он вновь выражал поддержку: во мнении насчет стилиста, в негодовании по поводу работы, в непонимании подруг.

— Ты очень много сравниваешь себя с другими, Ада, — говорил Андрей, уловив между строк болезненно важную для нее тему. — Во мне это очень сильно отзывается, потому что я тоже этим страдаю. Честно признаться, я не знаю, как быть с этим… Но я хотел бы спросить тебя. Внутренне, душевно эти люди, которые так успешны, по-твоему, в жизни, похожи на тебя?

Ада задумалась и сделала затяжку.

— Нет…, — произнесла она растерянно, выдыхая клубы пара.

— Вот в этом и дело, — пожал плечами Андрей. — Я иногда думаю о том, что у нас с тобой какой-то другой путь. Мы просто не можем так, как они. Нам не подходят их методы.

— Да, но разве это отменяет тот факт, что дело в нас? — возразила Ада. — Можно очень легко все скидывать на природу или судьбу. Но вдруг мы сами виноваты, что ничего не можем достигнуть?

— Иногда я думаю так же, — проговорил друг. — В такие моменты мне становится очень плохо, руки опускаются даже. Но я прихожу в конце концов к выводу: и что теперь? Даже если я виноват, неужели я не имею права жить дальше, так, как мне хочется? В нашей тяге к сопоставлению себя с другими есть что-то нелогичное, неправильное в своей основе.

Ада слушала и размышляла.

— Но мы же несем ответственность, — продолжала она. — Мне всегда казалось, что чужие жизни для нас — это образцы, по которым мы выстраиваем свою собственную жизнь. Если не сравнивать, можно застрять в своей луже. Я очень сильно боюсь этого.

— Мы с тобой слишком много думаем, — улыбнулся Андрей и сделал затяжку.

— Это все потому, что нас слишком усердно учили быть правильными, — добавила Ада.

И она решилась рассказать о разрыве с бабушкой. На протяжении всего рассказа она внимательно наблюдала за Андреем. Он смотрел ей прямо в глаза, и его лицо отчетливо вырисовывалось в полумраке, впитывая свет от торшера, стоявшего рядом с их столиком. Оно было наполнено состраданием и каким-то очень приятным пониманием, которое выражалось в едва уловимом кивании и еле сдерживаемых позывах вставить свое слово, свою точку зрения, точно совпадающую с ее собственной.

— Не представляю, как тяжело дался тебе этот разговор, — наконец произнес он, когда Ада кончила. — Она ведь имеет слишком сильное влияние на тебя.

— Да.

— Не знаю, успокоит тебя это как-то или нет, но я где-то полгода назад встретил в какой-то статье мысль о том, что решение проблемы взаимоотношений с нашими родителями начинается с принятия того факта, что дом, где ты вырос — дом родителей, не твой дом… Я не понял этой фразы сначала. Но последний раз, когда я был у родителей, у нас

случилась крупная ссора с отцом. Он высказал мне за мою холодность в их сторону, в сторону мамы… У нас всегда с ней были сложные отношения… Отец выпил, захотел поговорить, так сказать, как батька с сынкой. Начал отчитывать меня, а я же вообще его не воспринимаю в этой роли. Я распсиховался, высказал все, что думаю о них и их воспитании. Сказал про то, что они с мамой никогда мной не интересовались, что ничего о моей жизни не знали. Папа стал все это отрицать. Тогда я задал ему вопрос, в каком году я окончил бакалавриат. И он не ответил, представь себе! И начал оправдываться тем, что я, якобы, тоже не знаю, в каком году он окончил техникум… Я и высказал ему, что нельзя требовать от меня близости, которую они сами не выстроили. Разругались мы сильно, короче. В какой-то момент он так разозлил меня (даже не могу сказать чем), что я сказал ему, что, если их все так не устраивает, я к ним буду ездить раз в год.

— Это манипуляция, — улыбнулась слегка Ада, передавая ему мундштук.

— Да, я тоже для себя это подметил, — согласился Андрей, — но решил, что нужно бороться с ними их же способами. Папу слова впечатлили… И самое странное, понимаешь, они больше впечатлили меня! Я сразу же о них пожалел. Мне стало совестно… И, еще страннее, меня отпустило… На следующий день отец сам ко мне подошел и начал разговор. Нет, он не извинялся. Спросил только, что я буду на обед. Но в голосе его я услышал раскаяние. Мне было так радостно от того, что он заговорил! Так радостно от того, что он проглотил перенесенную им обиду! Я ему ответил… Ссора оказалась забыта…

— Интересно, — проговорила она.

— Меня отпустило после нее, Ада, — продолжал он, затягиваясь. — Как будто в этой ссоре дом родителей в моей голове наконец откололся от моего дома. Я будто перестал ожидать чего-то от него — он стал такой же частью окружающего мира, как, например, этот зал.

Он развел руки в стороны, пытаясь проиллюстрировать то, что имел в виду.

— Когда я стал сам, один для самого себя, исчезла злость! Не понимаю, как это сработало. Не знаю, как долго это продлится. Но оно так.

Ада всмотрелась вглубь себя, пытаясь понять, откликается в ней сказанное Андреем или нет. Где-то внутри она отыскала ту радость облегчения, которую она испытала после разговора с бабушкой. Попыталась проанализировать ее…

— Да, кажется, я понимаю, о чем ты говоришь, — произнесла она наконец, принимая мундштук.

Ада чувствовала, что есть еще что-то в обнаруженном чувстве, но какая-то преграда мешала найти это что-то. Мысли в голове роились и спотыкались именно тогда, когда ей казалось, что нужный ключик к тайне найден. Ей хотелось что-то добавить к рассказу Андрея, продолжить мысль и выстроить свое собственное представление, но ничего не выходило. Сделав затяжку и выпустив пар, она спросила:

— А что с Ваней? Нет вестей?

— Он написал мне, — помрачнел Андрей. — Извинился. Но возвращаться не намерен… Был немногословен.

Ада молчала.

— Венера уехал на практику в Крым, — продолжал ее друг. — На два месяца… А еще он, кажется, виделся с *ним*.

Ада знала, что существовал какой-то молодой человек, который был то ли бывшим Венеры, то ли какой-то его неразделенной любовью. Она знала, что этот человек был одной из важнейших фигур в разладе отношений ее друга.

— Может, это и к лучшему? — попыталась высказать свои глубинные мысли Ада.

Она чувствовала, что близость, на которой держалась их дружба, снова оказалась достигнута сегодня, и в ее свете, как будто в благодарность, хотелось как-то забраться в голову Андрея и вылечить его от страданий. Казалось, можно было попытаться намекнуть на временность и бессмысленность испытываемого ее другом состояния.

— Он сумасшедший, Андрей, — продолжала Ада мягко. — Каким бы прекрасным он ни был… Я верю тебе, что он прекраснейший, интереснейший человек. Верю!.. Но он не принесет тебе ничего, кроме разочарования. Он ветрен, инфантилен, слишком неустойчив… Ты помнишь Нико? Ты помнишь, какой он человек? Ведь интересный! А помнишь мою историю с ним?..

Она хотела показать на примере, к чему приводят чувства к таким романтическим персонажам, но Андрей ее перебил:

— Точно, — проговорил он. — Вспомнил… Я не хотел об этом говорить, но все же я дал обещание.

Ада вопросительно взглянула на него и улыбнулась. Она чувствовала, что Андрею неприятно было «приземление» Венеры, что он хотел уйти от этого разговора, что он был не готов сейчас. Он надеялся…

— Я видел Колю, — сказал Андрей, оборвав мысль Ады. — Представляешь, он объявился. Переехал в Питер. Он увидел мою историю с Финским заливом и отреагировал на нее. Удивился, что я тоже в Питере. Позвал погулять.

— Странно, — произнесла Ада, удивленная этой новостью, и отложила в сторону шланг уже почти выдохшегося кальяна.

Андрей и Нико виделись всего однажды — на дне рождения общей для всех троих подруги два года назад. Там Аде пришлось представить молодых людей друг другу по настоятельной просьбе своего бывшего молодого человека, увязавшегося за ней в тот вечер. Это было так мимолетно и неприятно Аде, что она совсем забыла о происшедшем.

— Я тоже удивился, — улыбнулся Андрей. — Но потом все стало ясно. Ему был интересен не я… Мы прогулялись у залива, поговорили немного о какой-то фигне, а потом он спросил о тебе. Сказал, что не может выйти на связь с тобой напрямую, а очень бы хотел.

Ада была удивлена. Невольно она улыбнулась услышанному.

— Он здесь, Ада, — произнес Андрей, — в Ярославле. Он собирался ехать сюда по каким-то рабочим делам. Поэтому и выманил меня. Чтобы узнать, как встретиться с тобой…

— Ух ты, — вздохнула Ада. — Это очень… странно.

— Да, это так, — продолжал Андрей. — Он много спрашивал о тебе, о твоей учебе, семье, Филе.

При упоминании имени Филиппа Ада невольно съежилась.

— Я ничего ему не рассказывал глубинно. Все поверхностно. Сказал, что он может все спросить у тебя… В общем, Коля просил передать тебе, что был бы рад увидеться, что, если у тебя появится желание, ты можешь маякнуть ему.

— Глупость какая, — уже приунывшая, выпалила Ада. — Мы не общались столько лет… У нас совершенно разные жизни…

Ада была удивлена.

— Я знаю, — улыбнулся Андрей. — Но… мне кажется, что это может… растормошить тебя.

Ада взглянула на него вопросительно.

— Он связан с важным периодом твоей жизни, — начал объяснять тот. — Он абсолютно не похож на Фила. Он *готический*, как ты его называла. Может… Я ни в коем случае не имею в виду что-то любовное, нет! Я лишь считаю, что он может навести тебя на новые для тебя мысли…

— Может быть, — вздохнула Ада устало и повторила тише: — Может быть.

Завибрировал телефон.

Ада посмотрела уведомления.

«Где ты?» — было сообщение от Фила. Было уже девять.

Ада вздохнула и с сожалением взглянула на друга:

— Мне пора, — виновато сказала она.

***

громыхает ураганом свистящий воздух в маленьком зазоре между стеной и стеной — сдираются объявления со столбов — несется локомотив, сворачиваясь в скребущее прикосновение — сладкий новый угол, сложенный из слов и взглядов — раздвигаются стены, перетасовываются карты — складывается узор, незаметно распадающийся на отрезки несвязанного пепла — все уносится и стирается, без остатка выпивая песок каменного берега — люди выстраиваются в толпу, сползают в подземные коридоры, я вглядываюсь в лица — долго читала мама ребенку книжку — мальчик пытался проснуться от прикосновений бабушки, но так тяжела была голова, так по-мустанговски рвались друг к другу веки… нас притягивает к центру — ничего не разглядеть в перине — что-то красное, как кровь, жаром стекает по стенкам сосуда, и в этом красном сладко и движимо, рьяно и самозабвенно — видны руки и ноги, слышны мягкость и упругость кожи, осязаемы запахи — каждый особенный, неповторимый — так ярко пахло в ботаническом саду — дурно становится от вина, так жарко — бежит спортсмен по полю — сияет на солнце пот, разрыва-

ются мышцы на загорелых руках — вырывается вспелененная река — томно и тягостно на берегу, когда хочется прыгнуть — беспомощно и безропотно тело, отданное наслаждению — и в каждой паре глаз пространство — зеркала, соперничающие с зеркалами — в ручье в овраге я прикоснулся ладонью к поверхности воды, плашмя, как водомерка — волны говорят о том, что я есть — былое нестерпимо своим тупиком — тогда я порезал палец и не понял, что дальше —

***

Полуденный ужас в просторной комнате. Здесь много воздуха и света. Цветные папки расставлены на полках игрушки пестрят в ящике и на полу на маленьком столике разложены карты с абстрактными рисунками пыль высвечивается на затертой красной и зеленой ткани диванов в углу тянется к окну запыленными широкими листьями какое-то комнатное растение — стены неровные покрытые выкрашенными в желтый цвет текстурными обоями на полу уже подстертый линолеум подоконник белый идеальный никто не сидел не ерзал на нем своими джинсами — на потолке неровный слой белой краски где-то уже есть трещины время не щадит никого оно бежит и бежит — у самого окна мягко на стене виднеется изумрудный след отраженного куста сирени…

Психолог улыбается, как всегда, очень дружелюбно и сочувственно.

— Ну что, как ты сегодня? — спрашивает наконец, традиционно добродушно вздыхая.

Андрей что-то высказывает. Запутанные клубок из мыслей — первичная обрисовка без попыток разорвать нити. Он много раз за жизнь успел разорвать таким образом наушники. Вечно путающиеся, с огромным талантом сплетения — вспоминается лайфхак с котом, пищеварительная система которого распутала этих чертей… Ну, а в общем, потерянность и смущение от искусственности происходящего.

— О чем бы ты хотел поговорить сегодня? — спрашивает она.

У нее большие голубые глаза а лицо кругло и слишком крупное — грубость подчеркивается тонкостью-худостью волосяного покрова словно накидка платочек в детстве любил так играть создавал волосы

воображал себя русалкой — она целиком довольна крупна но простодушна и далеко не так опытна и образованна не понимает половины моих слов — снова ты включаешь сноба — но с ней так все ровно даже скучно на равнине — это как Толстой который пытается охватить пространство в горизонтали и пытается дотронуться до горизонта…

Андрей начинает говорить об этой ситуации, о СВО, об усталости, своей и Залины:

— Мы больше не развешиваем листовки, не завязываем ленты… Мы устали. Нет, я ни в коем случае не скажу, что все это бессмысленно… Мы просто устали. Выгорели, наверное. Сдались, возможно. Кажется, у нас не хватает сил… Люди. Они вводят в отчаяние своими словами… Егор возвращает меня в реальность. Нет, не только он. Кажется, единственный путь не сойти с ума сейчас — вспоминать про жизнь здесь и сейчас — свою частную жизнь…

Он смотрит в пол, разглядывает помятые края журналов на этажерке.

— Кажется, я неплохо справляюсь. Дописываю магистерскую, сдаю зачеты, работаю, строю отношения. Продолжаю держаться на плаву.

— А что ты чувствуешь? — спрашивает психолог, наклоняя голову к плечу — прямая линия жженых волос меняет траекторию падения. — Ты выглядишь напряженным и печальным, несмотря на свои слова.

— Это усталость, — проговорил Андрей.

— Опиши ее.

Взгляд вспорхнул и двинулся в сторону решетки на окне.

— Мне страшно, — произнес Андрей. — Я всю жизнь избегал эстетику двадцатого века, особенно советскую эстетику. В частности, меня всегда пугала сталинская эпоха, которая из школы и дополнительного самообразования была взята как режим, не многим отличный от того, что был установлен в гитлеровской Германии. Для меня двадцатое столетие — самое кровавое, жестокое, несправедливое, бездушное время в истории России. В этой эпохе погиб человек, его ценность, он измельчал и превратился в винтик в системе, в постмо-

дернисткого человека, ничего не значащего без контекста истории, лучшим из лучших становится Веничка Ерофеев… Из культуры исчезла вечность, которая сжалась под дулом едкой иронии, которая стала нуждаться во фразах-паразитах «как бы», «просто», «это может показаться банальным, но», которая стала иноагентом, вынужденным оставлять плашку о своем статусе под каждым постом…

— Да, ты уже говорил об этом, — прервала его психолог. — Я услышала страх. Страх оказаться в мире, где восстанавливается советская эпоха? Так?

— Да. Всю жизнь я думал, что медленно, но верно мы идем к демократии, к свободе, обновлению. Казалось, что у нас есть светлое будущее. В реальности я ошибался… И не ожидал, что… Мы с друзьями шутим часто теперь: «Мы все умрем». Поражает, как наша эпоха умудряется переработать такое количество страха в смех: знаешь, в мемы, в видосики-шутейки. Чего стоит одно «Я вам покажу, откуда на Беларусь готовилось нападение»!?

— А что кроме страха? Ты много рассуждаешь. А мне бы все-таки хотелось услышать чувства.

Андрей замер. Цепочка мыслей, логично выстроенных, как всегда, уводила от сути. Кто кем управляет: ты мозгом или он тобой? Здравствуйте, Татьяна Владимировна!

— Хм… Это похоже на метеорит. Как у динозавров. Бух!.. Ну, или на падение атомной бомбы. Знаешь, вся эпоха представляется как машущий рукой веселый маленький человечек у Кубрика, на этой самой, на бомбе… И все вокруг происходящее — это панорама Хиросимы в «Босоногом Гэне»: кто-то погиб, исчез, но пока что это люди на периферии, вне твоего информационного пузыря; кто-то поражен последствиями — обречен на гибель; кому-то суждено пережить весь ужас и войти в новую эпоху — но знают ли они цену… Сейчас ты словно не осознающий истинного своего положения, не можешь точно сказать, в какую категорию попадаешь…

— Снова много логики, Андрей, — мягко заметила психолог.

А диваны оказались на колесиках — как всегда изодранные белесые грани — дешевый пластик.

— Я чувствую, что первая волна взорвавшейся бомбы прошла, — продолжил Андрей. — И все вокруг в огне. Все, что взросло, зацвело… Самое легкое, тонкое, изящное, воздушное, что было в жизни — выгорело, уничтожено, разрушено. Остались лишь руины, фундамент, земля…

— Но земля осталась… Я рада слышать, что ты в нынешних условиях понимаешь это.

— Я представляю внутри себя огромное строение. Город, крепость, может быть. Что-то такое. Оно будто выстояло в основе, в каркасе, своей каменностью и твердостью пережило катастрофу. У меня будто есть то, что оставляет меня на ногах. Все хрупкое и веселящее утеряно, конечно, но скелет на месте…

— И что ты чувствуешь в связи с этим?

Андрей — дрожь где-то между лопатками пронеслась стальным холодом бабочка.

— Пусто, — выдавил он. — Коридоры в этой крепости пусты. Город затерялся во влаге и мхе. Пронеслось пламя, уничтожив украшения. Знаешь, цветы там, флаги, фонарики, навесы, вывески, краски стен. Умолкла незатейливая веселая музыка, опустели улицы, погасли витрины… И оказалось, что в городе и нет никого…

— Не поняла, — снова наклон головы. — Поясни.

— Мне только казалось, что дом был полон, — летая взглядом в широте пространства, сформулировал мысль Андрей. — А дом был пуст. И дом опостылел. Именно поэтому он так ярко был украшен. В пестроте я и забыл, что… Не знаю.

— Давай попробуем через чувства — существительные.

— Горечь, — выдавил Андрей, — удивление, печаль, бессилие, разочарование, смирение, отчаяние, потерянность… Дом оказался лишь мертвыми стенами. А в доме никого нет…

— А кто должен быть?

— Скорее, что…, — произнес Андрей. — Наверное, я мог бы назвать это смыслом. Весь город оказался неживым, не имеющим души. Души как тепла, вдохновения, радости. Оказывается, я не люблю свой дом…

— А из чего состоит этот дом?

— Из моей жизни, из опыта, воспоминаний: об историях и о людях…

— Смотри, я слышу много негативных эмоций: горечь, разочарованность, отчаяние, потерянность и другие — по отношению к твоему прошлому. Это сожаление?

— Нет, — быстро отреагировал Андрей и умолк на мгновение. — Хотя… может быть, это сожаление. Горечь… Вся жизнь на глазах разрушается, превращается в ничто. Я должен грустить, что это происходит, радоваться, что что-то сохраняется… Мне правда печально, но печально не потому, что я что-то потерял из достигнутого. Скорее, это тоска по надежде. Я всю жизнь надеюсь, жду, потому что то, что было, что позади — хранит лишь боль и разочарование… Оказавшись лишенным надежды, я обнаружил себя находящимся лицом к лицу со своей жизнью, с тем, что в ней объективно осталось в виде окаменевшего прошлого. И мне нечем похвастаться. Все мои надежды, все мои упования на будущее принесли только боль… Я никогда не слышал слова — я никогда не получал того, чего мне действительно хотелось. Жизнь сложилась из того, что давали, но не из того, о чем я мечтал… Знаешь, щас сразу появилась мысль о том, что я сам ничего не добиваюсь, ничего не делаю для достижения мечты… А так ли? Наверное, я не делаю, потому что не мечтаю. Ведь для мечты нужна почва. Что первичнее? Мечта или способность мечтать? Наверное, по Канту, человек готовит свой разум к идее о мечте и чуде — затем их видит. А если не видит? Если один раз чудо оказывается иллюзией, а мечта — лишь мечтой, а затем еще раз и еще? Уничтожается вера в чудо и мечту. Есть только реальность, то, что дают…

Не подавись!.. Андрей запутался и умолк.

— Ты очень много сейчас высказал, — проговорила задумчиво психолог. — Вижу, что это болит, в этом много чувств — много боли. Неспособность мечтать, как будто вина за это, обида за прошлое, непроходящая боль… А как далеко в прошлое уходят эти чувства?

— В детство, — произнес, не задумываясь, Андрей.

— А примерно возраст, с которым связаны эти чувства?

— Все детство.

— И какие образы появляются при мысли о прошлом, не оправдавшем надежды?

— Родители, — проговорил он, — игрушки… Отсутствие близкого человека, по-настоящему понимающего друга, наставника. Знаешь, я ведь в детстве очень хотел, чтобы у меня был свой собственный Дамблдор… Нет, вот как-то складывается. Даже картинка вырисовалась, как запрос в Google. Сначала это отсутствие понимания с семьей. Мать, мама… фух. Щас.

Андрей остановился. Голова начинала гудеть.

— Это нормально, — улыбнулась мягко психолог. — Как говорится, take your time.

— Я так многого хотел и так мало получил… Так было всегда. Начиная с понимания в семье. Мы все мало говорили. Жили под одной крышей и оставались чужими. Никого не беспокоил внутренний мир другого. Главное было кровное родство, общий бюджет, совместное потребление пищи, распределение обязанностей по хозяйству, огород. Каждый был *должен*. Долг как судьба, предназначение. Семья — самое главное. Друзья, любовники — это все не имеет смысла. Но семья — вот главное. А почему? Для родителей это было аксиомой. Никто не искал причин и доказательств. Но я уже совсем маленький уяснил, что дом, семья — это там, где тебя понимают. Близость для меня с самого детства представляла собой в первую очередь духовную и эмоциональную связь. А кровь — это лишь форма. Наверное, поэтому в какой-то момент я отринул всех этих многочисленных далеких родственников, которых не знал и которых не помнил… Понимал ли кто-то меня в семье? С отцом я никогда не находил контакта: видел в нем что-то чуждое, совершенно не сопоставимое с моим воззрением на мир. Для меня он всегда был кем-то ограниченным, однобоким, слишком приземленным, бесчувственным… Брат. В нем я с самого детства ощущал чувство ненависти и некоторой зависти, так как он был старше: ему приходилось таскаться со мной, вместо того чтобы проводить время с друзьями… Мама — наверное, в ней я искал близкого человека… Хотел найти. Кажется, внутри меня звучит согласие с этим фактом. Не вру, значит… Но это и есть первое разочарование. Она не умела слушать — только нервничать и кричать.

Меня влекло в ней умение глубоко чувствовать (наверное, у нее я это и унаследовал), умение любить. Однако в ее случае эмоциональное стало терроризирующим началом, от которого страдали все окружающие… Мы говорили об этом. Тут я могу только повторяться.

— Да, я помню. Ты хотел найти у нее поддержку, а встречал агрессию, непонимание и обиду… Ты это имеешь в виду?

— Да… Так я привык существовать в своем собственном мире в ожидании другой жизни — вне семьи. К тому времени я уже считал, что могу найти близость, понимание, любовь в ком-то, кто не связан с моими родственниками… Фух, кажется, что это было совершенно в другой жизни. Звучит так странно, вымученно, как уже не мои мысли…

— А чьи? — наклон головы.

— Меня, но какого-то мертвого меня — давно забытые мысли… Да, семья. Она совсем не выглядела мечтой, тем, что питает. Затем серость школьных лет. Как я сказал, у меня не было любимого учителя, того, который мог бы повлиять, направить… Друзья. Мы никогда не пересекали границу близости, ту, за которой начинается настоящая откровенность. Это случилось — эта граница — но гораздо позже. И закончилось. В конце концов, любовь, на которую я возлагал большие надежды… Мне трудно нормально это сформулировать, потому что сознание пытается свести все это на нет.

— Что оно говорит? Как звучит это внутри?

— Что все это обыкновенная история. У всех так… Это просто ты не справился. Да, в таком случае растерялся, растратился. У меня были силы сохранять надежду до какого-то момента, а затем… Наверное, мне бы хотелось, чтобы жизнь доказала, что я ошибаюсь, что чудо случается…

Психолог вздохнула.

— Если тебя тревожит, как твоя история звучит со стороны, то могу сказать, что мне очень хочется поддержать тебя в этом сейчас, — проговорила она. — В твоих словах звучит много выстраданного чувства. Действительно, разочарованность. Ты не должен сводить на нет эти чувства. И речь здесь не идет о том, виноват ли ты в прошлом или нет. Твои чувства уже говорят, что это важно, что это имеет место быть.

— Испытываю внутри сопротивление в отношении такого хода мыслей. Я ощущаю, что мои переживания — это что-то надуманное, результат моих завышенных ожиданий от жизни.

— Я вижу.

— Оглядываясь назад, я признаю, — продолжал Андрей, — что все было нормально, стабильно и ровно. Кирпичик за кирпичиком, без трагедий, великих событийных потрясений, моя жизнь складывалась в ту картинку, которая имеется сейчас… Ведь это правда: не было ни сиротства, ни домашнего насилия, ни отца-алкоголика или наркомана, ни буллинга в школе, ни чрезмерной бедности, ни попыток суицида как результата проблем с головой, ни зависимостей, ни девиантного поведения… У меня были очень серые детство и юность… Все обычно, как у всех, очень ровно. А наверное, в этом и дело. Вместе с отсутствием трагедии я нахожу и отсутствие радости, смысла.

— Смысл и радость — для тебя они связаны?

— Да. Для меня радость — это наполненность смыслом. Это не веселье — открытость миру, любовь к нему. В моем понимании радость — это наличие ориентира, веры…

— Понимаю, — что-то пометила в блокноте. — Ты сказал, что у тебя были серые детство и юность и что «в этом и дело». Что ты имел в виду?

— Мне хотелось яркости, необычности, чего-то запоминающегося, — сказал Андрей, мгновенно трансформируя мысли в слова, — чего-то наполненного смыслом, широкого, чего-то, что питает. Я осознаю, что мне нечего взять в день сегодняшний. Все отцвело и умерло. И как будто все разочаровало…

— Слышу, — вздохнула психолог.

— Мои любимым мультфильмом в детстве была «Русалочка», — улыбнулся Андрей. — Диснеевская которая. Кажется, я ее многократно пересматривал. Она была записана на кассете, еще в том ужасном одноголосом безэмоциональном переводе. Кажется, я видел в героине себя. Во всяком случае, она стала для меня примером: решительная, искренняя, рвущаяся к свей мечте, глубоко чувствующая. Я так же, как она, всю жизнь обменивал самое драгоценное в себе на призрачные надежды. Мне казалось, что ты должен жить без

остатка, как в песне, гореть. Так я и делал. Кажется. Я вкладывал себя в то, что, надеялся, даст мне опору и смысл. Но ничего не давало. Так я… Ой, надоело. Мне тошно от себя сейчас… Да я и запутался.

Воздух как будто сгустился, настоялся. Было душно и одновременно прохладно. Пахло сыростью.

— Почему тошно? — спрашивает психолог.

— Потому что все по одному и тому же месту, — сдосадовал Андрей. — Пора бы мне уже смириться. Я устал об этом думать. Все — дело прошлого. В жизни ничего от него не осталось. Проблема в том, наверное, что у меня не вышло ничего построить. А силы закончились…

Он пожимает плечами.

— А Ваня? — дружелюбные голубые глаза.

— Что Ваня?

— Он какую роль играет в этой истории?

— Да никакую, — снова досада. — Это была моя последняя попытка. На него последнее и ушло… Это все просто взросление.

— Что именно?

— Остывание чувств, — выговаривает Андрей. — Принятие того, что твоя жизнь и ты сам обычны, что мир не крутится вокруг тебя, что ты не главный герой книги, что не будет письма из Хогвартса и так далее… Чудо не случается… Только остается страх, вопрос: «А что дальше тогда, если это конец?»

***

Это был какой-то особенно странный день.

В понедельник, встав утром на работу, Ада почувствовала себя плохо: поднялась температура. Это был повод не идти в офис и взять больничный. Организм, знакомый с этой причинно-следственной связью, не впервые пользовался ей. Стабильно, раз в три месяца, у нее случались такие странные, ничем не объяснимые недомогания, ясно говорившие о том, что так, как она живет, больше жить нельзя. Но Ада не прислушивалась к своему состоянию и продолжала жить так, как привыкла. Она брала паузу, проводила дни в кровати под аккомпанемент какого-то легкого фильма, а затем возвращалась в строй, в какой-то мере придя в себя.

В этот раз Ада вновь пролежала шесть-семь часов в постели, отказавшись от всех домашних обязанностей и воспоминаний о работе. Она укуталась в одеяло, наблюдая за тем, как медленно меняется освещение в спальне. Иногда засыпала и, проснувшись, находила случившуюся за время сна перемену примечательной. Однако ранний пасмурный закат принес в комнату неуютный синий сумрак, подсвеченный уличными фонарями. Аде пришлось зажечь свет и встать выпить горячего чая с медом. Температура к этому времени стала повышаться — ее необходимо было остановить. В голове все спуталось, и, как это обычно бывает в больном состоянии, мысли формировались вокруг различных неприятных образов, никуда негодных, ненужных и даже абсурдных по тому вниманию, которое им уделялось. Ада зациклилась на неприятном повороте ручки на кухне, на какой-то русской попсовой песне, отвратительной привычке Фила вращать кольцо на пальце при разговоре и каких-то еще совершенно никчемных мелочах. И они крутились-крутились в голове по кругу, засасывали ее, словно трясина. Возвращение Фила с работы она уже помнила смутно, потому что к тому времени совершенно выбилась из сил. Выпив жаропонижающее, Ада вернулась в постель и больше в этот день не поднималась.

На следующий день пришел врач и, в очередной раз не найдя причины состояния Ады, взял мазок на коронавирус и направил ее на анализы. Началась уже привычная для нее история, конец которой был известен.

В результате спустя два дня она нашла себя выздоровевшей и с пачкой ничего не говоривших результатов анализов. Ее оставили на больничном до пятницы. Получалось, что о работе можно было не думать до следующей недели. Ада испытывала сладостное чувство облегчения, словно ребенок, у которого отменили уроки в школе.

В пятницу, когда Фил ушел на работу, Ада, уже совершенно здоровая, решила заняться домашними делами. Она с самого утра испытывала непонятный ей прилив сил и одновременно с ним полную путаницу в мыслях. Сознание, казалось, упорно отрицало существование работы, Фила, проблем с семьей, накопившуюся усталость — и активно все это избегало. Ада была беззаботна и как никогда легка. Она давно не ощущала такой окрыленности и свободы от житейских забот. Это было очень светлое, воздушное настроение, пробившееся наружу откуда-то глубоко изнутри.

Протирая пыль, Ада наткнулась на альбомы с фотографиями и свой старый дневник. Раскрыв их, она поняла, что очень давно не пересматривала и не перечитывала все это. Ей стало интересно. Бросив уборку и приготовив себе какао, она забралась на кровать и погрузилась в изучение найденных реликвий.

Разглядывая фотографии, вчитываясь в строчки иногда непонятного почерка, Ада чувствовала, что какие-то обрывки забытого постепенно всплывают из глубины ее сознания, возвращаются к ней, маня куда-то. Улыбки на лицах, взгляды, костюмы, декорации — на фотографиях все было как будто живее, чем было на самом деле, так же было и с мыслями, увековеченными когда-то на уже желтеющих страницах. В сознании запечатленные мгновения из прошлого уже угасли — здесь же, на бумаге, они все еще сияли ярким огнем.

Воспоминания окутали Аду, погрузили в ностальгию. Ей было странно столкнуться со своей жизнью, ведь та теперь казалось какой-то не своей, чужой, не прожитой. Ада словно смотрела фильм о ком-то похожем на нее, но не про себя.

Она вспомнила свою юность, тот момент, когда поняла, что началась ее жизнь — когда появилось четкое осознание, что есть что-то, что осталось до, и что-то новое, совершенно неясное еще, но уже чарующее и завораживающее. Ада помнила это начало, когда весь мир будто предстал в новом свете, как будто в первый раз. С того момента, как она считала, пробудилась ее душа.

В то время Ада уже давно жила с родителями. Они уже много ссорились, несмотря на появление в семье Ксюши. Последний разрыв приближался. Когда он произошел, мама впала в депрессию и совершенно потеряла из виду свою старшую дочь. Ада видела, что та страдает. Ей уже тогда было понятно, что мама видела в отце любовь всей своей жизни, любовь, которую не получилось удержать. Мама утопала в вине и ненависти к себе и всю свою ласку вымещала на Ксюше. Ада была предоставлена самой себе.

Ей было жаль маму, но, чувствуя, что не имеет власти что-то изменить, она начала строить свой собственный, отдельный от семьи, внутренний мир.

Ада, слегка уменьшив свою насыщенную социальную жизнь, начала вести дневник, который сейчас перелистывала, стала активно читать

классическую литературу, увлеклась Толстым, взяла привычку гулять в одиночестве у Волги. Она проводила очень много времени в уединении, следя за ходом своих мыслей и выстраивая из них огромные витиеватые строения, по форме напоминавшие Вавилонские башни. Идеи, которые приходили голову, Аде представлялись открытиями. Даже некоторые из них, знакомые с детства, поворачивались к ней с иной стороны и при этом будто освещались ярким светом, не дававшим отвести от них взгляд.

Ада не спала ночами, мечтая и слушая музыку. Весь мир стал представляться ей огромной чудесной возможностью, системой, состоящей из множества пока нереализованных свершений. Нужно было не спать, не упускать шанса, быть начеку.

Слушая Enigma, сидя у раскрытого окна в ожидании рассвета, она отдавалась потокам музыки и утопала в мощности своих чувств. Ада упивалась эмоциями и разжигалась жаждой жизни. Она искренне верила, что нет ничего более удивительного человеческого сознания, представлявшегося ей бездонным облачным миром, в котором среди океана раздробленного на миллиарды оттенков солнечного света и бушующих разрушительных ураганов таятся неведомые молчаливые силы, которые управляют Вселенной и поют о вечности…

Потом был выпускной класс, поступление в университет. Все сильно изменилось.

Оказавшись в общежитии, в Москве, вдали от семьи, друзей, Ада потерялась. Она не ожидала, что переезд так сильно ударит по ней. Только-только оказавшись в своей комнате, Ада уже хотела ехать обратно домой. Она не представляла, как сможет существовать в новых условиях. Ада чувствовала себя цветком, который вырвали из привычной ему почвы и который перенесли в совершенно новые условия. Но постепенно распавшийся на глазах мир сложился, словно мозаика, в новую картинку.

Ее соседки по комнате, яркие, веселые девочки, вместе с которыми Ада кокетничала с парнями, устраивала вечеринки, ходила в бары и клубы, каталась автостопом до Калуги и обратно. Огромное количество мимолетных знакомств с людьми, имена которых даже не сохранились в памяти. И Нико, вызвавший ее первое чувство влюбленности. Выпив-

ка, громкая музыка, всевозможные переодевания, экспериментальный макияж, пьяные поцелуи, танцы на барной стойке, спонтанные вечеринки у незнакомцев из клуба, курение на парапете общежития, головная боль по утрам перед парами, ощущение в руках мягких волос подруги, склонившейся над унитазом, танцы под русскую попсу на середине трассы в два часа ночи, выманивание выпивки у мужчин, норовящих затянуть тебя в постель, игры в бир-понг, в правду или действие. И тут же душевные квартирники, разговоры о любви, свободе и смысле жизни, споры о наркотиках и алкоголе, блуждание по Москве, встреча рассвета на набережной, спонтанная попытка расписаться, голова Нико, нашедшая пристанище на ее коленях, слезы ревности и интимные признания, о которых невозможно вспомнить без стыда, первый поцелуй, первый секс, взаимные портреты, попытки разговаривать без слов и молчаливые объятия… Она жила вся, вся без остатка. Ей было мало. Энергия била ключом и использовала все возможные способы превратиться в жизнь. Аде хотелось плести узор своей судьбы, она чувствовала, что она может рисовать ее, словно произведение искусства. Ей хотелось полноты, глубины, яркости, искренности и даже какой-то надорванности…

Ада была переполнена радостными эмоциями. Воспоминания оживали в ее сознании, облекались плотью. Бумага говорила, что Ада жила, что она существовала, была. Но невольно возникал вопрос: где все это теперь? Где веселость, радость, уверенность в идеалах, восторженность, вдохновленность, энергия? Где жажда жизни? Вспоминая о своем настоящем, она не могла понять, куда исчезло все это, в чем заключалась причина нынешнего однообразного и никчемного существования. Ада усиленно копалась в себе, надеясь отыскать ту, настоящую себя…

А какая она была? Ада видела перед собой поток. Ей всегда казалось, что ее сущность — вода, река, которая разливается, то бурля и пенясь, то успокаиваясь и умолкая, которая видоизменяется, заполняя все пространство вокруг, которая мчится, без цели и пункта назначения. Сколько она себя помнила, Ада всегда была в движении. Ей казалось, что жизнь и заключается в том, чтобы быть неспокойным, ищущим и сомневающимся, гибким, мягким, податливым. Ада всегда отдавалась целиком, всегда была погружена в момент сейчас, потому что твердо верила, что больше никакого момента у человека и нет. Она была ис-

кренна. Все испытываемые ей чувства и переживаемые в данный момент мысли полностью определяли ее жизнь. Спустя мгновение и мысли, и чувства, она знала это, могли полностью перемениться, а вместе с ними вставала на новые рельсы и сама жизнь.

Казалось, что все так и осталось. Она была тем же потоком. Но то ли рельеф местности изменился, то ли воды стало меньше, то ли цивилизация оставила след, но шум воды будто затих и течение замерло. Неужели было так много боли? Может, она просто выдохлась, выжилась, вся вытекла? А может, она просто слишком много о себе думала? Ада чувствовала, что вся та жизнь была подсвечена идеалами, красивыми картинками в голове, где сама она была красивой картинкой. Может, все это кончилось, когда пришло осознание того, что она не красивая картинка? Она отказалась от своих мечтаний, найдя их плодами несознательности и инфантильности. Но после них ничего не осталось. Голая, раздетая жизнь выглядела отпугивающе серо. Центром же этой серости становилась сама Ада.

Ей было неприятен ее собственный образ. Она чувствовала себя старой, грязной, испачканной, расплывшейся в жире. Ада ощущала что-то очень животное в себе, материальное. Как будто тело, то природно заложенное в ней естество побеждало. Казалось, оно всегда побеждало… А оно было плохо, слабо, никчемно… Ей было мерзко от себя! И в голове, словно откликаясь на это озарение, возникли моменты, когда она, принимая ванну, отворачивала зеркало, не желая видеть своего отражения, или когда впадала в отчаяние, открыв случайно фронтальную камеру на телефоне…

А тогда она была один дух, желающий одного — полета. И где он сейчас? Не было ответа.

Оставив в неприятно странном чувстве альбом и дневник, Ада встала с кровати, подошла к зеркалу и вгляделась в отражение. Казалось, она была та же. Улыбка, светло-зеленые глаза, вьющиеся каштановые волосы, обрамляющие лицо, ямочки на щечках, будто замершие в удивлении губы… Но что-то в этом лице вызывало у нее отвращение. Она видела, как оно вещественно, своенравно и независимо от нее настоящей, внутренней. Оно было уродливо в самой своей сути, только потому, что оно напоминало ей о том, что она существует не только в своем сознании,

но и в объективном мире, в жизнях сотни, возможно, тысячи других людей, для которых выступает в качестве такого же предмета, как столб или дерево. Лицо проводило границу, обрывало бесконечность, которую Ада чувствовала в себе, оно опускало ее вниз, проповедуя мизерность ее как личности.

Ада отвернулась от отражения, прислонилась спиной к зеркалу и закрыла лицо руками. Слезы подступили неожиданно и сразу же вызвали дрожь. Не успев осознать этого, Ада целиком погрузилась в рыдания. Спустившись на пол, она легла на бок и прижала колени к груди…

Ада очень давно не плакала, и сейчас ей стало одновременно так обидно за все, из чего состояла нынешняя жизнь, так одиноко, так бессмысленно, так несправедливо… так мерзко на себя саму, что уже невозможно было держать стену, за которой получалось так долго прятаться. Больнее всего было оттого, что никто ей не мог помочь, что успокаивающая в детстве надежда на явление после страданий бога из машины, решающего все проблемы, была недоступна сейчас. Ада чувствовала, что сама виновата во всем. Она разочаровалась в себе. Кто мог спасти ее, если она сама не справилась? Нужно было примириться с этим фактом. А это значило признать свою несостоятельность…

Истратив запас накопленных слез и чувствуя, что больше не может плакать, Ада поднялась с пола.

Положив альбом и дневник на место, умывшись и приведя себя в порядок, она продолжила уборку. Думать о том, что было выкопано ей из глубин сознания, она больше не имела сил, прийти к какому-то решению — не ощущала возможным. Чувствуя себя потерянной и растратившей весь запас радостного настроения, с которым утром проснулась, Ада все же испытывала какое-то странное облегчение. Слезы, несмотря на свою бессмысленность в решении проблем, отодвинули их и напомнили о том, что она жива. Что они, если не доказательство того, что вода все еще течет?

***

разве можно уловить этот ветер? я едва успеваю ловить слова — музыка звучит, не переставая, но я знаю, что предел ее положен, что она угаснет, и я пытаюсь оставить ноты на воде, складывая буквы с числами — чей голос говорит, как различить туманные очерта-

ния — я не знаю, но вихрь закручивается, и очень хочется отдаться — мелькает зеленый лист за матовой голубой тканью, или цветочный платок нападает на чью-то светлую голову, или хлопает пусто зонт — капает дождь, леденеет нос, а руки наливаются красным — я весь дрожал тогда перед домом, но каким? дрожь была каждый раз — волнительная и сладкая — но когда я сидел напротив, то говорил, мне нравилась магия слов — а слушание опускает в кленовый лес, где белки смотрят бездонными глазами — я всегда говорю правду, иссякая огонь из сухого дерева — трещат дрова в деревенской печке, кипит старый чайник на подтопе — за окном наклоняется роза, стуча тоскливо в окно — невыносимо не знать, что сказать ей, как успокоить — непрерывно тянется череда облаков — тихий, слишком тихий вечер — черно-синий вечер — сегодня готовится предательство против деревьев у меня под окном — они спят, забыв о своей листве — но ветер уже наточил ножи, желая зеленой крови — и что-то будет — минута, две… мне страшно закрытого окна — тихо, мне очень тихо — кажется, в красном струится течение вниз —

***

Солнце старательно жгло землю, компенсируя долгое ненаступление весны, пытаясь работать за двоих, за час успевая два. Дел накопилось много, последние горстки грязного, изрешеченного снега, похожего на вытащенную со дна залива губку, все еще кое-где лежали, напоминая о совершенно недавнем существовании здесь дыхания зимы. Тем не менее усиленно надвигалось лето, где-то впереди, в горизонте тридцати дней. Его уже можно было представить. Во всяком случае, в него уже можно было поверить. Хотя только ведь неделю назад казалось, что холода не отступят, что тебя вечно будет преследовать чувство зябкости, неуютности, ненаместности в этом чуждом уличном воздухе умирающей планеты. Но жизнь остается жизнью. Ежегодно, как и сотни лет назад, в разной степени внезапности наступает весна. Ежегодно человек оказывается обезоружен ей, привыкший уже к нескончаемому недружелюбию окружающей среды, достигнут врасплох, со сдернутой с головы ветром шляпой. И несмотря на то что это была ложная весна, ее природная, физико-биологическая сторона все равно отзывалась внутри, разливая неуло-

вимо приятное мутное чувство по всему телу. Но солнце, этот первый солдат весеннего войска, впечатляло больше всего, окрашивая небо в его нерушимый твердо-голубой цвет, заставляющий уставшую, изможденную землю пасть ниц перед тем, что выше ее.

Сюда доносились звуки ЗСД, скрывающегося за серыми фасадами окруженных кранами новостроек, которые, словно грибы после дождя, росли и заполоняли этот пустынный кусок новоиспеченной, состоящей из камней, песка и строительного мусора, мертвой земли. Еще год назад здесь можно было рассматривать футуристические изгибы моста над заливом и глядеть, как будто куда-то назад, на Канонерский остров и южную часть города, уже испещренную новомодными «дешевыми» ЖК. Здесь простирались пустоши, окаймленные горами песка и каменным берегом, валуны которого со злостью облизывала укрощенная пушкинская стихия. Все пространство напоминало инопланетную пустыню, а одинокое озерцо посередине с застоявшейся грязной водой — кратер с расплавленными металлами. Медленно, но верно этот мертвый уголок уменьшался, уступая место все новым и новым домам. Горизонт скрывался за стенами, горы мельчали, озеро зарастало, одинокие то ли сосенки, то ли елочки становились выше. Но до сих пор периодически здесь мелькали фотографы, видеографы, модели в длинных ярких платьях, различная аппаратура: зеркала, ткани, лестницы, стулья, столы — кто-то все еще пытался унести отсюда кусочек этой странной, неуловимой атмосферы пустоты.

Обычно пустоши, как их называл Андрей, были безлюдны. Три-четыре — это максимальное количество людей, которых ты мог встретить по пути к заливу. Лишь в летние дни, к вечеру, на закате, сюда съезжались шумные компании, устраивали пикники, ставили мангалы и жарили шашлыки, запивая мясо пивом под шумную попсовую музыку.

Сейчас было слишком рано для подобных столпотворений. Почти каждый день пустоши шлифовались ветрами, несшимися попеременно из города и с залива — было холодно, зябко. Ледяной воздух пробирался под пуховик и неприятно щекотал тело, чтобы затем впиться в кожу и уже не вылезти из-под нее, пока пришелец не покинет про-

клятое место. Даже в те дни, когда в городе не ощущалось ветра, никто не мог гарантировать, что здесь будет безветренно. И наоборот, бывало, что Петербург утопал в холодных потоках воздуха, а пустоши на протяжении суток находились в безмолвном спокойствии тишины и приятного тепла. Но знать о таких днях было прерогативой местных жителей, в течение всего года испытывающих на себе превратности приморской погоды.

Это был такой день. Андрей вышел на балкон и сразу почувствовал, что на улице наступила та самая погода, которая позволяет выйти к воде без риска остаться без носа. Солнце било в окно и, отражаясь от стен, заполняло собой всю квартиру. Выйдя с балкона, Андрей заметил, что пол грязен: еженедельная уборка напоминала о своем часе. Избегая бытовой необходимости, он решил выйти на улицу и дойти до берега.

Оказавшись за границами ЖК, Андрей ступил на привычную песчаную дорогу — огромное поле, окружающее мелководное, значительно прибавившее в размерах от талого снега озеро. Как обычно, людей было мало. Одиноко, думая о чем-то своем и явно наслаждаясь солнцем, они брели в отдалении друг от друга, избегая сближения.

«Каждый в самом себе», — размышлял Андрей.

Ему было как-то спокойно-устало. Солнечное тепло, усиливающееся от черноты одежды, утишало внутреннее волнение, мертвая природа вокруг — отпускала мысли о работе, учебе и новостной ленте в Телеграме.

… Они сами в себе. Он сам в себе. Вещи ли это сами в себе? Что из себя представляет ~~жизнь~~ существование, функционирование человека? Является ли внешняя оболочка его экзистенции отражением содержания, сути, сердцевины? Почему, находясь здесь, влекомый полчаса назад возможностью насладиться погодой и солнцем, я испытываю разочарование и чувство несвершившегося акта, самообмана, лжи и иллюзии? Что мешает человеку остановить то самое фаустовское мгновение и просто жить? Мои мысли или чувства? И почему эта бинарная оппозиция восторжествовала во мне в данную секунду? Всегда ли так было и в какой момент в случае отрицательного ответа была утеряна способность существовать здесь-и-сейчас? Вот тебе

пространство — оно расширяет поле размышления — оно расширяет и время, растягивая границы его циферблата на размеры песочного поля. Что останавливает тебя от торможения и отключения от постоянной мыслительной деятельности? Может быть, существование-в-мире требует постоянного движения мысли? Ведь ее отсутствие — пустота и не-бытие, а ты боишься исчезнуть. Боишься как биологическое существо, наделенное инстинктом выживания. Значит, в твоем сознании отсутствие мысли связано с отсутствием жизни? Получается, это новая граница понимания cogito ergo sum. А человек хочет перейти границу? Ты хочешь перейти границу? Ту, за которой не мыслишь. Значит, именно там будет искомая тобой сердцевина, желаемая terra incognita — в отсутствии мысли, соединяющей тебя с миром. Но не следует ли из этого, что таким образом, отрываясь от мысли, ты отрываешься от мира? И снова что такое мир, как не система представлений? Ты не знаешь, что лежит вне тебя. Этот мир сконструирован тобой, чтобы выжить и функционировать, а не для того чтобы в нем раствориться… Тебе некомфортно, потому что ты снимаешь маску. Твой мир расшатан и переполнен противоречиями, антиномиями, он расходится по швам и разлагается, как ледовые глыбы в грязном течении Невы. Они остаются белыми лишь на поверхности, словно айсберги, а внизу это лишь прозрачная материя, медуза. Медуза — твои мысли. Это безграничная система, и в ней можно перемещаться, словно Колумб по только найденной Америке — все открытия за поворотом. Весь мир — это ты. То, что ты любишь — это ты. Все, что ненавидишь — это ты. Одним словом, все, что ты осознаешь, является тобой, но только ли это? Ты многое не осознаешь в себе, многое не видишь, особенно в эту самую минуту, разглядывая панораму неоднократно возникавшей перед глазами пустоши. Кто я? Так звучит вопрос. И вместе с ним все распадается… Мальчик ползет по склону горы, бежит по песчаному гребню. Наверное, его ноги увязают и песок сыпется в сапоги. Он бежит, перерезая солнечный свет, встает на пути солнца и не пропускает лучи сквозь себя. Он все же материален и, как Артюр Рембо, будто верит в то, что еще пару шагов и можно заглянуть за горизонт, упиться солнцем и отыскать свое счастье… Но все это лишь путешествие по пустыне

своей души, перерождение убеждений в пределах одной локальной системы, которая, еще неизвестно, связана ли с глобальной… Мне, таким образом, очевидно, мешают представления. Они бессознательно, неотвратимо заменяют недостижимую реальность, становясь мостиком через зияющую пропасть внутри и вне, но мостик этот, бесспорно, иллюзия, стремящаяся, как хамелеон, подстроиться под среду. Безотчетное следование представлениям отвлекает нас от необходимости видеть себя. Это зеркала, раздробляющие отражаемое и представляющие его в безопасном, пережеванно-переваренном виде. И чтобы осознать всю галерею этих разбитых зеркал, нужно провести целое исследование… Зачем она фотографирует солнце? Зачем вообще человеку следовать необходимости запечатлеть мгновение. Разве это не формальное остановка его, истерическое хватание за миг, который улетучивается, проскальзывая сквозь хватку пальцев? Разве это не доказательство твоего существования? Неужели без попытки оставить материальный след ты не существуешь? Связана ли с этим идея творения? Люди хотят доказать себе, что они существуют, что они значимы. Значит, они не уверены. Находясь на этой равнине, все ли испытывают это щемящую неловкость, тоску, желание наполнить действием растянутое время?.. Это пространство-время вызывает вопрос. Тебе кажется, что ты обманываешь, что твои действия — это игра?.. Да, собака, которая что-то выковыривает из песка, больше погружена в мгновение, чем ты. Человек играет в жизнь. Суть отличия сцены от жизни лишь в том, что мы верим в реальность происходящего, придаем значение действиям и поступками, печемся о следствиях. Чувственное включение, зависимость от тела, вынужденного проходить через горнило сценария. Это позволяет ~~убедиться~~ уверовать в реальность происходящего. Мы мечтаем о себе, видим сон о том, как были-есть-будем кем-то. А наши мечтания продиктованы структурой мира, создаваемого в голове без нашего разумения в течение пятнадцати-двадцати первых лет жизни. Игнорируя большие и не имеющие твердых границ системы, можно увидеть доказательство тому в языке, который структурирует наше мышление, заполняя вместо нас подготовленные сознанием пустые ячейки смыслов…

Параллельно с этими мыслями я иду по берегу, и даже в моей голове вода и мысли о жизни не пересекаются. Они могут выстроиться лишь в метафору или сравнение, причудливая скручиваясь и становясь изящным словоблудием… Так и работает мир: он смешивает непонятную среду с мечтанием/представлением. Процесс доходит до того, что создает повелевающую структуру. Мы подчиняемся представлениям, подчиняемся себе, отщипывая кусок ткани на штопанье маленького невидимого диктатора. Мы занимаемся долженствованиями, все больше подчиняя свою живую, непонимающую сторону системе. Постепенно выстраивается строгая вертикаль, гарантирующая стабильность и устойчивость. Так легче… Но всегда ли есть такое? Ты чрезвычайно упрощаешь этот процесс. Вновь пытаешься подчинить его системе, внести как часть… Ведь может быть и пустое блуждание в тумане хаоса. Строгая иерархия может не выстроиться. Системы имеют и свойство развиваться вширь, а не ввысь, неся с собой ад из чувственных ощущений. Погружение в страсти обещает псевдоновые смыслы, наполненные содержанием формы. Люди выбирают добровольную муку эмоциями, желая почувствовать любыми способами мгновение сейчас… А выбирает ли человек свою участь? Разве ты можешь изменить линию действия судьбы? Предрешен ли сценарий твоего выступления как актора? Несмотря на страшную изолированность индивидуального мира, несмотря на то что кажется, что человек — творец всего вокруг него, будто бы есть что-то вне его влияния. Человек бежит, рассекая пески времени, через реальность своего существования, не имея сил остановиться в мгновении-сейчас. Ему некомфортно и неуютно в разряженном воздухе живого присутствия — он убегает в представление/мысль/чувство… Он падает заложником психологических механизмов, причудливо, корсетом обматывающихся вокруг его тела. Человек даже может быть задушен этими механизмами. Но не видеть их! Мы не замечаем половины мира. Мы живем в нем и ощущаем его, представляем как реальный и в той или иной степени наполненный смыслами, но не знаем, как он выстраивается. А он выстроен на жизнезащищающей лжи, самообмане, представляющем собой стену необходимых иллюзий, за которой спрятано что-то, что не способно

выжить в первозданном виде, что приходится отражать в разбитых зеркалах, чтобы не ослепнуть… Неужели мы не в силах вынести себя самих, настоящих? Неужели вся система восприятия и рационализации не способна обработать этот массив данных? Может быть, она просто не способна считать исходный код, перевести информацию с одной частоту на другую. Значит, это заведомый обман? Лишение человека способности остановиться? Обречение на чувствование и осмысление? Свобода становится ограниченной рамками системы мира и категорический императив объявляется венцом ее… Все это ловко и хитро выстроено. Но почему же остается желание выйти за границу при полном бессилии в ситуации попытки выхода из нее? Несмотря на то что ты собираешь в голове пазл картины мироустройства, твои ноги принесли тебя к заливу, а глаза безмолвно рассматривают воду, которая волнами изгибается, стремясь к камням, все еще независимо от тебя. В этом пересечении немыслимой абстракции и материализма и рождается предчувствие границы, которая всегда «несмотря-на», вне игры.

Андрей остановился и оглянулся, затем пересек дорогу из плит, по которой периодически проезжали грузовики, и добрался до первых камней. Перепрыгивая с валуна на валун, он достиг черты надводного склона. Присел. Камень приятно отозвался накопленным солнечным теплом. Мозг как обычно выронил нить прерванного хода мысли. Андрей вообще замечал, что он любит выкидывать точку твоего постигающего мысль Я из нити рассуждения, когда становилось сложно. Его это злило и одновременно удивляло. Проводились параллели с оперативной памятью гаджета, который вылетал, когда игра была слишком «тяжелой».

В ста метрах на камнях стояла женщина, крашеная блондинка, в вызывающе-голубой куртке и розовых сапогах. Она позировала на фоне залива, а мужчина, в традиционном синем пуховике и прямых голубых джинсах с коричневыми кожаными ботинками, нажимал на экран, делая миллион похожих друг на друга фотографий. Андрей испытал ставшее привычным для него в последнее время чувство неприязни к банальности, пошлости и бездумью. Если система категорического императива — это «правильная» система,

здоровая система, то почему такие люди вывешивают в своих машинах георгиевские ленточки, выдают патетичные речи об истории Ленинграда и с гордостью обсуждают власть силы и идеологию возмездия, основанную на ненависти? А что здесь говорить про тех, у кого категорический императив смещен в область разрушения и самоутверждения посредством подавления другого? Конечно, тут нужно учитывать и то, что наши убеждения часто оказываются мертвыми на практике. Мы можем верить в идеал Христа, но жить в идеале содомском…

Андрей отвернулся и обратил взгляд на воду. Она приятно мурлыкала, облизывая камень. А тот сиял, отражая в себе миллион маленьких солнц.

«Как бы было хорошо, если бы не было войны», — почти вслух произнес Андрей, выдыхая.

Он видел, как вдоль берега ходят люди: кто-то ближе, кто-то дальше. Даже эта стереотипная парочка пришла сюда, потому что услышала зов солнца. Люди любят тепло, лето, жизнь. Они чувствуют эту истину и в разной степени сознательности вступают в нее. Значит, в них есть добро. Кто-то из них думает, как я, и чувствует, как я. Они живы, все еще живы, если радуются солнцу…

А ведь так недавно все было по-другому. Вступали в игру новые кислотные двадцатые с Даней Милохиным и «ЧБД». Мы думали о том, как отупела массовая культура, говорили о пустой, вульгарной коррумпированности всей сферы искусства. Да какой сферы искусства?! Но все было иначе. Это был культурный кризис с торжеством общества потребления. Мы потребляли веселье, наркотики, алкоголь, секс, любовь, психологические проблемы, зависимости, на крайняк. Мы жили идеалами искренности, любви, дружбы, самореализации, самосовершенствования, образованности, доброты… Но знали ли их по-настоящему или удовольствовались теми конструктами, что взяли из общества?.. Мы жили в мире, где невозможно было представить своего будущего из-за окостеневшей социальной системы. Это была Россия, в которой три пути: вебкам, закладки и IT… Но мы ждали перемен. Мы надеялись и верили в то, что скоро солнце взойдет…

Нет, ты пришел сюда не думать. Вода уносит мысли.

Андрей закрывает глаза. Нужно сделать время настоящим, если мы хотим оказаться здесь-и-сейчас. Мысли струями проплывают в аквариуме сознания. Они любят трансформироваться и переплетаться, привлекая к себе внимание, словно избалованные дети. Но нужно следить за дыханием. Каждый выдох отдает мысль небытию. В этом тоже истина. Мгновенье между мыслями хранит загадку… Шум воды приятно однообразен и одновременно не похож на точный орнамент. Каждая волна индивидуальна — она смывает мысль. Только залив шумит, только ветер касается кожи, только небо возвышается над головой. Все это, соединяясь, теряет форму, расплавляется, стираясь вместе с мыслями в пыль. Какой же все-таки чудесный сегодня день! Радость разливается по всему телу. Солнце греет, ласкает плоть, и это непременный факт. В мгновении можно испытывать усталость, в мгновении можно смело грустить. Тебя не осудят, никто не обесценит твое чувство. Мгновение говорит тебе, что ты имеешь право. Мгновение не имеет чужого голоса… Флажки над водой колеблются от движения воды, тянется едва-едва баржа, направляясь в морской грузовой порт, дымится труба ТЭС, очерченная триколором, отражает свет купол где-то в Кронштадте — но приятнее всего горизонт, который может растушевываться и растекаться, в его границе в детстве ты видел мечту, какие-то неведомые земли, в которых волшебники сражаются друг с другом, принцы спасают принцесс, те превращаются в цветы и распускаются от крови поющего и гибнущего соловья, который ради любви пролетает, как тень, что падает в том сквере, где ты наслушался страстей, которые люди активно пытаются вернуть в некие очерченные кем-то непонятным границы нормы, посещая терапевта, который сам наверняка поступал в университет с желанием разобраться в своих психологических травмах, что получил, когда учился кататься на велике вместе с другом, с которым ездил за город играть на поле, что было обширнее тех картофельных плантаций, что обустроили твои дед и бабка, а от них убежал колобок, прямо как ты, во взрослую жизнь, чтобы стать дипломатом, жизнь которого очерчена прямыми линиями Лахты, или же художником, чтобы рассказывать о своих картинах на выставке, но прежде накладывать мазок

за мазком, зажимая губы, прикусывая их и психуя от неудавшегося поворота кисти, весь грязный ходить на вечеринки с друзьями, наряжаясь в синего джина из волшебной лампы, чтобы все почитали тебя за божество и звали Венерой, которая, если повезет, взойдет на ночном небе, когда скроется солнце…

***

собралась в кулак темнота, замер вакуум внутри переливающегося синей грязью шара — открываются настежь окна в жажде, желая воздуха — кто-то свистит в узком проходе — задремал красивый мальчик на скамейке под склоняющимся розовым кустом — холодно и надрывно сверкает кривой металлический подоконник — толок — срывается нога с сырого мягкого дерева, хлопает вода — погружается в теплую зелень, зажмурившись — ладонь проползла по кронам — загремела листва — в отражении мелькнула молния — ползет осень — тянется вдоль аллеи в парке, касаясь плеч своей шерстью — расходятся круги на воде от порывов ветра — замирает остров, в бессилии отдавая свои зеленые кудри на растерзание — и хлынул дождь — вместе с ураганом он проходит по улицам — гремят чашки в серванте: проезжает трамвай — бьет по шиферу, иглами вкалывается в грудь — трудно дышать, а тропа по саду растягивается и уходит вдаль, приближаясь — нещадно жарит солнце, оно перегрето, как лампочка в синих стенах общежития — на белой стене плавится светильник, врезалось стекло в пятку — кровь стучит в висках — шумит что-то коричневое перед глазом, вздувается часть сознания, потому что гниет яблоко на трясущейся ветке, поедает шершень белый налив — убегает из-под ног ужик — проносятся сосны, стуча своими качающимися стволами — падают руки на шершавый бетон крыльца — теплая июльская ночь помогает найти приют — это ноги уносят, передвигая по карте фигуру? но куда бежит облако над нами? «это ведьма готовит приворотное зелье» — кажется, я всегда понимал это — шар окружен плотной пеленой облаков — красиво закручивается ураган, изящно разрываются полотна — наши закастомные вещи на подиуме из столов — на юге кто-то курил на балконе, и полный мрак исходил дымом — я ездил на перевернутом стуле — был очень мягким тот белый халат — я засыпал, нагулявшись за день — мне было тепло —

потом я просыпался в доме у черной дыры и наблюдал за тем, как прорезает время мой недвижный корабль — а тогда на раскладушке посреди яблоневого сада я наблюдал за тем, как белое облако соединяется с черным, и учил английские слова — я честно пробовал читать книги, но слова не складывались, впрочем, как все слова не складываются — я всегда здесь был близко к далеко, потому что ловил майского жука, потому что бабочки щекотали ладонь своим маленьким хоботком — я бешено танцевал на диванах, завернувшись в пестрый ковер — чем медленнее музыка, тем более дико и первобытно, выпуская звериный рык, обращенный к потолку — подпевали песни, выходил на крик, срывая солнечный кран, чтобы залить маслом разгорающийся костер — выкрикивая, обретал легкость — кто-то тащит дорожный знак через турникет — а я лежу на кровати и думаю о том, что кто-то повторяет на ухо, под ухо «я думаю, для этого не придумали слова» — мне иногда так хочется плакать, но так умильно с рукой играется полосатый толстый кот — когда он кусает, то сразу же вылизывает раны, настоящий злодей — море, оно омывало ступни, пятки кутались в песок — одиноко, заброшенно стояли на мели кроссовки — голубели травы на берегу — где-то у горизонта раскидывались райские барханы, подсвеченные золотом, как сияющий купол храма над черной линией острова — вода как железо — птицы ходят за нами в ожидании кормежки — я всегда мечтал о том, кто в белых одеждах — бархатная рука с подсвеченной кожей — тогда вдруг задумался о том, а почему, и зачем, и как — кажется, это было невозможно — вдалеке летела чайка — а камни молчаливо уходили в море — красным заревом отозвались глаза под закрытыми веками — принадлежит ли это мне? обмывает душ большие зеленые листья, руки в земле — пахнет грибами осенний лес — я не разберу в зное лестницы — на горячих камнях растает спина, меня смоет очередная пенящаяся волна — пустует улица, в ней нет меня, а каково ей? не узнать и не проведать — пробуждаюсь к полудню, на руке лежит солнечный хвост — идет по парковке женщина с пакетами — проезжают вдоль парапета три велосипедиста — это лишь черный силуэт, пара мазков — рассекает небо оконная рама — я взгромоздился на обрубок столба, дирижирую, управляя хором — в пространстве

всегда поют ангелы — они только прячутся в гудках, криках, шелесте и звоне — протягиваются с криком птицы, размазываясь в топком воздухе — сиреневые углы и серые дни друг друга любят, а меня они не спрашивают, люблю ли я бутерброды с икрой — а все-таки нет, если собрать веником паутину, назавтра она появится вновь — из года в год я скачу, и все еще не нащупываю концы — я только расталкиваю осколки, но они преобразуются в туман, и тонет все в океане облаков, я двигаюсь под ритм проплывающих мимо волн — я готов был отдаться дыханию — а солнце все ярче освещало горизонт, поле шумит и ластится к ногам, убегая за черту — я пою, но не слышу голоса — пытаясь заглянуть за горизонт, находил воронку и в ней комнату —

***

Telegram-звонок.

Кирилл. Ну, как ты, дорогой?

Андрей. Погоди. Сейчас выключу VPN: тормозит, тебя плохо слышно.

Кирилл. Ок.

Отключение.

Андрей. Вроде все… Так лучше. Не могу сказать, что хорошо. Все так же — в ужасе. Как еще? Думаю, многие сейчас в этом состоянии. А ты как? Нашел работу?

Кирилл. Ничего. Пока что с этим туго. Не дело одного дня. Выполняю вот тестовое. Нашел ребят хороших. Тусим вместе. Траву курим. Ты не думаешь уехать?

Андрей. Конечно, я думаю об этом… Но пока не знаю… Я ведь не планировал никогда уезжать. Да и бросить все вот так: работу, учебу незаконченную — нельзя… Я думаю, что, может, после получения диплома… Я не представляю себя где-то вне страны…

Кирилл. Понимаю. Ну, ты подумай. Я вот не мог больше там находиться. Здесь свободнее. Как только вылетел, почувствовал облегчение. Пусть Путин там сгниет в своем болоте. В этой стране больше невозможно жить. У нее нет будущего. Все, что можно, разрушили.

Андрей. Очень больно, что я не могу возразить тебе в этом. Разве что только если о надежде говорить… Ты не планируешь возвращение?

Кирилл. Не знаю. Пока нет такого в планах. Наверное, будет зависеть от материального положения… Хотя, наверное, это дело решенное.

Андрей. Ты не скучаешь?

Кирилл. По чему? Все, что я любил, в этой стране у меня забрали… Знаешь, я вернусь только в случае, если всех этих преступников там заставят ответить за совершенное. Пока не будет организовано что-то типа Нюрнбергского процесса, я не готов вернуться…

Андрей. Тогда, боюсь, ты не вернешься…

Молчание.

Кирилл. Как у вас там? Что на улицах? Что с людьми?

Андрей. Массовое сумасшествие, демон тупоумия и голос вопиющего в пустыне… Я никогда не был высокого мнения о людях. Но сейчас — это разочарование. Особенно старшее поколение. За что мы должны его уважать, если эти взрослые люди, за спиной которых целая жизнь, из-за трусости, нежелания-неумения думать, из-за лени и эгоизма просрали целую страну, если они хотят нас, своих собственных детей, обречь на смерть за царя, за его противоречащие сами себе высказывания об особой русской судьбе? Они взывают к нам: «Мы не видели свободы — и вы не требуйте!»… Видеть эти свиные рожи, жаждущие крови, винящие во всем «поганую» Америку, реагирующие на доводы рассудка истерией, «Моя хата с краю — ничего не знаю», псевдоинтеллектуальными доводами типа «Это не свойственно нашей культуре», «У России особый путь»…

Кирилл. Держись, Андрей… Я тоже не смог этого больше терпеть. Без меня, пожалуйста! Они заслужили вариться в дерьме, которое заварили.

Андрей. Логично, что *те* должны собрать плоды своей многолетней инфантильности… Но ведь есть и *другие*… Понятно, что это начало *их* конца: корабль тонет. Но ведь это погружение потянет за собой и обычных людей. Что делать остальным — тем, кто остается адекватным?

Кирилл. Я не знаю. Уезжать.

***

нельзя признать квадраты и параллелепипеды, я не хотел терпеть — красиво переходил ламинат в плитку, красиво красное кресло терялось в сером углу — кипел синий чайник — забегали вперед строчки на белоснежном холодильнике — а зачем? пустота под полом, она была круглая, как каменные головы на подоконниках в училище — шумит роща, холодно под проливным дождем, сереет каменный наст бесконечного серого дома — тянется товарный поезд, а под подошвами хрустит гравий — мелькает озеро в окружении леса — на том берегу скала — это кабаний угол — здесь нужно петь ритуальные песни, чтобы прогнать зверей — шевелятся их копыта, внутри движется сустав — она без конца говорит по телефону, тянется к звонку — кто-то что-то потерял — я ищу и ищу — в полной темноте, потому что голоса звучат в голове, невидимая толпа смотрит на меня, разглагольствуя — мне страшно, неуютно от них — дрожит грудь — неприятно обливает темнотой комната — что-то полыхает, не успокаивается грязная буря — темный коридор, и страшно — повторяются одни и те же звуки — падает бесконечное число раз капля на ледяной камень — открывается и закрывается дверь — дрожат плечи — нужно вырваться, убежать, но кипит за лбом — оступился на лестнице, соскользнула нога — теряется опора, и облако перед взором расступается, пропуская падение —

***

Когда весь мир сходит с ума, когда где-то в полях страдают, умирают от голода, холода и ран люди, я все еще, как это ни странно, успеваю ловить себя на неудовлетворенности. Ирония судьбы. Повторяющаяся. Мир не кончается внезапно. Есть градиент между войной и миром. Они не разделены границами глав, как у Толстого. Они живут вместе, перемешиваясь, создавая парадокс.

Кажется, Егор тоже тяготится нашими отношениями. Он перестал мне писать, иногда исчезает на несколько дней. Мы даже почти не разговариваем, когда проводим время вместе. Точнее, говорим, но все это пустые слова, либо я снова скатываюсь в политику, на что он отвечает либо согласием, либо усмешкой. Не нахожу нитей, чтобы поддержать беседу. Мы совершенно разные. Он — со своей вебкамов-

ской тусой, пиром во время чумы, «Тебе просто нужно дунуть», я — вечно уставший на работе. Самое страшное то, что меня совершенно не волнует происходящее с нашей коммуникацией. Даже когда он пытается завести разговор об этом, я от него уклоняюсь. Мне сложно думать о ситуации с Егором, вникать в нее, писать о ней: мысли отворачиваются либо становятся вязкими, неохватываемыми. Уже и поздно — путаница в голове. Не могу ее нормально разобрать…

Непонятно, почему Пастернак годами писал о природе, не сохранив для нас (да не плевать ли на него?!)… из себя не выкинул, не освободился от тяжелого времени. Почему ни слова об ужасах, даже в спрятанных стихах (были ли они?)?..

Дело, наверное, в том, что мои отношения с Егором — как иллюзия тихой гавани. Мне дали воды напиться. А она оказалась не той водой. Нет. Опять. «Того самого». Егор, кажется, и сам не против развала.

А я знаю, что мне нужна эта тихая гавань. Теперь я начал понимать мысль про зависимость от отношений. Мне они необходимы для нормального функционирования.

А еще я очерствел. Меня даже тошнит от самого себя. Впрочем, это усталость и выгнивающая мысль. Я оказался в пустоте, в разрыве связей, чувственных связей, со всеми, кто мне был дорог. Меня не тянет ни к кому, ни к чему.

Вот галиматья-то выходит. Пытаешь ухватить тот конец, за которым разматывается клубок, а не выходит… Интересно, это вымотанность новостями так сказывается? Но как перестать листать ленту?

Я теряю шанс иметь спокойную жизнь. Мир тает под звуки телевизора. А я понимаю, что не успел найти в этой жизни того, чего хотел, что я не обрел того, что бы наполнило меня. Снова сталкиваюсь с пустотой. Ваня — тут ответ? Нет, конечно. Но отчаянье преследует меня, толкает в короткие, бесперспективные, холодно-рациональные отношения, в которых нет глубокого чувства. Есть только симпатия. Егор: классный секс, умный парень с чувством стиля, легкое времяпровождение… Нет, все не то.

Впрочем, и к тем, другим, я не испытываю уже ничего. Куда все это делось? Опыт, которого не было… Я словно рассыпался на осколки. Я дроблюсь, дроблюсь, дроблюсь. Кажется, углубляюсь. А по-насто-

ящему — рассеиваюсь… Жизнь расслаивается на бессмысленные сценки, суть которых не имеет ничего общего с истинным и вечным. Как будто рассматриваешь карикатуры Бидструпа.

А ведь тот, кто думает о небесах, должен быть очень счастливым. Знают ведь китайцы, как сделать простое русское «на седьмом небе» наполненным глубокой красотой. Надо запомнить этот ответ на тест.

26.04.2022

(приписано)

Сегодня мне приснился сон. Ванная комната. Ванна. Вода в ней. Все очень дорого, стильно вокруг, красиво: белая плитка, мягкий коврик цвета парного молока, много света, дерево (светлое). Коридор с темным паркетом. Но что-то не так. Чувствуется атмосфера трагедии. Это чувство усиливается — тревога. Где-то глубоко внутри растет предчувствие чьего-то страдания, раненого сердца. Вижу, что вода стоит в уголках коридора, течет, прижимается к стенам. Я подхожу ближе, вглядываюсь в воду в ванне. Что-то смутное проступает сквозь. Там мертвец… И вдруг — неосознанная убежденность в том, что это я виноват, что это я причина трагедии. Я скатываюсь в панику, теряюсь, хочу плакать… Но мертвец внезапно приходит в движение, встает. Он отталкивает своей воскоподобностью… однако я его не узнаю. Понимаю остатками рациональности, что на мне не может лежать подобной вины. Мертвец, бывший мертвец, смотрит на меня. Это незнакомое пугающее лицо счастливо улыбается. Сон обрывается…

После пробуждения след тревоги все-таки остается. Здесь и вина, и ужас, и омерзение от вида воды, в которой лежал мертвец. Не могу собраться с мыслями.

***

она много суетилась, готовила салаты и много шутила, рассказывая свои небылицы, переносящие нас в 70-е — в америку, не любила убираться, постоянно пила кофе, чтобы превратиться в веселого демона, строила дом, мечтая о гнезде, терялась в городах, имела любовниц, всем помогала, любила хорошо сверстанные книги, много танцевала, покупала пластинки, писала статьи, снималась в кино… она снимала со мной видео на маленький сенсорный телефон, бегала по грязному подъезду ради эффектного кадра, исчезла где-то

в начальной школе, стала трактористкой, носила толстую косу, обманывала и подчинялась чужим… она не любила подчиняться, много ругалась с мамой, когда та обращалась к ней на грузинском, размышляла об успехе, желала стать художницей, сбежала в москву, имела красивую аристократическую фигуру, носила длинные обтягивающие платья, открыла курсы для художников-любителей, много стеснялась и поджигала изнутри уверенность, теребя кончики длинных черных волос… она выпрямляла волосы, много ругалась с людьми, вечно висела на звонках, мечтала о семье, держалась за близких, не любила нового, ненавидела все зависимости, не умела обращаться с деньгами, до ужаса боялась, что заболеет раком, считала, что жизнь мудрее, много курила, ногтями клацала по экрану телефона, любила жареные пельмени, ревновала мужа, отдавала последнее, запрещала себе плакать, боролась за квартиру… она… тихо течет облачная река, уносит пыль прочь —

***

Уровень второго этажа. В рамке обозрения два прямоугольника стен, соединенных с целой композицией из трехэтажного строения. По отношению друг к другу они являются классом и лаборантской. Здесь ядрено-зеленые стены с портретами писателей. В углах висят на цепочках горшки с цветами. Под ровным неуловимым углом на парты ложится солнечный свет.

В сопровождении ученицы-индивидуальницы и провинившегося ученика Андрей Арсеньевич и Залина Азаматовна входят в кабинет почти одновременно, долго разбираясь в том, кто должен зайти первым. Андрей Арсеньевич голоден и этим недоволен. Залина Азаматовна недавно пообедала в школьной столовой, но при этом раздосадована желанием посетить уборную. Сосредоточившись на своих потребностях, они автоматически принимаются за работу. Залина Азаматовна уступает кабинет Андрею Арсеньевичу, сама же отпирает погруженную во мрак лаборантскую.

Загорается свет. Девочка, издав что-то похожее на «Ла-ла — ла-ла-ла», усаживается за круглый столик, на котором в величайшей торжественности дремлют две белые тарелки и банка с маринованными помидорами. На столе внезапно является учебник и тетрадь. Залина

Азаматовна проговаривает задание — девочка начинает активно листать книгу и что-то записывать, прикусывая краешек языка.

В кабинет тем временем заходит Вера Николаевна. Размещаясь возле Андрея Арсеньевича, она начинает, как представитель администрации, строго что-то внушать качающемуся на стуле восьмикласснику. Андрей Арсеньевич с потерянным лицом наблюдает эту картину. В облаках мыслей у него самолетики, пальмы, красная машина. Живот у него урчит, призывая обратиться к еде.

Некоторое время Залина Азаматовна следит за ученицей: та усердно выписывает что-то, не понимая, очевидно, ни единого слова. Затем Залина Азаматовна оборачивается и разглядывает интерьер лаборантской. Глаз явно падает на пианино, заваленное кучей детского грязного тряпья. Всплеснув руками и пробормотав проклятия, Залина Азаматовна все-таки находит способ пробраться сквозь нагромождения разнообразного хлама, подбирается к баррикадам и однообразными экскаваторными движениями избавляется от горы из вонючей одежды. Подняв крышку инструмента, она пробует звук — чистый. Нажимает еще на несколько клавиш — прекрасно. «Красный октябрь»! Пододвинув табурет к инструменту, Залина Азаматовна торжественно возносит пальцы над черно-белым рядом и начинает играть. Звук выдается замечательный. Сумасшедшая ученица и глазом не моргает, всецело отдавшись своему бездумному списыванию.

Отвлекается Вера Николаевна, явно не лишенная интереса к классической музыке. Она оборачивается к Андрею Арсеньевичу и подымается со своего места. Вместе с коллегой и учеником-хулиганом она подходит строем к лаборантской и открывает дверь. К тому времени Залина Азаматовна, встревоженная своим внезапным желанием поиграть, уже забрасывает проснувшийся инструмент детским тряпьем, стараясь вернуть горе ее прежний вид. Но Фудзияма не получается, что отпечатывается в облаках ее мыслей.

Вера Николаевна расплывается в улыбке, всплескивает руками и восторженно восклицает что-то неразборчивое, похожее на «А кто у нас тут такой талантливый?». Андрей Арсеньевич довольно улыбается, снова думая о своем голоде, а незадачливый ученик с высоко

воздетыми бровями выглядывает из-за плеча секретаря, жадно вглядываясь в интерьер новой для него каморки. Залина Азаматовна смущается, а сумасшедшая индивидуальница взлетает на седьмое небо от счастья, перелистывая уже третью исписанную страницу тетради.

***

В понедельник все было против нее: и картонные стены офиса, и целлофановые окна, и одноразовый пластик компьютера, и вырезанные из глянцевого журнала пафосные лица коллег. Проболев неделю, Ада совершенно отстала от плана. В ближайшие два дня нужно было подготовить и сдать три большие статьи. Она хотела поработать над ними в субботу и в воскресенье, но так и не смогла сдвинуться с первой вордовской страницы. Кроме того, необходимо было успеть получить одобрение двух начальников, а уже одна эта задача могла занять целый день. Отказавшись от завтрака с коллегами, Ада сразу же приступила к работе. Она усердно трудилась до обеда, найдя в себе силы и даже вдохновение для окончания первой статьи. Перечитав получившееся, довольная, Ада отправила результаты своей работы Паше и взялась за вторую тему. Она почувствовала, что есть шанс справиться с задачей уже сегодня.

Но через полчаса Ада была вызвана к начальству.

— Что это такое, Ада? — такими словами встретил ее Паша.

Ада сразу же поняла, что тот не в духе, и аккуратно спросила, что не понравилась.

— Это вода, Ада! — воскликнул Паша. — Черт, ты и на половину не выполнила месячный план в этот раз!.. Ты неделю просидела дома и приносишь мне это? Сколько ты у нас работаешь? Полгода? Больше? Так вот послушай: неужели нельзя было научиться делать нормальные статьи за это время? Я трачу уйму времени на проверку твоей писанины!

Внутри у Ады закипала злость. Она чувствовала, что обращенные к ней слова были вызваны не столько качеством ее работы, сколько какими-то неведомыми ей причинами. Ей хотелось вступить в диалог, остановить поток брани, направленный в ее сторону, ответить тем же. Ведь у нее был больничный! И ее тексты всегда проходили проверку, хоть иногда и не с первого раза. Она всегда закрывала свой план, хоть и тратила на это практически все свое свободное время. И до конца

месяца еще оставалось много времени. Более того, Ада точно знала, что результаты ее работы становились лучше. Он сам хвалил ее не так давно…

Но Паша весь превратился в крик. Ада закипала внутри, но не могла открыть рот. В голове вертелись тысячи ответов на его слова, она чувствовала, что может отбить его атаку, поставить этого самовлюбленного дон жуана на место, но у не получалось вымолвить ни слова.

— Я стараюсь как могу, — выдавила в конце концов Ада из себя фразу, за которую сразу же стало стыдно.

— Херово стараешься! — оборвал ее Паша. — Иди переделывай все! Я отправил правки.

Выйдя из кабинета начальника, Ада почувствовала, как вся возникшая в ней энергия вышла, утекла, исчезла. Бессмысленно просидев за компьютером остаток рабочего дня в попытках переписать статью, Ада вышла из офиса в пустоту улицы и вызвала такси.

Стеклянный светящийся куб сжался и провалился в небытие дорожной ленты. Шел снег. И Ада, сидя на заднем сидении машины, разглядывала манеру его падения. Как ни странно, в голове было пусто. Все эти часы у экрана монитора ей хотелось одного — разрыдаться, так же, как несколько дней назад. Ненависть и жалость к себе душили ее и обездвиживали. Ада ждала конца смены, чтобы просто уйти, сбежать и выплакаться, выпустить гнев и обиду. Но теперь, свободная, она не ощущала ничего.

Из колонок выплывала какая-то незнакомая медленная мелодия, и слух цеплялся за нее, активно расчленяя на отдельные звуки.

Ада ехала домой. Но что такое дом?

Было внезапно удивительно спокойно и тихо внутри. Не было эмоций. Не было мыслей. Одно лишь молчание. Ей не хотелось ничего, ее ничего не тревожило. Машина ехала мягко, и поэтому она не могла до конца осознать реальность пространства, расстилающегося перед глазами. Возможно, причина заключалась в чем-то ином, ведь и чувство времени тоже притупилось…

Ей просто было приятно сидеть так, не двигаясь, прижавшись лбом к ледяному стеклу, и растворяться в моменте. Это не было счастьем, это не было несчастьем. Ей было все равно. Она как будто отключилась

от мира, который теперь представлялся настолько бессмысленным, что единственно важным становилось простое сейчас: звуки примитивной музыки, капли растаявшего снега на стекле, расчлененные огни города, мелькающие перед глазами, вдох и выдох.

Где-то глубоко внутри будто тлела жизнь. Мир, промокнув, стал слишком мягким и неповоротливым, чтобы помешать Аде почувствовать это. Вся ее действительность, состоящая из отношений, семьи, работы, совсем скукожилась, покрылась волдырями и казалась ненастоящей, всего лишь оболочкой, которая отошла, отклеилась.

Причудливым образом Ада наслаждалась этим моментом и боялась, что он прекратится. Ей хотелось сорвать оберточную бумагу совсем, дойти до самой сути. Ей хотелось ветра, который бы разогнал весь этот туман.

***

красные паруса растекаются, их рассеивает ветер — о камни бьются волны — темно, сине на берегу — он, взъерошенный, стоит напротив, у дверного косяка — и смотрит — огромные раненые глаза — он ждет и боится — разве можно уйти сейчас? он обнимает, что-то говорит — «ты такой красивый… ох, » — о имя, где ты? пена, мерцают, утопая в пузырьках, свечи — жадный смех и набитый пиццей рот — играет музыка из колонки, красивый красный свет заливает комнату — пещера снежного человека — закинутые за голову руки — много говорит о литературе, рассказывает байки о писателях, размышляет сам с собой, крутя на языке слово — смешной, когда фотографирует, неловкий по другую от камеры сторону — спешит — хорошо готовит — дарит цветы — очень долго не вял огромный вечерний подсолнух — уносит одеяло по нотам — не помню седых вечеров — сердце мелькает на снегу под фонарем — чернеет заливная даль, подсвеченная фонариками — белеет лицо в темноте — он плачет, содрогаются плечи — это все я, я боль — но что это за лицо? только взгляд — песий взгляд — угол темный и пустой — улица без меня — как поживает? струится луч сквозь решетчатое окно храма — пропускает сквозь сон стон — вздрагивает тело, тревожно выдыхается тяжесть, и я становлюсь легким, как воздушный шарик — мне стыдно смотреть в эти глаза — можно ли любить любовь? но я не могу больше просто так —

я ненавижу? — рассыпаются листья — они скомканная бумага — надавливают пальцы на ручку, в гневе раздирается белая плоть — потоки воздуха между деревьями, пронзительное опустошение, будто высвобождение — сходится листопадный вихрь, сливаются кучи в эпицентре — усиленно бьются волны о камни — обрывки проносятся мимо, оставляя черные зазоры — каково оказаться в невесомости? стучит в висках — может быть холодно — но не видно фигуры за стеклом — рассыпались бусы, разлетелись цветные камешки по паркету, заполняя ущелья — стекает капля по спине, прилипает скомканное влажное одеяло — я слышу красный крик, красный говор — болит, оно не исчезает — нашептывает заговоры — это проклятие — не рассеивает солнце — они в сговоре — соскальзывают очки, рассыпаются красные стекла — сдирается сияющий лаковый покров — содрогаются зубы от соприкосновения со сколом на синей тарелке — не отпускает шепот, говорящий, напоминающий о себе — оно рядом с тобой, оно тень — сжимается рука, а в ней острая ширь, и мне больно — капает что-то за окном, режет глаза солнце — отпадает и скатывается в воду, сиренью-полынью уходит в небо звезда — свет освещает черную фигуру в деревьях — холод пробегает по зеленой листве, проникая в капли предутренней росы — мозаика золотится под механическим взглядом — не разглядеть ничего в дымке — капли краски разбрызганы по синему, это всего лишь зеркало, запачканное зубной пастой — рука разводит ветки — они мягки, как стены в той белой комнате, как кровать, в которой сладко пахло лавандой — в ней дыра — в пелене слишком много голосов — аплодисменты, чей-то шепот — знакомый смех — пробежала волна по зеркалу, сдвинулись облака — тянется песня, медленно разлагаясь, распадаясь на дым —

***

«Я в этом водовороте мыслей. Я Андрей, и это имя, казалось бы, всего лишь имя, связано с другими наименованиями, сковывающими, связывающими меня. Разве все эти вещи не ограничивают меня, не обрисовывают границы? Но зачем они?»

За закрытыми глазами, кажется, ничего не существует. Перед взором предстает только пустота и беспространственность сознания. При старании эта беспространственность становится словно зеркало воды

в предрассветный час. Ничего не колеблет поверхности — ровное стекло, позволяющее дышать чисто, ровно и глубоко. Однако во мраке вспышками бесконечно мелькают образы. Сотканные из воспоминаний, впечатлений и осколков мысли, они беспрерывно нарушают спокойствие, унося в складках своих музыкальных переливов в пучину переживания.

Вот мелькнуло лицо ученика, робко наблюдающего за тобой на уроке. Это тот взгляд раненого создания, которое беззащитно и наго в своей невинности, это глаза, через которые можно заглянуть внутрь. И тут же крики детей на перемене, сводящие с ума и порождающие желание спрятаться. Тут же всплывает тягостное давление начальства с его беспрерывным посылом долженствования: испитые, свиноподобные морды, как будто ни разу не задававшие себе вопрос «Зачем?»… И следом проглядывается размышление о необходимости поисков исконной причины. Существовали бы все эти социальные конструкты, если бы мы опирались на вечное? Как бы сильно пошатнулось общество во всем его разнообразии систем, если бы каждый остановил мгновение и задумался над истинными истоками своего существования? Настоящее похоже на черную дыру, втягивающую веками производимые формы в хаос. Возвращение к истокам, должно быть, сопровождается лишением идолов их души, отбиранием слова. Мы всему хотим дать форму, потому что таким образом появляется опора. Без формы нет опоры. По-настоящему, каждый боится посмотреть в лицо естеству, потому что его слишком много… Выдох.

Черные кудри Егора всплывают из небытия. Они прекрасны. Он весь очень хорош. Рейвер, вебкамщик, прожигатель жизни в кожаных штанах с косячком в длинных пальцах — идеальная картинка. Залина сказала, что она бы дала ему за его бархатный голос. «Бархатная золотая жила» — вот это настоящая рейв-история. Кто-то умеет жить, получая кайф — кто-то не может… Выдох. Тяжело.

Туман расстилается перед взором. В нем пусто, но где-то глубоко, в недрах, зарождается новый всплеск энергии. Дыханию как будто что-то мешает, задерживает его. Такое странное чувство: когда пытаешься сосредоточиться на нем, оно больше сковывается — и непонятно, почему и что ему так сильно мешает — ты должен быть открыт

ему — хочется представлять себя пустым сосудом. Но внутри что-то есть и сжимает пространство…

Под куполом сознания, в пустоте проскальзывает отрывок из песни, которую слушал недавно, образ подруги-йога, за ней вырисовывается Кирилл из Грузии, умеющий устроить себя в жизни, талантливый пианист, математик и программист. Чувство сосания под ложечкой… Назвать это синдромом самозванца? Или комплексом неполноценности? Неприятное тугое чувство пространственности без места. Неужели для того чтобы реализоваться социально, нужно надеть ярлык? Как люди добиваются успеха? Они подчиняются формальным правилам, следуют неведомому зову, бессознательно подчиняются обстоятельствам? Как решается судьба человека? Что-то неведомое, неподвластное кроется в ответе на этот вопрос. Насколько человек здесь сам себе хозяин?.. Хочется нащупать зарождающуюся и неозвученную мысль. Хочется ухватить ее? Но вместе с тем она должна будет умереть. Родиться и сломаться одновременно — именно так… Разве не существует в человеке суть, идея его личности, которая направляет его, не давая двигаться туда, куда не стоит? Что-то определяемое не им, а его *душой*? Ведь даже его желания, предпочтения, вкусы, стремления чем-то диктуются… Материалисты дали бы иной ответ. Но это их дело — закрывать глаза на вопрос «Что дальше?»… Человек не может до конца уследить за тем путем, который ведет его к тому или иному стремлению. Можно решить кардинально изменить жизнь, самого себя, но в этом новом в любом случае будет что-то старое, устоявшееся и скрывающееся от глаз. То есть судьба — это не предрешенная линия жизни, это линия, рождающаяся здесь и сейчас, но подчиненная воле посылки… Значит, внутри меня есть что-то, что выше самого меня, знающее то, куда мы идем, но скрывающее это знание. Выдох.

Во всем это меркнет идея частной любви. Все наши мечты о человеке распадаются и уходят на второй план. Ряд индивидуальных лиц проскальзывает в тумане слепой мысли. Оказывается, что любовь к кому-то не самое главное. Какая-то пропасть… погружение внутрь наверняка ведет к отчуждению. Возможно, *знание* отрицает *жизнь*. Ведь жизнь подчиняется любви, без нее она лишается смысла. Чтобы

ввести мир в гармонию, нужна любовь. Она соединяет здесь и там, привнося смысл — любовь, таким образом, связана с тем самым, что скрыто и управляет. То есть единственный способ вырваться из системы, оставаясь в ней, — в любви?..

Тем не менее поверхность воды остается непоколебимой… Где-то в этой системе живет война и государство. Они тоже являются данными разомкнутой, открытой системы. Вместе с ними вся картина подсвечивается ужасом, тревогой, бессилием, отчаянием и надеждой… Выдох.

Бесчисленные поезда фрагментов сознания мелькают в кинохронике: дороги, обрывки из книг, крыши домов, глаза людей, фразы, сказанные со злостью, похвала, мысли о дипломе, чехарда из мультяшных персонажей, воспоминаний из прослушанного курса по психологии, тайна фамилии политика, сказавшего, что демократия — это не власть большинства, а гарантия прав меньшинств, восторженность перед психологическим родством с Раскольниковым, который явно задавался болезненным вопросом о значимости своей личности в рамках не охватываемого целиком, незакрытого существования, о том, как трудно свыкнуться со своей заурядностью, столкнувшись с голой жизнью после преодоления блюра подросткового оптимистического идеализма… запах свежевыпеченных блинов со сметаной, необходимость проверить будильник на завтра, чтобы не проспать, слова научницы об аспирантуре, мысль о которой рождала ноющее чувство неприязни и отвращения, досада от своего нежелания быть кем-то… И с каждым выдохом все это улетучивалось, таяло под давлением воображения, превращавшего оформленную мысль в досознательную структуру, из которой мозг составляет все свои детища, а затем — в предмет окружающей действительности. Что-то Андрей представлял в форме пятна, которое можно стереть, что-то — в виде облака, которое можно было выжать, что-то — как сорняк, легко вырываемый пальцами. В результате все превращалось в ничто.

Вся жизнь становилась обломками впечатлений, вертящимися вокруг какого-то неведомого ядра, удерживавшего все в одной точке пространства. Каждый элемент становился окаменевшей, отмершей

частичкой когда-то оформившейся энергии и в данный момент уже не нес с собой ничего по-настоящему значимого. Андрей же пытался докопаться до *настоящего*, отбрасывая в сторону все то, что казалось иллюзией и преходящим — он пытался избавиться от своих отражений, стремясь заглянуть дальше…

Постепенно сознание успокаивалось. Его обрывки, отторженные, скрывались в темноте, и перед взором замирала зеркальная гладь бес-пространства. Становилось легче дышать, тело обретало легкость, мысли не тревожили. Их незначимость подчеркивалась сейчас-мгновением. Начиналась какая-то простая радость, которая позволяла вернуться в погруженную во мрак комнату и просто быть.

***

— Алло? — спрашивает Андрей.

Мгновение назад он увидел имя Егора на экране, и внутри что-то отозвалось досадой и нежеланием отвечать на звонок.

— Андрей, привет, — прозвучал у уха бархатный голос.

— Что-то случилось?

— Я сегодня прибирал квартиру, мыл окна на балконе и подумал о тебе… Мне стало плохо. Я понял, что хотел бы видеть тебя здесь… Я… я соскучился.

Андрей промолчал. Внутри что-то неохотно отзывалось той палитрой чувств, которые еще мгновение назад были спрятаны где-то в темноте.

— Я не могу ответить тем же, — проговорил он наконец.

— Давай встретимся.

— Мы уже говорили об этом.

— И что?

— Мы решили, что от этого нет никакой пользы. Ты будешь обвинять меня, а я ничего не смогу с этим сделать.

В этот момент Андрей невольно вспомнил о том, как Егор как-то подрался с чеченцем, когда тот обидел его в клубе.

— Это ты все решил, не я, — произнес Егор.

— Мне казалось, что это было совместное решение все прекратить. Ты исчез на неделю, загулял с друзьями.

— Ты исчез тоже, могу тебе напомнить.

— Мне казалось, что тебе все равно на меня. Ты был холоден при нашей последней встрече. И токсичен.

— Потому что ты сам не шел на контакт.

— Егор, ты вечно меня обвиняешь.

— Мне кажется, что этим сейчас занимаешься ты сам… Я искренне не понимаю, почему ты не хочешь встретиться и поговорить…

— Потому что это бессмысленно! Мы все обсудили.

— Мне есть что сказать еще.

— А у меня нет желания слушать.

— Мне грустно без тебя.

— Ты знаешь, что я хотел бы помочь тебе, но не могу… Позвони друзьям. Тебе нужно развеяться.

— Когда мне плохо, я не хочу никого видеть. Мне легче одному.

Андрей промолчал.

— Егор, нужно жить дальше.

— Зачем?

Внутри закипал гнев.

— Послушай, это бессмысленный разговор. Мои слова причиняют тебе боль… Неделю назад ты сам предложил расстаться. Честно говоря, между нами не было ничего, что говорило бы о том, что ты так сильно дорожишь мной, как сейчас утверждаешь.

— Это не так… Я сам так думал. Но сейчас мне плохо без тебя… Я не знаю, что могу сделать с собой. Давай встретимся…

— Не нужно манипулировать мной, Егор! Я тебе помочь не могу.

— Я не манипулирую.

— Ты куда круче меня. За тобой парни охотятся. Ты сам говорил. Вряд ли я что-то, что имеет большое значение в твоей жизни.

— Слушай, мы можем просто встретиться потрахаться…

Андрей тяжело вздохнул.

— Я не хочу. Это только усугубит проблему. Обоим. Прости.

— А если это наш последний разговор?

— Егор, прошу, прекрати…

Звонок прервался.

***

Рассказ Андрея о Нико вызвал в Аде огромное количество воспоминаний. В первую очередь о ранней юности. Где-то глубоко желание бывшего возлюбленного увидеться все-таки нашло отклик. Однако Ада и не думала писать Нико. Она знала, что не найдет во встрече того, что ей было необходимо сейчас. Потому что это необходимое было только в ней самой, но было так глубоко и так рассеяно, что уже невозможным казалось что-то ухватить и вытащить на свет. К тому же Нико точно изменился за эти годы, а значит, общение будет выстраиваться словно между незнакомыми друг другу людьми. А если он не переменился, еще хуже: вряд ли у Ады могло что-то откликнуться на то, что привлекало ее тогда…

Когда она встретила Нико на одном из квартирников в Москве, Ада сразу влюбилась. Его образ, казалось, вобрал в себя все мечты ее юности: о жизни в старой советской квартире с кучей древней мебели, где все залито солнцем, наполнено запахом книг и звуками музыки со старых пластинок, о шумных пикниках на крыше, окрашенных в цвет красного вина, о полароидах и путешествиях автостопом, о ночных прогулках, опьяненных разговорами, о молчаливом созерцании любимого человека в полумраке зари и о других подобных грезах, которыми она жила в своей голове. Нико вобрал в себя все ее тогдашние представления о свободе и красоте жизни, потому что сам казался абсолютно свободным. Ада помнила длинные золотистые пряди, обрамляющие высокий аристократический лоб, тонкое, нежное, с большими серыми (почти белыми) глазами, которые первые привлекали внимание своей воздушностью, розовые нежные губы, тонкость рук, выпирающие вены на кистях. Все это невольно подчиняло любого, кто знакомился с ним. Богатство родителей же позволяло Нико жить беспечной, праздной жизнью: устраивать вечеринки в квартире своей бабушки, заниматься музыкой, зависать сутками с друзьями, выпивая литры алкоголя и покуривая травку, срываться в неожиданные путешествия, пропадать в барах и клубах, без конца одаривать малознакомых приятелей дорогими вещами. В общем, он был тем героем, который после выхода фильма в прокат становится кумиром миллионов. В нем светящаяся красота, и внешняя, и, как ей казалось, внутренняя, смешивалась с какой-то

трагедийностью, которой, словно черной линией, была подведена его жизнь. Ада увидела в нем Хаула, тонко чувствовавшего юношу, променявшего душу на свободу и искусство. Она помнила, как он плакал на ее коленях, помнила его сверкающие от слез в темноте глаза, как будто ищущие, выпрашивающие прощения… Было неприятно вспоминать все это. Ада видела, как незрела, инфантильна была она и ее любовь. Внутри даже сворачивался комок от отвращения. А тогда ей нравился красивый эгоизм Нико, эта непохожесть, эта претензия на уникальность, будто бы даже непонятость. Было во всем его облике что-то, что вызывало эстетический трепет… Но Нико всегда говорил о себе, и страдал всегда только он, и жизнь чувствовал лишь он один, и любить должны были его, а не он сам. Проведя не одни сутки в размышлениях о возлюбленном, как это свойственно при первых чувствах, Ада в конце концов поняла, что Нико — красивая поза, актер в жизни. Его одухотворяла его материальная оболочка — она порождала в голове зрителя системы из жизнеутверждающих смыслов, привязывая их к себе. Это был прекрасный цветок, но не более. К счастью, Ада быстро осознала это и оставила возложенные на Нико надежды. Появившийся в ее жизни, Фил принес ей настоящую любовь, подарил ей спокойствие, но… было ведь какое-то но. Ада невольно приходила к мысли о том, что потеряла в истории с Нико что-то, что было ее частью. Ей казалось, что тогда, с ним, она была глупее, легкомысленнее, поверхностнее, но наполненнее. И это не давало покоя. Это и откликнулось на слова Андрея.

Нико написал сам и предложил встретиться. Неожиданно для себя Ада согласилась не раздумывая. Филу она сказала, что видится с Андреем. И даже это имя было встречено полным недовольства взглядом. Ада сделала вид, что не заметила его реакции. Ей было все равно.

Она ничего не ждала от встречи, только холодный солнечный свет, полный лимонных оттенков, сверкавший на сидениях, поручнях, полу и стенах автобуса, казался как-то по-новому чистым и ясным, когда она ехала к месту встречи.

Она не видела его два года, да и последняя встреча в памяти осталась, скорее, как сон, а не как действительный фрагмент жизни. Она совершенно по-другому видела мир сейчас. Оглядываясь назад, Ада отмечала, что все ее сознание, все ее мировоззрение как будто

подменили. Казалось, что бывшие мысли никогда ей не принадлежали, она прекрасно помнила, что думала так когда-то, но сейчас никак не могла понять, как это так могло быть в ее голове и как она могла верить в это так. Наверное, Ада надеялась, что Нико способен дать ей ответ. Не сам он, от него самого ничего не зависело — она надеялась на его образ в своей голове, который, может быть, притянется, вырвется из глубин бессознательного навстречу своему оригиналу, прародителю.

Нико ждал ее на скамейке. Как ни странно, Ада сразу узнала его, как только увидела, выходя из-за поворота. Было так странно видеть своего первого возлюбленного, в свете холодного солнца, среди рыжей листвы, в этой аллее из красивого романа. У нее возникла надежда, что что-то ёкнуло внутри нее в ответ на этот образ. Но сразу же мысли дали ей ответ: это была красота картины — огромного количества солнечных лучей, высоких стройных деревьев, двухсотлетней архитектуры и молодого человека в центре композиции, в ком угодно вызывавшего невольный трепет своей красотой. Было живописно.

Едва завидев ее, Коля поднялся.

Он был правда красив.

Почему-то это сразу смутило Аду, ей стало неловко. Она отметила про себя, что ей пришлось собраться с силами и ускорить шаг, чтобы превозмочь внутренние колебания.

— Здравствуй, — улыбнулся он, как будто в кино.

Она улыбнулся в ответ.

— Привет, — произнесла Ада, робко оглядывая его.

Нико изменился. Не было длинных прядей волос, лицо стало острее, шире, мужественнее, так сказать, исчезла хауловская худоба. Его можно было даже не узнать (но не ей). Что-то уверенное и спокойное было в фигуре, осанке, взгляде. Только глаза все так же выделялись, слишком светлые, большие, окаймленные черными ресницами.

— Я так рад, что ты тут, — сказал он, продолжая улыбаться. — Думал даже, что не придешь, захочешь, чтобы я тебя прождал бессмысленно.

— У тебя очень хорошие представления обо мне! — усмехнулась Ада, но его слова действительно слегка укололи ее.

— Нет-нет, прости, — сказал Нико быстро, как бы поправляясь, и схватил ее за локоть. — Это всего лишь мысли вслух и отсутствие знания тебя… Прошу, забудь.

— Хорошо, забыли, — ответила Ада, продолжая разглядывать его.

Он был какой-то прозрачный, холодный. Ему шел этот осенний свет. Солнце отражалось на его мраморной коже, в глазах, как отражается на серебряной поверхности: тихо, холодно, но… Ада вздохнула и остановила себя. Это было только его тело. После Нико она боялась такой красоты, безупречной, подсвеченной, вводящей в заблуждение. Ада избегала людей, которые обладали подобными внешними данными, приводящими в трепет. Она всегда ждала от них подвоха, ведь чрезмерная красивость в человеке, как ей казалось, — это толстый светящийся покров, за которым ничего не разглядишь, потому что этот покров подменяет собой нутро.

— Тебе не холодно? — спросил Нико.

— Нет, — ответила она просто, поглядывая в сторону набережной.

— Пойдем? — угадав ее мысль, предложил он.

— Да.

Было неловко. Стараясь не смотреть на Нико, Ада оглядывала улицу, словно никогда ее раньше не видела. Она вдруг задалась вопросом, зачем вообще явилась на эту встречу. Ей было сложно понять, откуда у нее появились силы и энтузиазм для этого. Прошла минута после встречи. Ада ощутила тягостную скуку.

— Я давно хотел встретиться с тобой, — нарушил молчание Нико. — Хотел поговорить…

— О чем? — спросила Ада.

— Не знаю, — оказавшись в тупике, произнес Нико. — Просто хотел поговорить с тобой… Знаешь, не хватает твоего… вайба, что ли…

Ада взглянула на него. Он пожал плечами. Она ничего не ответила.

— Что ты делаешь в Яре? — спросила Ада.

— У нас здесь был проект с одним арт-пространством: фест проходил неделю. Вещи там продавали, лекции проводили, кино авторское представляли, мини-концерты устраивали, вечеринки… Представь, все еще играем музыку. Редко, но играем. Даже выпустили лонгплей не так давно… Скажешь, идиот? Может быть… Но я в программисты

подался. Занимаюсь сейчас, учусь, один pet project организовал себе, по музыке…

— Какой план? — продолжала расспрос Ада. — Будешь офисным червем?

— Ну почему? — вздохнул Нико. — Думаю свалить куда-то. У меня почти все уехали… Одноклассники, одногруппники. Мне-то казалось, что я не захочу никуда. Но в стране такой мрак, что уже становится невозможно. Да и грустно: мои люди разъезжаются. Оставаться тоскливо.

Аду кольнули эти слова.

— Ты не видишь будущего здесь? — поинтересовалась она.

— А какое будущее? Радоваться тому, что над нами мирное небо? Что все стабильно? Люди здесь не хотят перемен, им не нужны изменения. Многим моим друзьям пришлось уехать, потому что они просто не могут здесь быть самими собой: не могут встречаться с теми, кто им нравится, не могут творить то, что им нравится, говорить, что хочется. Друг из Питера у меня ушел из консерватории потому, что там все в коррупции утонуло, например. Ты слышала эту историю?.. У консерватории отняли здание. Официально уже много лет оно стоит в реставрации, но все преподаватели знают, что его просто забрали! Здание не вернут. И все молчат, все преподаватели молчат. Подневольные люди, бюджетники… И так везде. Ты еще не знаешь, что в театре творится, ты не представляешь, какие плутовские романы там наяву происходят с той только целью, чтобы продвинуть свое произведение на сцену… У меня уехал приятель-писатель. Он старше меня почти в два раза. Уехал, потому что его больше некому публиковать в России… Здесь стало нечем дышать.

— Зато стабильно, — сыронизировала Ада.

Разговор зашел о политике: о пропаганде по телевизору, о старшем поколении, желающем вернуться в СССР, о любовницах и любовниках чиновников, о Путине. А тем временем они уже подошли к Волге.

— Я стараюсь не ходить сюда в холодное время года, — произнесла Ада, помрачневшая и уставшая от все-таки, на ее взгляд, бессмысленного разговора, с желанием сменить тему.

— Помню, как мы с тобой загорали на том берегу, — указывая в сторону Заволжья, произнес Нико. — Давно это все было. Не успеваешь оглянуться, как все проходит.

Ада ощутила, что первоначальная неловкость, явно вызванная воспоминаниями, как будто бы уже и прошла. Хауловский Нико из ее памяти уступил наконец место настоящему человеку, который разговаривал с ней.

Что-то было новое во всем его образе: стало меньше восторженности, поэтичности, загадочности — напротив, стало много простоты, прямолинейности. В Нико не было желания казаться кем-то. Он как бы сам отбрасывал, как маску, свою внешность, пытался преодолеть ее воздействие на ближнего. Ада поймала себя на чувстве благодарности за это и снова пристально вгляделась в его лицо. Она знала, что тот изменится за прошедшие годы, даже была уверена в этом, но то, что происшедшие изменения откликнуться в ней, стало сюрпризом.

— Как Фил? — спросил Нико.

— Ой, Нико…

Ада не хотела говорить об этом с ним. Вопрос вызвал в ней отвращение. Она отвела взгляд.

— Все так плохо? — удивился, слегка улыбаясь, Нико.

Ада взглянула на него.

— Прости, не мое дело, — спохватился Нико.

— А твои как дела? — спросила Ада. — Все еще веришь в полиаморию?

— Ты осуждаешь?

Они шли вдоль набережной, двигаясь к стрелке.

Ада поправила шарф, прячась от ледяного воздуха.

— Нет, — вздохнула она. — Меня, наоборот, это в тебе восхищало. Тогда. Наверное, это признак высокого развития. Психологического…

— Но? — улыбнулся Нико дружелюбно.

— Я так и не смогла развиться до этого уровня. Мне кажется, я все-таки слишком большая собственница.

— Понимаю, — отозвался Нико. — Не думаю, что это для всех подходит… Сейчас у меня никого нет. Да, и в целом давно никого нет. Все, и правда, хотят обладать другим. Была одна девочка… Учится в литературном институте. Пишет прозу. Восторженная такая. Посвящала мне тексты, сравнивала меня с космическими туманностями или чем-то похожим. Носит берет, костюмы, всегда в какой-то плотной ткани. Настоящая героиня Делакруа.

Ада улыбнулась.

— Не очень лестно ты как-то говоришь о ней, — заметила она.

— Что делать? Я от нее безмерно устал. Мы разошлись. Я понял, что эта история не про меня… Кажется, она любила меня… Но в ней что-то отталкивает, почему-то в голову сразу лезут ее пиджаки в клетку, вот эти швы на плечах, которые, не знаю, были слишком жирные, твердые. Я часто думал о том, что наверняка сквозь них просто невозможно просунуть иголку… Это смешно, конечно, мои размышления… Она все время была очень восторженная. Обычно такое меня сразу же отталкивает. Но вместе с тем в ней была еще какая-то красивая жестокость. Я видел, что она полностью сосредоточена на себе. Даже в любви ко мне со всеми этими туманностями. Она восторженна, но все ее восторги очень поверхностны. Наверное, вообще все ее чувства поверхностны. Она даже любила меня поверхностно. Внутри нее все время царствовала мысль, какой-то расчет. Необязательно коммерческий — она просто практична, как я выяснил. Она никогда не делала ничего, что бы не входило в ее планы. Она была защищена от чувств, к окружающим — вообще безжалостна. Даже мой разрыв с ней, несмотря на чувства, она приняла без каких-либо эмоций. Просто «ладно». И все. Думаю, вечером она пошла на поэтический вечер, на который собиралась.

— Тебя это обидело? — улыбнулась невольно Ада.

— Нет, — мягко захмурился он. — Просто я был удивлен своей ошибке. Она была восторженной — я принял это. Оказалась холодной и жесткой внутри — меня это не смутило.

— Ты же сказал обратное!

— Нет, меня оттолкнуло от нее иное. Понимаешь, я даже восхищался ей. Ведь она вертелась в нужных кругах: пила кофе с кем надо, восторгалась произведениями тех, кого надо, выступала с песнями (да, она поет) там, где надо, завела отношения с тем, кем надо (не буду указывать пальцами). Даже мимолетных любовников она подбирала с невероятным расчетом на будущее продвижение. Она умеет ходить по головам, выжимать всю выгоду из того, что имеет перед глазами… Это круто, на самом деле. Только одно, последнее открытие оттолкнуло меня от нее. В какой-то момент я понял, что она глупа, до смешного глупа. Сложная категория — ум, но, я думаю, ты сможешь понять, о чем

я говорю. Она щебечет без конца в своем восторге перед всей жизнью, то ли сознательно, то ли бессознательно уверенно продвигается в жизни, с невероятной ловкостью используя все возможности, но не может отличить чего-то по-настоящему ценного от моды. Она вся — социальная полифункциональность, словно машина, механизм, который, не имея внутри никакого духовного содержания, тянет за разные рычажки, чтобы чего-то добиться. Она все прекрасно понимает, но не осиливает сути… Сложно, да?

— Нет, кажется, я улавливаю, о чем ты, — стремительно откликнулась Ада, выражая интерес. — Человеку нужен человек.

— Может быть, что-то из этого, да… Самое ужасное, что где-то внутри нее сидит забытая маленькая девочка, запуганная и стеснительная. Я видел иногда эту девочку в ее глазах, а вот сама она ее не видит, потому что, как я уже сказал, не видит никакой сути, даже в себе не видит… А может быть, эта девочка и есть самое лучшее, что в ней есть…

— Не слышала раньше таких мыслей от тебя, — проговорила Ада. — Кажется, ты был влюблен в нее все же.

Нико слегка усмехнулся.

— И где же твоя полиамория? — не удержалась Ада.

— А что с ней? — проговорил тот.

Они обошли Стрелку и двинулись вдоль Которосли. Здесь сквозь молодую зеленую листву пробивался и, рассыпаясь гроздьями по асфальту, красиво мозаился мягкий свет солнца. Ветер утих, воздух был нежно-прохладным. Чувствовался едва уловимый запах свежескошенной травы.

— Любовь к конкретному человеку не мешает любить другого, — продолжал Нико. — В каждом есть свой огонь — он и привлекает нас. Огни разные, соответственно, каждая любовь цветет по-своему. Это же Анна Каренина даже говорила: сколько людей, столько и видов любви. Помнишь?

— Ну, ты слегка меняешь смысл этих слов.

— Проблема полиамории, я считаю, заключается в человеческом факторе. Ты правильно отметила, что она требует психологической зрелости. Это ведь не просто свободные отношения с «похождениями» на стороне — это образ жизни. Любовь к каждому человеку без желания

обладать. Я пришел к этому однажды. Я чувствую, что, выбирая что-то одно, ты ограничиваешь себя, заключаешь в клетку.

— А выбирать все не значит выбирать ничего? — прервала его Ада. — Не думай, я не спорить собралась. Просто это сразу пришло в голову.

— К сожалению, мы одни, всегда одиноки. Никакой человек не изменит этого. Когда ты оказываешься способным признать данный факт, перед тобой открывается масса возможностей. Признавать его больно, но полезно. Когда-то я думал, что любовь к человеку — это вся жизнь: такой силой она меня наделяла. А потом я понял: любовь к человеку лишь часть жизни. Есть многое другое, что мы просто обесцениваем. Наполнив это другое своей любовью (а ведь ее источник у нас внутри), мы можем по-настоящему наслаждаться жизнью. Ведь столько всего перед нами открывается. Стоит только признать свое одиночество. Можно наслаждаться каждым человеком, тем, что он, как и ты, свободен, что в нем спрятана сила, отличная от твоей, что он пастырь вечности, дух, вышивающий узор на восточном ковре. Любовь к человеку лишь проявление твоей любви к жизни!

— Это очень красиво звучит, — мягко сказала Ада. — Знаешь, даже странное чувство возникает. Будто окно открыл… А все-таки в чем-то я не могу согласиться.

— Так вот, — продолжил он, кивнув, — у многих так. Даже одного подходящего человека найти безумно сложно. Что тут говорить про нескольких? Так что я просто влюбляюсь, наслаждаясь человеком со знанием, что он вскоре исчезнет, а потом отпускаю. Так что ни о каких отношениях нет речи… К тому же, я все больше осознаю, что в мире нет никакого моего человека. Ведь мы никогда не будем едины настолько, насколько мечтаем. Нельзя утонуть в любви к человеку.

— Этот мир не таков, да, — проговорила задумчиво Ада. — Ты любишь его?

— Мир? — спросил Нико.

Ада посмотрела в его седые глаза. Казалось, в них мелькнул отблеск ее отцветших мечтаний. Кивнула.

— Какие у нас пошли задушевные беседы, — усмехнулся он и задумался.

— Просто ты так красиво сформулировал мысль, — объяснила Ада. — Как будто прочувствовал ее, как будто веришь в нее.

— Я верю, Ада, — произнес Нико. — Я люблю жизнь. Иногда забываю об этом, как и все, но люблю. Я люблю людей, которых встречаю, с которыми делю постель, люблю путешествия, веселье, все так же люблю музыку, особенно, когда создаю ее, люблю вещи, которые мне неизвестны, люблю эти весенние теплые дни. Я люблю свое тело… Да и черт знает, что еще я люблю. Я не хочу любить одного человека и отрезать весь мир от этой любви.

— Я понимаю, — вздохнула Ада, опустив взгляд.

Ей стало грустно.

— Я просто осознаю, что я чего-то в этой жизни не понимаю, — продолжила Ада. — Я не чувствую в себе способности отказаться от идеи любви к кому-то ради любви к миру. Мне откликаются твои слова. Я чувствую, что ты прав, но от этого одновременно я испытываю чувство вины за то, что я какая-то не такая, что я не могу…

— Ты придешь к этому, — мягко сказал Нико.

— А если нет? При мысли об этом я испытываю какой-то неосознанный страх. Кажется, что без любви не останется ничего… Нет, даже… я испытываю нежелание, отрицание, даже гнев отчасти. Я безумно устала от мира. А ты говоришь полюбить его и наслаждаться им. Это снова мечты, мечты…

Последние слова Ада буквально затараторила. Мысли смешались в ее голове.

— Я устала, — с чувством обратилась Ада к Нико. — Я даже с тобой, если говорить честно, решила увидеться из-за воспоминаний о нашей с тобой весне, о том, как видела мир тогда… Кажется, я пыталась любить мир. И пытаюсь. И не могу сказать, что не люблю его. Просто это так сложно, это не как дышать. Ведь в любви к человеку есть дыхание. Ты дышишь полной грудью…

— Ты будто оправдываешься, — спохватился Нико, снова беря ее за локоть. — Ада, ты в порядке? Ты ведь понимаешь, что я это все сказал не для того, чтобы ты почувствовала вину. Ты, конечно, можешь видеть по-другому.

Они немного постояли. Ада молчала. В голове роились мысли.

— Успокойся, — мягко произнес Нико, выпустил ее локоть и, сделав шаг вперед, снова замер в ожидании.

Они пошли дальше. Ада погрузилась в мысли. Вдыхая свежий речной воздух, она пыталась справиться с внезапными чувствами, вырвавшимися откуда-то из глубины. «Наверное, это была паника или что-то подобное», — пыталась она объяснить себе происшедшее.

— Знаешь, возможно, я сейчас позавидовала тебе, — проговорила Ада наконец.

— В чем же? — удивился Нико.

Он был спокоен и прозрачен.

— Ты живешь, — проговорила она. — Не смейся только надо мной… Мне кажется, что моя жизнь превратилась в рутину. Работа, отношения, люди, на которых внутри ничего не откликается. Ты сказал про девушку, которая глупа и не видит сути. Так вот, наверное, я тоже не вижу.

— Тогда почему я вспомнил о тебе, когда размышлял о ней, пытаясь найти причину моего к ней отвращения? — улыбнулся Нико. — Мне всегда нравилось в тебе именно это — способность чувствовать настоящее.

Ада улыбнулась:

— Мне кажется, что больше нет этой способности.

— Все пройдет, — как-то просто заметил Нико. — Может, это просто депрессия? Не думала об этом?

— Думала, — откликнулась она. — Но я не понимаю, что можно с этим сделать…

— Психотерапевт? — посмотрел на нее Нико.

Ада молчала.

Они дошли до парка.

— Посидим на траве? — спросил Нико.

— Да, конечно.

Первое впечатление от разговора о любви и жизни утихало. Ада собралась с мыслями и слегка уколола себя за излишнюю искренность. В то же время она терялась в догадках, как у Нико получилось так сильно вывести ее из равновесия.

Между тем они шли по траве, пробираясь между кустов и деревьев в поисках хорошего солнечного места. Нико брел впереди — Ада медленно шагала за ним, повинуясь траектории его движения. Она

начинала ощущать в себе что-то, что зреет после слез, тихое и светлое. Зелень вокруг двигалась и шелестела, казалась поверхностью моря, расплавленной частью действительности. Деревья же, она, Нико плыли по этому морю, пересчитывая волны…

Наконец Нико остановился у одной из ив и сел в ее корнях, откинувшись на ствол. Ада села на траву, выбрав место без намека на тень.

— Как хорошо, — улыбнулся Нико. — Тепло, солнечно. Всегда бы был май…

— Да, — откликнулась Ада.

Сложно было продолжать разговор после случившегося. Нико был сконфужен и явно не мог подобрать нужных слов. Ада стыдилась сказанного и не находила в себе сил что-то добавить, чтобы исправить ситуацию.

— Вот так вот скажешь что-то, а потом и разговор не строится, — выдала она в результате.

Нико улыбнулся.

— Нет, все хорошо, — произнес он. — Мне, наоборот, очень приятно с тобой. Просто мне не хотелось бы заземлять наше общение, опускать его вниз. Ведь мы забрались высоко.

— Падать иногда полезно, — усмехнулась Ада.

— Тоже верно.

Снова установилась пауза.

— Я бы на твоем месте действительно сходил к психологу, — проговорил Нико. — Тебе нужно просто сбросить с себя это оцепенение. Просто закрой глаза. И выдохни… И не вини себя ни в коем случае.

Что-то свернулось в клубок внутри Ады. Она испытывала отвращение к себе.

— Посмотри, какой красивый день стоит, прямо белый-белый, — улыбнулся Нико широко. — Посмотри!

Он взмахнул рукой и указал на что-то. Ада последовала взглядом за этим жестом.

Парк был будто в дымке пахучих испарений. Сквозь туман из солнечного света и бликов от зелени она разглядела на газоне двух юношей. В них угадывалось что-то староникoвское, хауловское: тонкость линий тела, длинные волосы, чистые красивые лица. Ада заметила этих при-

ятелей, еще когда шла за Нико. Но тогда те просто лежали, о чем-то разговаривая.

Юноши поднялись со своих мест и собирались. Один, навьюченный шопперами и пледом, на котором юноши лежали недавно, помогал другому поправить под футболкой съехавший лечебный корсет. В этом взаимодействии не было никакой неловкости, возникающей от страха физической близости и свойственной даже близким друзьям. Напротив, была какая-то простота, характерная для давней близости душевной. Действия, движения обоих были мягкими, ровными, красивыми. Тот, кто поправлял корсет, делал это как-то особенно молчаливо, заботливо, без вопроса и смущения. Ада поняла Нико. Это было хорошо.

***

Можно ли было предположить, что он окажется на этом месте? Поменяется местами? Ирония судьбы. Оказалось, что быть подлецом в отношениях, безответно любимым, не легче, чем быть влюбленным невзаимно. Нынешнее положение сопровождалось вопросом «А могу ли я вообще полюбить вновь?», а также муками совести, внушающими идею о неблагодарности по отношению к тому, кто готов дарить тебе свою нежность. Со мной что-то не так…

Самое забавное, что все это как-то даже потерялось за обрушением башни на одной из древних карт (теперь даже забавно, что она выпала им обоим, Андрею и Егору, еще до знакомства, в совершенно независимых ситуациях): за новостями, ленточками и листовками, ночными наблюдениями за видом из камеры Запорожской АЭС, митингами и петициями, ненавистью к тем, кто бездумно чернит георгиевские ленты символами латинского алфавита и всем остальным, уже очевидным и претендующим на привычность… Что же развалилось в результате? Было ли что-то, что можно было потерять? Если вглядеться в прошлое, в мгновение-до, есть ли там что-то цельное?.. Испытывал ли *он* то же, что пришлось испытать ему?

Андрей рассматривал потолок. Его удивляло, что он не замечал дыру в нем. Похоже, ремонтники или владельцы квартиры, устанавливая люстру, не совсем удачно вписали ее в навесной потолок. Гладкий белый материал едва заметно расползался у самого края плафона, раскрывая зияющую темноту скрытого ничто.

С улицы доносились приглушенные звуки машин с ЗСД. Было светло: начинались белые ночи. А ведь вместе с ними расцветает и город. Даже Достоевского в его бледной молодости он в это время года сподвиг на написание чудесной повести о четырех фантастических ночах…

А ведь когда-то в таком же преддверии белых ночей он впервые разговаривал с Ваней. Венера…

Так странно, что Андрей давно не думал о нем. Сначала, после *случившегося*, он передумал слишком много, поэтому быстро произошло пресыщение. Так же, как и сейчас с войной, даже самые яркие образы перестали вызывать чувственный отклик. Такое еще бывает с любимой музыкой, когда ее переслушаешь. Образы как будто выгорают, сереют, размокают и превращаются в кашицу, в которой не остается исходной привлекающей структуры. «Приелось», «замылось», «стало тошно» — наверное, так можно это объяснить. Сознание Андрея отринуло мысль о *нем*. *Его* образ, как и образ войны сейчас, был слишком огромен, слишком силен. Именно потому, что это было много, потому, что это было сильно, сознание начало отрицать, уничтожать, стирать… Наш мозг любит спокойствие. Нет, наше Я его любит. ~~Значит, Ваня подобен войне?~~ Он был прекрасен…

А еще, возможно, ему хотелось сохранить *его*, скрыть от глаз, как реликвию, драгоценность, которую хранишь в шкафу и достаешь посмотреть только в памятные дни, как сокровище. Андрей спрятал его образ в колбочке и убрал глубоко в потайной ящик, чтобы в будущем вернуться, опустив серебряную нить воспоминания в омут памяти.

Шуманское «Посвящение» в листовской переработке для фортепиано заставило Андрея вернуться к Венере. Именно сегодня, посреди концерта в филармонии, в кульминационной части композиции *он* явился перед ним в едва уловимой улыбке на лице, свежий и ясный, как всегда, легкий и сопровождаемый прохладным дыханием ветра. Совершенно другой, чужой здесь, казалось бы, невозможный сейчас, в этом тяжелом, наполненном свинцом воздухе.

Андрей закрыл глаза. Такой глубокий сочный синий на фоне, за балконным стеклом, синий, стекающий в черный у самого горизонта. На первом же плане его кудри. Волнующие золотые линии

растрепанных волос, мягко ложащихся на хрупкие, совсем мальчишечьи плечики…

Ваня с первого взгляда напомнил ему ангела, такого, которого ни у одного художника не получалось изобразить. В его ровном лице все сразу поражало мягкостью и нежностью, легкостью, наполненностью светом. Эти глаза сияющей голубизной напоминали тот прекрасный лазурный цвет, который можно увидеть только ранней весной в контрасте с лежащим на земле снегом. Они смотрели на тебя широко и ясно, уверенно и слегка улыбаясь, как будто вопреки и с надеждой. Каждая черточка впечатляла мельчайшей точностью — ни одной грубой линии, ни одной осечки в создании прекрасного. Мягкие, изрешеченные складочками, пухлые губы сползали в круглые невинные ямочки по краям. В улыбке они еще и обрамлялись складками-дугами, от которых можно было потерять самообладание. «Как такое возможно?» — издавало испуганный крик сознание…

Андрей улыбнулся. Разлившееся в нем при прослушивании шуманско-листовской мелодии чувство было горько-сладким, освежающим, весенним. Оно обдавало прохладой и отрезвляло, раскрывая глаза. Весь остаток дня Андрей лелеял в себе это ощущение — ощущение замедления времени, острого чувствования запахов, звуков, цветов и колебаний температуры — нежности… И не хотелось выходить, расставаться с этим состоянием.

Он впервые увидел *его* тогда. Веселого, энергичного, прыгающего, скачущего, одновременно при этом маленького и хрупкого. Напоминающего Венеру Боттичелли, что, кстати, Андрей заметил в их первом сумеречном разговоре с Ваней, на что и получил ответ, что все его так и зовут — Венера. Магическое имя…

Потом он предстал ему в другом цвете — в ярком красном: распростертый на белых тканях под объективом, нежный и насыщенный, словно недавно пробудившийся пион. Как Андрей ни старался, в снимках не отражалось того, что видели его глаза, что жило, дышало, извивалось прямо сейчас перед его глазами вне рамок матрицы. Венера был совершенной, гениально проведенной одним из его собственных карандашей, тонкой линией, соединенной в эскиз Эгона

Шиле. Фотография же разрушала эту линию. Распушенные, растрепанные, свободные облака волос, ровный лоб, маленький прямой нос, закрытые в экстазе глаза, очерченные юношескими ресницами, аккуратно ниспадающие покатые скулы, вздымающиеся в дыхании губы. Худые руки, широкие ладони с тоненькими бледными пальцами, заляпанными маслом, изгибающийся, заорнаментованный ребрами хрупкий корпус с проваливающимся натянутым животом. Все — лишь хрупкость, лишь мягкость, лишь нежность, пропитанное солнцем, жизнью, влагой. Дышащее в лицо молодостью, восторженностью, ясностью, радостью…

Андрей ощутил легкое покалывание где-то на уровне носа, какое-то скомканное, пойманное чувство родившегося и мгновенно умершего желания пустить слезу, как при просмотре цепляющего фильма или при чтении красивой, но печальной книги. Оказывается, оно все еще было живо, даже после прошедшего…

Тогда, в ярко-синем полумраке балкона, пока все остальные либо ушли гулять, либо улеглись спать, Андрей говорил *ему* что-то о христианском и языческом, античном мировоззрениях, сопоставляя их с дионисийским и аполлоническим началами в человеке. Венера восторженно слушал, укутавшись в желтый плед.

Сейчас у него не получалось восстановить логику тех мыслей. Андрей даже сам удивился, как у него получалось разделить христианское и античное, ведь это же очевидно, что одно невозможно без другого. Чувствование и рационализация? В этом различие? Тогда он зачитывался Мережковским. Наверное, поэтому проводил такие разделения.

Андрей отчетливо помнил, как внезапно Венера нарушил свое слушающее молчание и сказал что-то подобное:

— А меня вот не оставляет вопрос, проблема. Мне пришло это в голову год назад. И не дает покоя. Вот символом, эмблемой христианства является распятие: крест и Иисус на нем, с распростертыми руками. Это ведь иллюстрация самой страшной сцены из Евангелия. Это материализованный момент убийства бога людьми, которые должны были его спасти как самое хрупкое и нежное на земле. Это материализованная ошибка, грех, если можно так выразиться…

И этот символ, этот распятый Христос олицетворяет учение, которое должно было нести спасение, освобождение, радость. Сложно говорю, сам запутался… Лучше так: люди носят на шее этот символ. Из века в век. Получается, человечество продолжает страдание Христа. Заставляет его слиться с крестом. Для христианина, следовательно, истина невозможна без гибели, жертвы лучшего из лучших. Христианство требует этой казни. Казнит в вечности. Христианство воспевает любовь к Христу, но не представляет любви без его гибели. Материализацией страшнейшего преступления человечества оно добивается вознесения. Люди будто не готовы, несмотря на слова, исправить своей ошибки, да даже увидеть ее не в состоянии… Вся эта идея открылась мне внезапно, буквально проступила сквозь одну фразу, родившуюся на ровном месте: «Снять со креста!». Мне показалось это откровением, решением вечной муки, которую продлевало христианство на протяжении столетий. Если это учение о любви, то Иисуса нужно спасти, снять с креста. Если любишь…

Он оборвался. Но Андрей и без этого почувствовал, что внутри что-то дрогнуло, дало трещину…

Перед глазами вновь промелькнул красный. Самый цветочный из цветочных цветов. Самый живой из живых. Цвет жизни. Напитанный соком и теплом, он будто бы окрашивал всю эстетику Древней Греции и переплетался с образом Венеры. Андрей вспомнил, что эта ассоциация жила с ним на протяжении всех отношений с Ваней. Он видел в Венере то самое дионисийское, телесное, витальное, поющее и танцующее, свободное и парящее, словно бабочка на ветру. В себе же Андрей находил лишь иссохшего, разочарованного Фроло, стремящегося, поддавшись заверениям Платона, познать истину через разум. В этом и причина конечной боли…

А Венера тем не менее уже тогда не понимал его, живо откликнувшегося на высказанную мысль. Он кивал головой, улыбался и что-то, как палочкой по песку, вычерчивал пальцем на запотевшем стекле окна. А потом внезапно заговорил о коллекции фигурок по античным сюжетам, которые отыскал на Уделке.

Андрей усмехнулся. Ваня любил собирать различное ненужное барахло. Он скупал все безделушки, которые в моменте по каким-то

причинам казались ему красивыми. В белой комнате на Петроградке у Венеры было бесчисленное множество плюшевых игрушек, с десяток старых пленочных фотоаппаратов, коробка виниловых пластинок (несмотря на отсутствие проигрывателя), полка, заставленная горшками с различными цветами, выставка из фигуристых пустых бутылок с сухоцветами внутри, библиотека странных книг, среди которых можно было найти и детскую азбуку начала двадцатого века, и роман на японском, и справочник для кораблестроителя, и нотное издание, и сборник узбекских сказок. Отовсюду свисали какие-то ожерелья, медальоны, на каждом пустом месте располагались разнообразные светильники, вокруг огромной кровати расстилалась гирлянда, неоднократно пострадавшая от шагов незадачливых гостей (Андрей помнил треск раздавленных плафончиков). Шкафы же ломились от бесчисленного множества футболок, свитеров, свитшотов, кардиганов, джинсов, шорт, брюк, спортивных штанов и другой непонятной одежды, не имеющей адекватного наименования. Скомканная, часть этого секондного тряпья постоянно валялась в углах комнаты вперемешку с такими же бесчисленными парами обуви и со всякими другими побрякушками, например, с дудочкой, которой при покупке гордился хозяин и о которой забыл через неделю. У стен рядами выстраивались картины Вани. Стол и пол рядом с ним был завален многочисленными эскизами, скомканными бумажками, скетчбуками. В паркете между деревом проглядывались осколки угля, карандаши, обрывки стерки…

Андрей вспомнил, как утром солнце ярко освещало внутренность этой комнаты с тремя окнами, как там было жарко летом и томно ночами, несмотря на врывающийся с улицы вместе с голосами и музыкой прохладный ветер…

Из глубин памяти всплыли лица людей на показе в Академии, серые плиточные полы прокуренных коридоров, витиеватая планировка с загадочными лестницами, ведущими в тупик, мастерские, днем наполненные снобизмом мастеров, а вечером — попсой и дешевой выпивкой. О-о-о, он любил попсу. Заслушивал Мадонну до дыр. Подпевал ее «Ray of light». Обожал Scissor Sisters. Особенно когда приходил в свое экстатическое состояние с переодеванием в закастомлен-

ные собственноручно костюмы и с суперстранным гримом…

Если бы я был таким, как он… Понимал ли он ценность той силы, которая была вручена ему в дар природой? Андрей повернулся на бок. А все же я остался ненужным ему…

Он вспомнил, как Ваня сидел перед ним на коленях, среди скомканного постельного. Рухнувший и разбитый после тяжелого разговора. На ресницах, отражая уличный свет, сверкают слезы. Глаза огромные, круглые, словно Земля посреди пустоты космоса, в темноте. Худые плечи дрожат, дергаются от рыданий. Пальцы упорно и безрезультатно цепляются за простынь, как будто в ней есть утешение. Ему, наверное, холодно. Андрей пытается его укрыть. А Венера в ответ смотрит прямо в душу своими страшными детскими глазами, и губы, содрогаясь вместе с телом, произносят:

— Прости, я не могу… Не могу…

Андрей не мог его ненавидеть… Что было там внутри? Он оставался невозмутимым произведением искусства Возрождения, вечным духом, секреты которого недоступны…

Венера постоянно менял фоны: на крыше с фруктами и вином, на берегу Ладоги с бутылкой энергетика, у залива с бумажными корабликами, на железных перекладинах моста через Неву, на закрытой вечеринке питерской богемы с чупа-чупсом во рту, в дорогом особняке с красивым шампанским, которое «жрать»… Вечно двигающийся, бегающий, неунывающий, сам себе на уме, парящий в облаках, не боящийся ничего, восторженный, всегда в окружении людей, вечно рисующий что-то. Человек, который любит всех. Человек, который любит жизнь…

Андрей ведь влюбился в его видение мира: в способность превращать окружающую реальность в холст и разрывать его, запечатлевать удачные случайные сочетания цветов, игру светотени, внося повседневность в одухотворенное вечное, ловить красоту момента и впитывать ее, сохраняя. Это было что-то незнакомое. В этих ясных голубых глазах было истинное, неиспорченное чувство — в них не было никакой мысли. В них была только сила творца, непредвзятость художника. Любовь. Настоящая любовь к миру, любовь ребенка, Адама, увидевшего свет впервые, всеохватывающая и разрываю-

щая его изнутри, словно песня…

Андрей тяжело вздохнул и почувствовал, как нежность, разраставшаяся в нем все это время, окутала его взор и материализовалась в виде несформировавшейся слезы, смочившей глаз. Это было что-то надорванное и невозможное для выражения.

Куда все ушло? Почему ускользнуло? Разве может сравниться то, что было с Егором, с *тем*, прошедшим? Разве может сравниться в целом его жизнь с *той* жизнью? И возможно ли существование в этом новом, диком, железном мире после *того*, исполненного солнцем и воспетого Эосфором и Геспером?

***

много говорил, много стеснялся, много пил чай — огонь горел в чайничке — щелкал выключатель, самоуверенно молчал торшер — за окном великий взрыв — мы мчимся в космосе — космический корабль потерялся, сбился с маршрута — экипаж мертв — осталось только отключить подачу кислорода — тонкая пелена покрывает горячее молоко с медом — нет ни одного горящего окна вдалеке — так и гаснут звезды — цветы тоже спят, собирая свои цветы — так у детей сворачиваются кулачки — по ногам скользит холод — медленно вода проникает в дом, опускается на дно подводная лодка — измокли ноги в сквере под дождем, стекает со лба бесформенный поток — исчез, истлел, испелся вечер — ноют ноги, кажется, все это обман — боже, как я запутался! что мне делать? что мне делать? обломалась подпорка, раскололся ствол — яблоня опрокинулась, несет яблоки, вечно замерев в разрушении — «чтобы выполнить физическое упражнение, не обдумывай его» — желтый свет спортивного зала — худоба и ребра — а ноги такие смешные — их нужно всегда открывать заново, потому что они слишком далеки — теряются в тумане — грохот — только что ты стоял, но лежишь, исходит бурей вода в ванной — лес освещается розовым светом — если прекратить говорить, сохранишь ценное — зачем мы говорим? в ушах молчит вода, а небо теряется перед глазами, стесняясь облаков — перья осыпают порошком, закручивается барабан — я сижу и смотрю — так долго длится секунда, в ней коренной смысл — не вернуться, не найти пути назад — вихрь закручивает листья —

***

Распускается в камне бутон лилии, протискивающейся сквозь влагу и ил, раскрывается цветок, протягивая свои аристократические лепестки к устремленным на них болотным взорам. Виднеется под копошащимися сгустками паразитов остов надломленного хребта разложившегося древнего гиганта. Растасканное по кускам на острова детище дикого русского просвещения оглушительным шумом встречает новый день под звуки, вылетающие из-под быстро двигающихся пальцев Залины, играющей на пианино в своей угловой комнатке у Финляндского вокзала.

Мягко падающий летний луч тем временем, обрезанный крышами соседних домов, падает на перекресток, обозримый из окна. В тени, в голубоглазых оттенках, все еще чувствуется прохлада раннего утра. На солнце же поверхности уже нестерпимо горят, обжигая тем неприятным, не радующим глаза, поблекшим, испепеленным цветом, который торжествует в начале лета. Тоска разливается в воздухе, мягкость податливой ночи медленно отступает, предвещая очередной знойный день.

А тем временем музыка угасла. Накинув куртку, Залина вышла из квартиры. Вот она мучается с замком. В парадной пахнет сыростью, напоминающей о мхах. Из углов несет холодом. Бросив наконец возню с замком, Залина спускается по лестнице, растекающейся, словно во сне, по цепочке ДНК.

Она выходит на улицу и сворачивает в соседнюю дверь, в круглосуточный магазин.

Смуглый парень в серо-зеленой кепке поднимает на нее взгляд. Пыльный, серый, только глаза ярко-зеленые выделяются, и усики глупые привлекают внимание, напоминая собачьи бои Иньярриту.

Залина здоровается, хватает хлеб, печенье, шоколад и подходит к кассе. Продукты пробиваются. Залина прикладывает карту.

— Извините, — произносит она. — Я недавно переехала в этот район. Скажите, пожалуйста, а какие здесь люди? Много маргиналов?

— Наркоманов, что ли? — поднимает бровь продавец.

— Ну, например.

— Да тьма, — чеканно отвечает парень, не смущаясь.

В магазин заходят двое парней.

Залина, взглянув на них, усмехается про себя, что как раз так бы она и изобразила наркоманов. Те, не удостоив ее внимания, подходят сразу к кассе.

— Чего вам? — спрашивает продавец, явно узнавая товарищей.

— Как обычно, — отвечает один из вошедших.

— Косарь, — буркает кассир, что-то вытаскивает из-под прилавка и вручает в обмен на купюру.

Парни скрываются.

— Так вы и барыжите? — остолбеневшая от увиденного, спрашивает Залина, вовремя не остановив свой язык.

— Ну да, — все такой же легкий ответ.

А на Университетской набережной уже выстроилась толпа из устриц в пыльных ветровках — в цветочных блузках, с символами Audi, Abidas, Guchi, Channel, обязательно прямого кроя или же с тремя полосками, с особой ценностью, если в виде триколора — все пестрит и болотится — глазки-пуговки пугливо выглядывают из-под жировых складок, в любой момент готовые обернуться чудовищами для подручных, затерявшихся в тени детей («А ну стой ровно! Не бАлуйся!») — бульдожьи щечки подергиваются от серьезных, политкорректных, вежливых высказываний («Я вот сто лет по каналам не каталась. Сережу вот вытянула!») — всегда голодный взгляд спутывается с готовностью есть с любой руки, желательно по щучьему велению — умные, зазубренные Трезини и Растрелли перемежаются с ярко-подчеркнутым самовлюбленным мнением, высокомерием, от которого гора идет к Магомету — тут Лазарь отдыхает — каждый из них Иисус, готовый по щелчку стать Пилатом — они смотрят друг на друга сверху вниз, видя вокруг бюргеров, изображая добродушную улыбку и сочувствие матери Терезы («Ну, конечно, вы молодцы. Нужно, нужно разгонять кровь!») — выносят приговоры и распределяют божественную милость, расщепляя обязанности мойр — в толпе нечем дышать от испарений масок, обманывающих своих владельцев стразами поддельных, пустотелых духовных эмблем, заставляющих выдавать знания за категорический императив — даже свежий реч-

ной ветер не способен остановить этого охваченного сладострастием карнавала, который, уже встретив и проводив Бахтина, не имеет в себе границ.

Один из них, затерявшийся в улицах Васильевского острова, где-то на Большом, держась за резиновую петельку для повешания в час пик, ~~никак не влезет в промежность двух сторон, составляющих бесконечность,~~ терзает соседних пассажиров вопросами об истории города и нравоучениями о том, что позорно не знать, когда и кем по-настоящему был основан Петербург (не Петром, а Рюриком!), каким являлось его допетровское имя — испуганные глаза глядят из углов, словно обескрыленные птицы — убегает смущенная, придавленная молодежь (каждая остановка — *выдох*) — а любой в автобусе уже знает, что мужик прибыл из Нижневартовска, *с периферии, как у вас тут принято говорить*, что он точно знает больше о городе Петра, построенном на останках древнего мегаполиса, чем зажравшиеся петербуржцы — кто-то громко говорит: «Это провокация». *А вы знаете, где похоронен Рюрик?*

Андрей выбирается на свободу на Василеостровской. И тут уже божьи коровки скребутся о пластиковые ведра и газеты, рассыпая чудеса своих грядок — одна вот занимает каширный постамент бывшего дорожного знака, опуская в обрезанную пятилитровку кое-как оборванные ветки сирени, и раздвигает уставшие от скуки ноги, демонстрируя всей честной публике свое эротическое белье — а на аллее, в пятидесяти метрах, под аккомпанемент оглохшей от колонки скрипки танцует стриптиз хорошо проведший ночь, постаревший мечтатель из подполья, должно быть, стремящийся вдохновить обнаженкой уныло бредущих мимо студентов Академии.

Андрей же мчится метеором по лестнице ко входу в метро — его раздражают люди, мельтешащие под ногами — он обгоняет их, внутренне срывается на бессознательность толпы, сам одержимый жаждой успеть, будто Ахиллес, догоняющий черепаху.

Это неважно, потому что в его мысли даже и не приходит, что в этот момент на Владимирской открывается музей Достоевского, заходя на дежурство и перенимая эстафету у находящейся в соседней парадной вебкам-студии, из которого выходит слегка опьяневший

после тусы Егор — его сопровождает компания веселых девушек, уговаривающих друга поехать с ними на хату — но вдруг Егора толкают в плечо — женщина в джинсовке агрессивно, с толчками, проходит сквозь веселую группу ребят, обрывая их хохот повседневными словами «Дайте пройти, козлы!» — Егор возмущается, рвется в бой — в ответ лишь священная молитва «Иди нахуй, гондон!».

А Вера Николаевна тем временем готовится выйти из трамвая на остановке и наблюдает из окна, как в причудливом беззвучном танце кем-то выпущенная из трипа женщина кружится, то поднимаясь на тротуар, то сползая прямо к машинам — она управляется мимолетными дуновениями ветра — в домашнем халате и расстегнутых джинсах, простоволосая — колышется, словно шаровая молния, ожидая сквозняка, чтобы взорваться и вдохновить заблудившегося на Ржевке Рихмана — она часть уличного пейзажа, яркий элемент, как горящий над ней баннер с тегом #СвоихНеБросаем — к тому же, феномен для окружающих, которые проходят мимо, изредка оглядываясь и смеясь — а молодой человек (явно посланный компанией у кабины водителя) толкает Веру Николаевну в плечо и спрашивает: «А вы знаете, что я от Вас сошел с ума?» — Вера Николаевна разливается своей улыбкой и отвечает: «Ну так Вам не ко мне. В психушку!»…

Залина выходит из магазина. Из подъехавшего прямо к ее парадной такси вылезает двое мужчин. Оба изрядно пьяны. Один едва стоит на ногах — его поддерживает другой. Таксист что-то кричит вслед пассажирам. Залина приглядывается: огромное яркое синее пятно четким очертанием украшает междуногие синих джинсов поддерживаемого товарища. Водитель выскакивает из машины и несется с криками к удаляющимся. Те не реагируют на его слова, продолжая свой путь (*У самурая нет цели!*).

Залина замирает, ожидая момента, когда дверь в парадную останется вне досягаемости наблюдаемых особ, затем ныряет внутрь подъезда и мчится по лестнице наверх, желая уже спрятаться в своей комнате.

По дороге женщина и мужчина в кольчуге с рынка встречают ее словами:

— О, а ты кто по национальности?

— Башкирка, — отвечает ошарашенная Залина.

— Я так и поняла, — уверенно ответила женщина.

Залина засмеялась от неожиданности.

— А из какой квартиры? — спрашивает мужчина.

— Из третьей, — все так же смеясь, отвечает Залина.

— У тебя соседка — алкоголичка, — уверенно глаголит истину тот.

— И мужиков водит! — выдвигая из-за век и так огромные глазные яблоки, восклицает хрипло женщина.

— Бабушка? — удивляется, хохоча, Залина.

— Кто?! Бабушка?! — взрывается мужчина.

— Бабушка — одуванчик! — подтверждает его спутница.

— Как вы? — заливается смехом Залина.

Заблудшие путники игнорируют ее вопрос и молча продолжают путь, оставляя девушку в одиночестве. Залина подходит к двери и поворачивает ключ.

Оказавшись в безопасности, она падает на кровать и вздыхает, наблюдая за потолком. Смотрит сообщения в Телеграме. Андрей поехал на пляж… Тоже нужно бы выбраться!.. Нет, надо учить!

Залина отбрасывает в сторону телефон и садится за пианино. Какофония успокаивается — музыка продолжается.

Тени на перекрестке уже почти исчезли. День входит в полную силу. Мелодия понемногу выстраивается в ровный ряд, начинает звучать увереннее и громче, стремясь прорваться сквозь шум проезжающих машин.

Эти звуки клавишных слышит маленький Тимоша, опустивший голову на колени мамы. Под тенью крыши автобусной остановки она читает сыну вечно жизненного для русского «Робинзона Крузо», приглаживая светлые кудрявые волосы на голове мальчика. Шум перекрестка, музыка и ровный голос звучащей литературы вводят Тимошу в дремоту, помогают отдаться жаре и отпустить время.

***

Белая разделительная линия трассы скользила перед ее глазами у самого краешка оконного стекла. В автобусе было шумно: коллеги с дальних сидений активно что-то обсуждали и смеялись. Сидящая ря-

дом Маша, натянув на глаза маску для сна и вставив в уши наушники, дремала на плече Ады. Только полчаса назад она активно рассказывала о том, как долго выбирала домой робот-пылесос.

Ада думала о своем. Заснеженные поля проносились мимо ее глаз и сливались с мыслями, которые были слишком душны и тяжелы, как воздух в салоне.

После встречи с Нико между ними завязалась переписка. Она носила какой-то философски-психологический характер. Обсуждали человека в любви и вне ее, возрастные изменения в особенностях социальной адаптации, трансформации ценностных ориентиров, эстетических и этических взглядов. Нико активно реагировал на страхи, переживания, сожаления и робкие надежды, которыми Ада с ним делилась. Ей нравилось, что они не воспринимались как что-то надуманное, созданное от скуки, как это было в случае разговоров с Филом. Нико внимательно относился к ее сообщениям, старался отозваться на каждую мысль, выстроить полномасштабное размышление.

Все это для Ады было очень странно, внезапно и, как она себя не корила, подкупающе. Ей хотелось переписываться, говорить с Нико. Накопленное внутри стремилось вырваться, найдя отклик в другом. Но Ада никогда не писала первой — на этом она настояла для себя.

Внешне же все продолжало идти своим чередом. Продолжалась работа с бесконечными статьями, молчаливые отношения с Филом, звонки матери, встречи с сестрой, вылазки в кальянную со старыми приятелями. С Нико Ада не виделась: в этом она тоже себе отказала.

Сначала ей казалось, что случившееся при встрече объясняется возвращением прежних чувств, однако позже эта догадка в ужасе была отвергнута. Ада не могла его любить. Она чувствовала, что просто нашла сопереживающую ей душу, способную выслушать и понять, человека, которому еще не надоела со своими бесконечными проблемами. Это было похоже на правду, еще и на правду успокаивающую. Однако Аду пугала возникавшая зависимость от сочувствия другого человека. Нико как будто снимал с нее ответственность в некоторых вопросах, что пугало, потому что от этого становилось страшным образом легко и радостно, так сильно, что накатывали слезы. Его слова успокаивали: все пройдет, отцветет и разрешится.

Тем временем приблизилась командировка в Нижний. Узнав о ней, Нико объявил, что поедет за ней следом, чтобы без тревог для Фила встретиться еще пару раз. Ада не возражала. Где-то глубоко внутри она понимала, что все это неправильно, нехорошо и опасно, но, как ей было свойственно, Ада, охваченная душевной бурей, отвернулась от этого чувства, сделав вид, что не замечает его. Она знала такие свои реакции и считала, что они всегда возникали тогда, когда нужно, тогда, когда наступало *то самое* время.

Аду пугала перспектива назревающей измены, но казалось, что все в ее руках: всегда не поздно остановиться. Она хотела насладиться человеком, который, как было хорошо известно, мог исчезнуть в любое мгновение. Жизнь была уныла и глуха, как белые пространства за этим грязным автобусным стеклом, так почему же не воспользоваться шансом устроить себе маленький праздник настоящего духовного общения? Так размышляла Ада, все двигаясь по кругу в логических цепочках.

От тяжести мыслей об измене она перемещалась к бесчисленным оправданиям и доказательствам в пользу продолжения общения с Нико. «Все прекратится после Нижнего», — обещала себе искренне Ада.

***

я терял дар речи — я терял свой взгляд — я забывал, как дышать — а в животе скручивалось и выжималось — откусив от нектарина, готовишься к тому, что сок потечет по запястью — где углы? синие оттенки — лики на стенах — широкая рука, способная раздавить ее, аккуратно складывающая салфетку — закинута за плечо — губы плотно сжаты — скульптуризированное умиротворение с детскими глазами — оно льется передо мной — струится источник, разливая, выжимая лимонный сок — кислота жжет кожу — болит голова — серый, запущенный день — все сердце разлилось по небосклону — догорает необратимо закат, оставляя лишь холодные мрачные тени — медленно вращается музыка — приближается черная дыра — отрываются куски, распадается мозаика, размазываются краски — страстно отдавая, я ощущаю, как ветер отгрызает мои следы — рвутся волосы, запутавшиеся в зубьях расчески — невозможно уснуть — меня здесь нет — только иное — стрела, пущенная к ядру — сияет огонь в темноте — мечтательно и бессловесно мерцают звезды в ясном ночном небе — мне холодно, прижимаю

красные пальцы к разгоряченному лицу — эти руки касаются меня — разлетается, как бомба, слеза в блике светлых глаз — снег кружится над головой, оседает в волосах — не тает, оставаясь со мной до конца, до стеклянной двери, до пути наверх — старые газеты сворачиваются в огне, распространяется дым — бьется о стенки серый поток — отдай мне игрушку — не удержишь — не отпущу — зачем, если есть этот свет? один лишь луч способен вскрыть недра, обезоружив — расколотое яйцо обращается облаками — не выбраться — раздувает песок ветер — залиты сладостью веки, опускается занавес — а я гляжу на переливы красного бархата — в нем запутался зеленый таракашка — оно живое!

***

Здесь пели птицы. Словно пиксели, резкостью отдавали оттеночные перепады листвы. Солнце растрачивало себя на ветки, так и не достигая тропинки из массивных каменных плит, рассыпаясь на тень.

Освободившаяся от духоты электрички толпа, как содержимое воспаленного желудка, вылилась на платформу и потекла по отведенным каналам по лесистой территории. Скинув с себя бремя жара, люди усиленно вдыхали прохладу, предвкушая отдых.

— Какой воздух! — со всех сторон. — В городе такого нет.

Фреймы, рамочные конструкции наших представлений, коммуникация, состоящая из поведенческих и речевых паттернов. А как существовать искренне? Если все уже сказано, зачем говорить?

— Я вот что скажу, — со стороны прилавка с мороженым. — Нужно мочить всю эту либеральскую мразь… Действовать жестче надо!

— Да. Вот и я так думаю, — громко, самодовольно, по-императорски. — Пустить разок ядерку в ход. И покончено!

Кот на сметане. Чувство отвращения. Могут ли речи вонять, как что-то материальное? У него воспаленное обоняние. У Хемингуэя, кажется, было то же самое. А еще он чуть не застрелил отца… Почему я должен курить, чтобы не мучиться от вони? Непонятно, как можно зависеть от сигареты! Чтобы бумажка с высушенной травой и губкой руководила твоей жизнью?! Зависимости… они отдаляют осознание. Вот дельфины же не курят… Может, они поэтому имеют талончик на будущую цивилизацию, по мнению Черниговской? Или

потому, что наслаждаются сексом? В сексуальной, животной энергии сосредоточена жизненная сила, Эрос, либидо! Тогда почему мы все еще ее отвергаем? В стремлении к смерти спрятана загадка смысла… Не выше ли в таком случае Танатос Эроса? Горечь соприкосновения с небытием пахнет упоением… Может, эволюция направлена на сближение со смертью и разрушение границы, за которой она прячется? Мечта человека не о жизни, а о смерти в вечности!

Пошлое советское строение и пошлая толпа под верхушками сосен. Чистый и переполненный воздухом лес молчит, не замечая текучие бессознательные массы. Деревья смотрят, качаются из стороны в сторону, медитируют, протягивая ветви в стороны, стремясь обнять пространство, отражая страсть корней к подземному миру.

Может, он бежит от людей? Что ускоряет этот шаг, как не ненависть к медлительности, спокойствию большинства, как не желание успеть, схватить, не пропустить? Но что?

— Ну ма-а-ам! — со скамейки из перепачканного мороженым рта.

Лавочки, тропинка, кусты, санаторные таблички — все пошло. Все больно, как той женщине под колесами поезда. *Молчали желтые и синие, так мчалась юность бесполезная, в пустых мечтах изнемогая*… Все мы немножечко лошади, все мы немножечко романтики. Или множечко.

Голоса людей сплетаются, превращаются в неразберимый гул. Когда ничего непонятно, это становится красиво. Когда, например, смотришь на свой почерк, отвернув страницу от себя… Примечательно, что перед сном после долгого трудного дня в голове иногда, если настроиться на определенный участок сознания, звучат разные голоса. Невозможно, прямо как сейчас, разобрать содержание их речи, но звук, особенности каждого отдельного звучания, когда-то услышанного и выхваченного из реальности, запоминаются и воспроизводятся почти в совершенном подобии. Отвлекаясь от того, о чем и что говорят, можно наслаждаться этой живой жизнью. Наверное, так люди интереснее. Когда представляются муравьями, суетящимися по воле неведомой силы. Человек в отдельности, конечно, интереснее. Нет, это существо эстетическое. Бесплодное, обреченное заранее желание преодолеть небытие, отсутствие… Поэтому шум и ярость,

фейерверки и канонады. Но так чрезмерно, что иногда не слышно собеседника в телефонном разговоре.

Рассеявшись на капли, испарившись отчасти, толпа двигается к берегу. Андрей оббежал ее, достигнув ступеней, теряющихся в песке, раньше большинства. Не только же минусы есть у жизни меньшинств! Скинув сандалии, он вытянулся и глубоко вздохнул?

Что же он вдохнул? Чем наполнен был воздух этого «курорта»?

Это был плавленный на солнце мягкий мелкий песок, охлаждаемый наплывающими лениво волнами утреннего залива, это были деревья, тихие и маленькие, вежливо уступающие место пространству и воде, это были люди, лежащие под полями огромных грибоподобных шляп, поправляющие синие плавки при выходе из воды, перекидывающие лениво резиновый мячик, поедающие фруктовые, мясные, бутербродные, снековские и другие запасы на клетчатом / полосатом пледе, совершающие ежедневную пробежку / прогулку с лыжными палочками, выгуливающие собаку, катающиеся на велосипеде, растекающиеся на шезлонге, попивающие вино в знак начавшегося отпуска на террасе прибрежного ресторана, разгуливающие голышом среди кустов напротив игровой площадки, присматривающие за детьми, выстраивающими очередной куличик-на-куличике… И все это тонет в плотной, вязкой толще приморского, наполненного влагой воздуха, не допускающего шума. Все это происходит на фоне морской глади, мягко растворяющейся в небесном своде. Выколи глаз — даже слепой не разберет, где это полоса, разграничивающая земное и небесное. Наверное, потому что все небесное по-настоящему земное.

— Вот теперь и моя любимая IKEA закрылась, — первый, голый, коричневый, как копченая сосиска ~~что у него между ног~~, у воды.

~~Есть идея — рады за вас, последний день Икеи~~. Андрей слегка замедлил ход. Прислушался.

— Представьте, вычитал в газете, что, оказывается, IKEA сотрудничала с гитлеровской Германией, что ее создали нацисты. Что только не напишут! Чушь несусветная… Повезло, успел заказать себе кухню до ухода.

— Говорят, — второй, маленький, толстый, менее «черный», — что мебель все равно можно через посредников достать.

— Где русские не пропадали, — третий, седой, одетый в хлопковый серый костюм.

Вот так.

Андрей искал укромное местечко. За игровой площадкой среди одиноких кустов и заброшенных грибов-зонтиков был дикий пляж — можно было расположиться в тишине.

— Здесь ведь велись бои в финскую кампанию, — импозантный молодой старичок с пузиком и в очках бордовой кудрявой даме ~~(флиртует старый женский угодник)~~. — Да-да. Вы не ослышались! Прямо на этом побережье! Здесь проходила линия Маннергейма… Мы отстаивали, чтобы камни сохранили. Долго протестовали, писали бумажки. Бесполезно. Разобрали все, перевезли. Часть камней просто растащили. На память…

Андрею вспомнились финны в метро во время какого-то из последних чемпионатов мира. Большие, похожие чрезвычайно на русских мужиков, но более пьяные, развязные, ведущие возбужденный разговор, полный того вида смеха, который из-за одной искры со стороны может обернуться яростью. Как культурно и кротко смотрелись русские пассажиры на их фоне! Один из финнов тогда из смеха уселся на колени какому-то пареньку, переживающему за свою девушку, прижавшуюся к нему от невольного испуга. Огромная гора костей, мышц и жира взгромоздилась на это щупленькое двадцатилетнее существо, чувствуя свое физическое превосходство и поддаваясь соблазну сыграть эту веселившую товарищей сценку, а то еще набралось храбрости вежливо оттолкнуть чересчур разошедшегося иностранца и жестом дать понять, что так делать не стоит…

Линия горизонта начала проявляться, откуда-то справа, медленно, едва заметно, чтобы неискушенный человек ни о чем не догадался.

Найдя подходящее место, у раскидистого куста на холме, Андрей расстелил плед (в цветочек), достал запасы (фруктовые), бросил Акутагаву на телефон и стал совершать чудеса стриптиза, ничуть не смущая о чем-то спорящих неподалеку чаек.

Как же было это хорошо! Год назад он часами млел здесь под солнцем, перелистывая страницы «Подростка» Достоевского, поедая абрикосы и персики и переваливаясь со спины на живот и наоборот.

Андрей накрывал лицо своей белой безрукавкой, и под полупрозрачной тканью весь верхний мир превращался в огромное сияющее нежно-голубое пространства из света и тепла. Тело утопало в мягкости песка, а ветер заглушал шум разрозненной по пляжу человеческой паствы. Андрей дремал, теряясь в складках времени. Однажды ему даже показалось, что время сплющилось и оторвало от его жизни кусок, унеся его безвозвратно вместе с ветром. Тогда два часа почему-то сжались в ощущение пятнадцати минут, что отразилось в памяти как что-то сверхъестественно-загадочное.

Сейчас все изменилось. Мир как будто отступился до поры до времени. Он отделился, точнее, наоборот, люди отделились. Слишком сильно выделилось их Я, очерченное грубым движением наступившего времени. Неудивительно, что разрыв человека и природы связан с потерей им вечности. Временение времени — функция обособившегося мышления. Когда мысли и чувства становятся реальностью, от которой нельзя отстраниться, они не позволяют Я замолчать… Насколько теперь мы оторваны от этого блаженства… Тогда, в тот августовский день, ветер с залива дул уже по-осеннему сильно, но солнце пересиливало, пронизывая воздух жаром — песок мчался по пляжу, полируя листву деревьев, а облака громадами мчались куда-то на материк, напоминая, что вся тяжесть мира — на их плечах и под ними можно расслабиться, как под теми тяжелыми одеялами, которые обеспечивают глубокий нежный сон… Все утрачено. Этот берег слишком человеческий, слишком цивилизованный. Как бы прекрасно было жить там, где нет политиков, нет государств и нет войны…

Все замерло. Торжество начала отдыха сменилось привычного течения времени.

За синим забором среди сосен кто-то копошился. Слышались звуки падающих камней, железяк и деревяшек. Моментами среди зелени мелькали люди. Похоже, где-то за лесным массивом была трасса и очередная дорога, ведущая на пляж. ~~Либо все просто искали «туалет».~~ Проходя мимо, они окидывали взглядом Андрея и мгновенно забывали о нем.

Страницы же были чрезмерно яркие под солнечным светом. Невольно веки сползались и истекали слезой. У самого края пледа,

на фоне, за черными строчками, по песчинкам размеренно карабкались муравьи, жучки и паучки. На ногу постоянно садились какие-то околоводные мошки. Приходилось их смахивать.

Тишина томила тягучим вожделением.

Андрей вздохнул, лег на спину и постарался перекрыть книгой пылающую солнечный диск. Читать на пекле, конечно, неудобно. Особенно когда закипает голова.

***

тенью ложится голова на плечо — оставляет влажный след — сладко терять всю свою тяжелую нежность — хорошо быть маленьким и слабым — я вращаю камешек в руке, он сверкает на солнце — заставляет блуждать в лабиринте его бесконечных граней, переворачивает гравитацию — я танцую под ручной гром по прогнувшимся партам — стекает водопад с напуганного подсолнуха в саду — у меня пересохло горло, язык прилип к небу — отсчитывают секунды качели под яблоней — ступает нога на высокую ступеньку — брошен цветок ромашки на доски пола — уставшая процессия по стене стонет за спиной — бредет рука по корешкам на полке — жарко — мое тело в сумеречном отражении — кожа на бедрах холодная — гусиная кожа — бледное лицо — рука на груди прижимает голубое одеяло — я удивлен, что все это — живое — я не могу больше смотреть: ослепляет — холмы в сосновом лесу — сырые иглы, с залива тянет влагой — изображение на гребне воды перемешивается с пустотой — потому что облака пустые, им не дано излиться, они ползут по моей спине — выстраивается горная система над склоненным корпусом — возможно, когда-то люди были драконами — мне волнительно, мне радостно: сегодня мы идем бродить по набережным — я иду вдоль парапета — я тону в апельсиновой шипучке — мчится тоннель, опрокидывая все мои попытки понять — выбросило на платформу — здесь так громко, что устанавливается тишина — я вижу: вода сползает с камня — рука ложится на поручень эскалатора — меня тянет выше, но я тону в илистом своде, следя за его —

***

Пролистывая каталог своих впечатлений, Ада впадала в эйфорию. Она не успевала наблюдать происходящее, испытывать его и прожи-

вать. Все шло само собой, складывалось по какому-то неподвластному ей сценарию. Являлись лица, играли свою роль, уходили; сменялись декорации, настраивался заново и вновь свет. Только что она участвовала в одном из запланированных рабочих семинаров, и вот уже вокруг танцуют люди и в руке бокал шампанского; едва загружался экскурсионный автобус, как тут же растворялся и превращался в вагон метро, несущий ее через Оку; казалось, вот перед ней воркует Маша, а нет — уже что-то рассказывает Нико. Ада подозревала, что вся эта фрагментарность, спонтанность, ее несобранность, неспособность остановиться и все обдумать были следствием встреч с ним. По какой-то неведомой причине ей было все равно на этот факт. Ада наслаждалась. В ее лицо повеяло жизнью.

Ей нравилось движение, изменение, постоянная смена событий и людей. В эти дни Ада много говорила, много слушала. Конечно, общительность, вызванная радостью от смены обстановки, была поверхностна: вряд ли она кого-то действительно услышала, далеко не факт, что сказала что-то стоящее. Ада не переживала. Все равно: это было настроение беззаботности, веселия. Ада любила его, соскучилась по нему — по состоянию, когда все легко и не надо углубляться. Поток снова сменил свой характер: забурлил, вспенился, заиграл с берегом.

Когда позвонила Ксюша, Ада даже растерялась. Она не думала о семье уже несколько дней. Впрочем, звонок вызвал у нее радостное чувство.

С сестрой Ксюшей у Ады давно установились доверительные, теплые отношения. По мере того как та взрослела, происходило сближение. Переживаемые Ксюшей мысли и чувства, ее первые жизненные опыты откликались в душе Ады. Она чувствовала, что младшая сестра идет по тем же дорогам, по которым когда-то прошла сама. Ада очень хорошо понимала Ксюшу и, наверное, поэтому хотела стать для нее тем человеком, в котором сама нуждалась в подростковом возрасте и которого так и не оказалось рядом. Сестры много разговаривали, обсуждали жизнь, строили совместные планы. Ада выслушивала Ксюшу, давала, если могла, советы, поддерживала в принятии решений в сложных ситуациях. Она стала арбитром. При этом присутствовало здесь и чувство восхищения. Особенности воспитания Ксюши благоприятствовали развитию у девочки таких качеств, как решительность,

прямолинейность, целеустремленность, последовательность. Ада все чаще приходила к выводу, что сестра сильнее ее…

Ксюша рассказывала о школьных буднях. Жаловалась на непонимание последних тем по химии, учительницу математики, которая занижает оценки, на девочек из танцевального кружка, которые подлизываются к преподавательнице.

— Они в лицо ей льстят, а за спиной только гадости говорить могут! — возмущалась Ксюша. — Она им поэтому все прощает, верит, что те ее за кумира считают. А я вчера опоздала на пять минут — выслушала целую лекцию о том, что опаздывающие люди ничего не достигают в жизни… А я виновата, что между школой и тренировкой у меня всего три часа? Мне ведь и пообедать успеть нужно, и уроки сделать! Татьяна Александровна меня похвалила за последнее задание. Спасибо, что ты мне помогла с ним… Я не знаю, как буду сдавать химию. Это такой сложный экзамен. Татьяна Александровна говорит, что мне еще много и много работать. Даже английский легче сдать!.. А вчера мы с ребятами ходили в кино. Смотрели «Забриски Пойнт». Помнишь, ты советовала? Стеша и Катя сказали, что им не понравилось. Мне тоже сначала не понравилось, но конец все равно вызвал много эмоций. Так эффектно… Не знаю, хорошо, в общем…

Ада пыталась внимательно выслушать сбивчивый рассказ сестры, однако мысли ее постоянно обращались к вечерней поездке с коллегами в парк аттракционов и целые отрывки речи Ксюши просто ускользали от ее восприятия. Отвечала Ада коротко и поверхностно, хоть и с улыбкой на лице.

— Мы, кстати, к бабушке сегодня не пойдем, — продолжала Ксюша. — Бабушка позвонила маме, сказала, что дедушка приболел. Температура поднялась. Переживает за нас, вдруг корона…

Новость Аду задела.

— Сильно заболел? — поинтересовалась она.

— Нет, температура тридцать восемь. Бабушка сказала, что просто на всякий случай…

— Нужно позвонить ему.

— Да, позвони.

— Чем займешься вечером тогда? — спросила Ада после паузы.

— Учебой: нужно много успеть…

После разговора с сестрой шуршание впечатлений заиграло с другой тональностью. Добавился новый оттенок — тревога. Она звучала неуверенно, едва пробиваясь сквозь угар впечатлений от Нижнего, и была явно нежелательной для сознания. Ада отметила это. Чтобы побыстрее избавиться от мнимых страхов, она сразу после сестры позвонила дедушке и с нескрываемым нетерпением расспросила его о самочувствии. Он заверил, что всего лишь простудился и причин для тревоги нет. Успокоил Аду, попросил не волноваться.

Тем не менее после всего этого она нашла себя потерянной. Прежняя эйфория утихла. Ада испытывала что-то непонятное. Ее сознание, еще недавно переполненное разными красками, молчало. Телефонные разговоры, словно молот, обрушились на и без того перегруженный мозг. Зеркало было разбито. Ада поняла, что ее внутреннее состояние ненормально, в частности неадекватны ее реакции. Маниакальная возбужденность оставила после себя след — гул в голове. Было непонятно, надолго ли это состояние прервалось, но Ада знала, что оно точно вернется.

***

это черная дыра, прекраснейшее из явлений в ночной тишине — ты, потому что ты всегда часть меня, мой адресат, сияешь — ты горящий огонь, ты свет, священное пламя — огонек, у которого невозможно согреться — так печально выглядит картина в окружении туманной пустоши, наполненной людьми — ты пустил меня в свой поток — я не передумаю, не отклонюсь — мелькает угол плеча, в черных водах отражается твое далекое созвездие — ты, словно сталь, прорезаешь меня — я растекаюсь слезами в сизых сумерках — я смотрю в потолок — кажется, раньше здесь сидел он, в белых одеждах, скорбно взирая на меня, молча выпрашивая прощения — я бы лег на твои колени — я бы обнял, я бы прижался к твоей спине — ты растопил тверди, проник в глубину океана и всколыхнул хаос — ты поднял ветер — ты проник под ткань, отделив бывшее от открытого, как в первый раз — белая плитка на кухне холодит мне пальцы — со стен смотрят незнакомые лица — ты, носящий имя бога, ты незрим — освещенная лунным светом скала — ты обезоружил — мне нечего про-

тивопоставить — я поддался силе тяготения — закручивает воронка, забирая у меня мое, оставляя твое — оттуда, из глубины — а я не плачу, потому что мне не жалко — я изумлен — я стою на коленях, пытаясь отыскать хотя бы немного тепла в далеком свете звезд, упиваясь далеким — кажется, я всегда желал этого — пламя горит в глазах, но оно лишь в отражении на экране — ты холоднее вод самой глубокой реки — нужно выйти из храма — я выбегаю —

***

Папа. Ты что, хочешь, чтобы мужик тут с мужиком жили?

Андрей. Хочу! Тебя же никто не заставляет жить *с мужиками*.

Папа. Да? И чтобы педерасты детей растили?

Андрей. А как тебя это касается?

Папа. Это ненормально!

Андрей. Врываться в чужую страну с оружием ненормально!

Папа. Да, но выбора, выбора другого не было… Если бы не мы, то они. Они же готовились! Всем понятно, что это все превентивные меры… Вот ты не смотришь телевизора. Начитался своего Интернета. Вам там и промывают мозги эти западные педерасты.

Андрей. Зато эти *западные педерасты* знают хотя бы что-то о свободе, а не живут, как мы, в бесконечном концлагере. У нас человек ничего не значит. Это мясо, разменная монета, которую можно бездумно использовать как любые другие неодушевленные ресурсы.

Папа. Хе-хе… А где это человека уважают? Скажи-ка. На Западе, что ли? Да нигде, Андрей, демократии нет! Им там тоже всего понавнушали. Они вот там верят, что мы города бомбим, людей убиваем… Памятники советские сносят, композиторов запрещают теперь. Русских.

Андрей. А что удивительного? Мы, повторяю! Мы вторглись в чужую страну. Не на нас напали, а мы. Это факт.

Папа. Да это даже не страна! Она никогда страной не была. Это советская власть ее придумала.

Андрей. Тем не менее она уже тридцать лет как отдельное государство. Международно признанное.

Папа. Да это марионетка Америки! Нацисты одни там. Развели там мразь, а русское население страдает. Мы их спасаем! Вот судьба у России такая. Мы всем помогаем, а нас не понимают…

Андрей. Это от нас их спасать нужно… Ну, неужели ты не понимаешь? Это ведь новая Чечня!

Папа. А в Чечне, если бы не мы, уже террористы бы у власти были. Если бы не вмешались, врага бы себе нажили у границ.

Андрей. А здесь что, если бы не мы?

Папа. А я скажу! НАТО бы у самых границ было. И американское ядерное оружие на границе.

Андрей. А ничего, что теперь Финляндия рвется в НАТО? Она вообще дружественным государством до недавнего времени была. А теперь, как ты говоришь, враг в сотне километрах от Питера!

Папа. И что? Зато Черное море у нас под защитой будет!

Андрей. А если это приведет к Третьей мировой? Ведь говорят, что происходящее она и есть.

Папа. Да какая Третья мировая? Ты вообще представляешь, что было бы, если бы она началась?.. Не переживай, скоро все магазины откроются. Хе-хе… Вот дойдем до Польши — все откроется и вернется.

Андрей. Ты серьезно?

Папа. Польша, я тебе скажу, гнилая нация. Мы всю историю их, ляхов, били, да, видимо, плохо били. Этих вообще на земле не должно быть. Вся эта Восточная Европа — подлая, неблагодарная. Россия все там отстроила после войны, кучу денег вбухала, а они все недовольны. Ненавидят русских.

Андрей. Конечно, ненавидят. Их поработили. Это называется крестовым походом наоборот. Колонии припоминают империям их политику, мстят… Это не только с нами происходит, но и с Европой, если уж на то пошло…

Папа. Ой!.. А наверху глупые, по-твоему, сидят? Думаешь, они меньше тебя знают о происходящем? Уж побольше твоего! Нам просто до конца всего не говорят.

Андрей. А лучше бы сказали. Чтобы такие, как я, поняли, зачем все это, зачем люди гибнут. Что это за причина такая, которую нельзя открыть народу, чтобы добиться его поддержки?!

Папа. А тебя это не должно волновать! Помалкивать надо… Распустили ваше поколение. Я считаю, свободу слова надо запретить.

Люди помалкивать должны… Во все времена тяжело было. Это в генах у нас. Вот Петр был. Чего только не натворил! Сколько людей померло. Но ведь вот дал нам Ленинград. Красота такая! Мы привыкли. Столицей при императорах был. Вот скажи мне, стоило оно того? А если бы Ленинграда не было? Можем ли мы вообразить Россию без него?

Андрей. Может, и лучше бы было, если бы его не построили… Мы не можем судить об этом адекватно. Мы не свидетели того времени. Не нам пришлось страдать. В твоих словах люди превращаются в цифры.

Папа. Потому что у всего есть цена. Мы не можем видеть всей истории. Все великое требует жертв.

Андрей. А если жертвой будешь ты?

Папа. Ну хорошо… Вот все тебе тут не нравится. Новости не те, народ не тот, права не те, власть не та. Что ты тут делаешь еще? Уезжай!

Андрей. Ты ерничаешь. Я не страну не люблю, а власть! Это не одно и то же.

Папа. Вот как?! А чего же ты не выходишь протестовать? Если не доволен?

Андрей. Я выходил. Пока было возможно… А ты почему не вышел, когда пенсионный возраст подняли? Постоянно жалуетесь на это. А сделали вы что-то для отмены решения вашего любимого президента?

Папа. Да бесполезно это все, Андрей. Как ты не понимаешь? Бесполезно.

***

я таю, как вода, под солнцем, под яростным потоком — это выпущены голубые сумерки — они втекают в комнату — изламывается алмаз, пытаясь ослепить меня — эта музыка разрывает воздушный шар и разбивает красные стекла — а я видел в них фиолетовое небо — все дело в том, что я никогда себе не принадлежал — меня никогда не существовало, и мне это нравилось — я дышу на крыльце в полдень — от тропы у дома пахнет землей — и я разглядываю бабочку — ее веер медленно дышит — она скрывает от меня свои глаза — несемся, как

ветер, по полю — мы догоняем уходящих эльфов — с мечами в руках, которых более не надо — я не люблю отвечать на вопросы — я задаю — знать бы, сколько клетушек на панцире черепахи — он нажимает на газ, машина устремляется в темноту — я не могу ничего различить — лишь лицо — я жду открытых глаз — сверкнут одинокие звезды — я загадаю желание — я не хочу ненавидеть — кажется, это опасный спуск, но я хватаю крепче руль — он так добр! несусь вниз — крылья вывезут меня, друзья-деревья подхватят — это тихая комната, и темное время истекает по капле — я никогда не вернусь, я попрощаюсь — но уже поздно — мир расстилается перед моими глазами — провода-сосуды стягивают в клетку ясное небо — такая юная грудь под кончиком моего носа — так холодно, так терпко от этой весны — ветер растрепал волосы — я застегиваю цепочку на шее, ощущая новую тяжесть — я воображаю чистилище и бессмысленную жизнь в удовольствиях и свободе — я готовлюсь жить — уже время, пора делать шаг — я прикасаюсь кистью к белому листу — какое мне дело до поля, уходящего за горизонт? оно дышит внутри меня —

***

Что ты уставился в потолок? Ты мизантроп: сбежал от мира, спрятался в четырех стенах. В чем причина этой отстраненности от мира, в которую ты поместил себя, почему ты утонул в мыслях, укутался в их глубине? *Этот* год? Вначале же было состояние продуктивное, направленное на действие — ожидаемая реакция проснувшегося во время пожара и стремящегося что-то сделать. Гнев. Праведная ярость. Спас ли ты что-то, остановил пламя своими стикерами в метро, лентами, борьбой с *их* листовками, вечной перемоткой новостей в страхе пропустить «важное»? А Залина раньше все поняла и успокоилась. Да нет, она просто выгорела. Потому что сильнее зажглась вначале. Происходящее было предсказуемо. Активность должна была обернуться бессилием, апатией, усталостью. Теперь остался лишь только твой внутренний мир, который обнажился с отходом в сторону общества. А и в нем пусто… В чем причина этого желания уединения? Скорее всего, отвращение — реакция на людей вокруг, безразличных, слепых, запуганных, пошлых, как будто не желающих думать. Неужели он мизантроп, подобный Людовику Баварскому,

прятавшемуся в замках своей волшебной фантазии? Наверное, он потенциальный отшельник. Сид Барретт. *Беги, Форрест, беги*…

Ты заперся дома, еле-еле собираясь с силами, чтобы выползти из постели. А единственным выходом стал залив, у которого ты проводишь закат, разглядывая, как волны облизывают камень. Сладостное чувство, не так ли, Андрей? Вот оно старческое времяпровождение — с наушниками на балконе, тоскливое разглядывание солнца в отражении окон соседнего дома.

Он и раньше, находясь в общественном месте и разглядывая других людей, ловил себя на ощущении отчужденности, оторванности от остальных. Даже от тех, что вызывали восхищение (а таких было множество). Цветные носки, кепки, свитера, кардиганы, браслеты, кольца, накрашенные ногти, вплетенные в волосы ленты, цветные локоны, длинные серьги в мальчишеских ушах, кеды, джинсы/лонгсливы-лохмотья, сетчатые футболки, кожаные штаны — Андрей сопоставлял себя с другими парнями, с теми, кто казался привлекательным. Хотел ли бы быть ими? А являешься ли кем-то похожим? Привлекает ли твоя жизнь, твоя личность кого-нибудь? Вот уж тщеславие, ей-богу. Несмотря на восхищение, к чувству удовлетворенного наблюдателя примешивалось ощущение собственной отстраненности. «Это не я», — говорило зрение каждый раз. Он не относился к «золотой молодежи»? Нет, наверное, уже потому, что употреблял в голове это понятие. Андрей был иным. И ловил себя на чувстве зависти.

Это было много раз в его жизни, когда люди вызывали в нем сосущую тоску о несвершившемся достижении. Точно, он тщеславен. И восхищение этими юными любимцами природы — тому подтверждение. Это едкое благоговение, вызванное невозможностью причастности. Так бы выразили это немецкие философы? Привлекательность присутствия в приписываемом другому присутствии?

Как часто он ощущал это ядовитое, разлагающее чувство! Другие крадут наши лучшие мечты о жизни, становятся магнитами для их материализации, становятся интересными как то, чем мы не являемся, но хотели бы… Ты дорисовывал их всю жизнь, Андрей, дорисовывал до какого-то другого мира, целой вселенной, которой тебе было

не стать. Это обида за то, что ты не они? Может, поэтому ты отворачиваешься от них?

Ты стыдишься себя, того, кем являешься. Ты нападаешь с яростью на то, что *не смог*…

Перед глазами у него сценка из детства. Автобус, школьная экскурсия — все ушли в Макдональдс. А он — нет: не может себе позволить. И ест единственную булку, которую вручила ему мама. Она ведь любя… А он упивался этим страдающим чувством, с которым кусал ее. На всю жизнь запомнилось. Сладостное чувство обиженного, одинокого, но как будто бы особенного, которого любят из-за этой боли, которому боженька даст больше за перенесенную муку. Страшное, гнилое ощущение… Андрей внутренне вздрогнул.

Может, тогда он внушил себе, что в жизни ему всегда достается второстепенное, что он сам второстепенное? Нет, второе появился недавно с осознанием себя заурядностью. Неужели поэтому ему так тяжело стало видеть этих «успешных» других? Это произошло здесь, в Питере, в большом городе, когда он ощутил свое одиночество. *Одинокие люди в мегаполисах*. Он видел недавно подборку с фильмами на эту тему: посмотрел их все.

Чем его пугали эти сияющие другие? Своей простотой в успехе, способностью жить любимым делом, богемностью, свободой и неотягченностью в любви, легкостью на подъем, умением наслаждаться человеческим общением… Они — яркие, уверенные, частично бессознательные, витальные, привлекательные, обаятельные, умные, черт возьми, красивые и коммерчески успешные дети эпохи!.. Тебя ведь больше всего интересовал вопрос продажи себя другим? Те, другие, могут создавать свой образ, находят связи, рычаги, которые поднимают их вверх. Здесь можно впадать в мысли о другом «фундаменте», другом социальном окружении, возможностях — всей сети случайностей, которые, в разрез и одновременно с современными аффирмациями, определяют большую часть человеческой судьбы вне зависимости от поведения субъекта. Разве ты можешь знать их внутри? Разве другой не иллюзия? Но что же эти мысли, если не оправдание своей неспособности, немощности? Такова была логика Андрея. Дело было простое: он *не смог*. *Тот, кто ищет, всегда найдет*. Просто

ты чего-то не понимаешь… Но как тяжела тотальная ответственность!

И временный ответ «Ну и что?» не спас его от происходящего этого года. Потому что те, золотые, уезжали, улетали, исчезая с радаров. Успешность, прогрессивность, *сливочность* теперь измерялась способностью оставить свой край, глухой и грешный. Ему же оставалась участь Пастернака, Розанова, Мандельштама, Ахматовой — путь, пугающий тем более, чем лучше знаешь судьбу оставшихся, путь, казалось, неотвратимый, самостоятельно не выбранный…

Кто ты, если не песчинка в мировой истории? Ты цифра, которую даже не запишут в тетрадь… А он жаждал быть чем-то больше. Вопреки представлениям детства, ему хотелось богатой судьбы, сильной, вдохновляющей. Ему хотелось неугасимого пожара, вакхических танцев, солнца и тепла. А он вдыхал холодный влажный ветер с серого залива самого, как ему казалось, свободного города России, города, оказавшегося для него холодным камнем, потому что, конечно же, в нем самом как личности что-то действовало не так, неправильно, было сломано. Пришлось столкнуться с несовпадением представлений о своей жизни с самой жизнью…

Тебе мешают деньги? Ты беден? Поэтому не можешь убежать?.. Нет, другие и без средств уезжают, бросаясь в последний вагон мчащегося поезда. Что есть в них, что было в них, чего нет, не было в тебе, Андрей? Почему ты тонешь в постели, разлагаясь на этой огромной кровати, а не мчишься в аэропорт, отвергая происходящее, как Кирилл, чувствующий себя теперь свободным?

Помнишь, как на твой вопрос, был ли ты похож на Венеру, Кирилл ответил: «Нет, он художник. Он восторженный. А ты филолог — ученый, учитель. Это другое». Тебе ведь было больно это слышать? Может, ты и любил Венеру потому, что он был настоящим тобой, тем, кем ты хотел стать? Твои чувства к нему были выстроены на осознании неслучившейся собственной жизни? Хотел ли ты близостью с ним достигнуть собственной значимости?..

Люди убегают, срываются с места, как осенние листья. И, как думал Андрей, делают правильно. Тоска от того, что остаешься, что не являешься частью них… Ты не способен так разгореться, впечат-

литься, чтобы бросить эту квартиру, эту работу, этот город, страну… А ведь там могла бы тебя ждать другая судьба: солнце, о котором ты мечтал, новые люди, новый опыт, другая культура. Возможно, это была бы та самая живая встряска, благодаря которой ты стал бы тем, кем представляешь тех, золотых, открытых, легких, свободных. А ты держишься той лужи, о которой говорил Янковский… И ты не Ахматова, должен признать. Ты знаешь цену замкнутого слуха…

Этому нельзя найти наименование — той причине, по которой ты все еще здесь… А Залина бы нашла в себе силы уехать. Если она тоже это сделает, что ему останется? Каждый исчезнувший человек — глубокий порез. Он, оставаясь живым, будто умирает, ~~отрезанный лоскуть~~, потому что больше нет связи. Жизни отслаиваются друг от друга. Вот Рома, например, переживает о том, что турки не в его вкусе и нет тех красивых блондинов-эстонцев, которыми он восхищался в Петербурге. Такие вот проблемы белых… Хотя и его собственные праздные переживания — белые в контексте людей, уже спущенных в мясорубку истории. Просто пустословие, пустомыслие.

Причудливо блики блуждают по белым стенам. На улице бушует ветер, раскачивая отраженное солнце. Наверное, оно уже устало от этого длинного дня. Ничего, день уже сокращается… Нежно льется свет. Такой похоронный, тонкий, нежный. Возможно, теперь он понимает *его*. Это то, что *он* называл *печальной, обреченной красотой жизни*.

Ты холодный, Андрей, остывший…

Поздравляю, дорогой, ты узнаешь себя настоящего! Скажи, что есть в тебе, кроме разочарования?

***

Странно, что он никогда не задумывался, не тревожился о том, что возможностей знакомства в реальности для геев в России… ну, как бы нет. Андрей с изумлением нащупывал в себе наивность в отношении этого вопроса. А чему, впрочем, удивляться? Юношей он думал, что *реальные* знакомства происходят в реальности. Например, когда случайно завязывается разговор. С Ваней так и было. Но прошел год. Были ли у него возможности познакомиться с каким-то парнем в реальной, не пиксельной вселенной, в обход

дейтинговых приложений? А до Вани? Почему он раньше не замечал, что, находясь в окружении потенциальных возлюбленных, функция знакомства, флирта, такая, какая есть у *обычных* людей, в его собственном случае — отключена? Невидимая рука социума в нашем сознании поставила границу на этом. Большинству она кажется такой прозрачной, что они перестают ее замечать… Все это — бытовые, скучные вещи, о которых как-то неприятно думать (почему же?). Но важные. Нет этой возможности — познакомиться очно, внезапно, *с первого взгляда*. Это не органическая жизнь, она просто не включает в себя сценку начала любви геев. Текстура с нарисованным, не наделенным действиями объектом…

А еще жутко смущает слово *гей*. Ну, вот скажите, всегда испытываешь какое-то странное, сплетническое чувство, когда называешь кого-то геем? А что такое сплетни: это удовлетворение от нарушения привычного другими, когда ты сам как будто чист. А слово *гомосексуалист*? Вы вообще его где-то встречали, кроме научной литературы и классических произведениях гомофобного 20-го века? Другие наименования — вообще пропасть. Это подтверждает наличие культурной коннотации. Странно только то, что депутаты Госдумы или пропагандоны еще не обратили на это внимания. Неудивительно, что ЛГБТ-сообщество адаптировало *пидора* под повседневные нужды. Вот ты говоришь «Дима — пидор», и тут сразу несколько зайцев подстреливаешь. Это может значить:

— «Дима — плохой человек»:
— «Дима не плохой человек, но поставил говорящего в затруднительное положение»;
— «Дима вызвал восхищение у говорящего»;
— «Дима — друг говорящего, и говорящий выражает расположенность к нему»;
— «Дима — гей».

Волшебное все-таки слово. Ведь все значения могут быть объединены. Таким образом, создается положительный образ гея.

Андрей вот вообще не определял себя как гея — он думал о себе прежде всего как о человеке. Его оскорбляла мысль сведения себя к этому слову — *гей*. Кто вообще решил, что личность — это про

ориентацию? Почему мы тогда всерьез не делим людей по другим критериям? Ну, вот кто вы: любители кошек или любители собак (не про Панина, если что, сейчас)? А с какой стороны вы чистите банан? Какой стороной стукаетесь яичками на Пасху? Поднимаете ли вы стульчак, когда идете в туалет? Ломаете ли вы переплет у книжки? Любите ли марципан? Есть ли тут вообще кто-то, кто любит конфеты с марципаном? Есть? Странно, я не знал, что динозавры читают книжки. Нет, серьезно, мне кажется, марципан может вызвать радость только у тех, кто в жизни не видел конфет. Ну, или у проснувшегося первого января…

Все, возвращаюсь к теме гейства. Даже от этого слова ведь коробит. Понимаете, это единственное слово в русском языке, с помощью которого можно односложно обозначить ЛГБТ-тематику. Вот вам и великий и могучий!

Андрей у нас листает ленту в Хорнете. Он не осознает, сколько времени он уже пользуется этим приложением (много). Он не задумывается над тем, как красноречиво говорит об этом времяпровождении тот факт, что из бесконечных чатов и просмотра скрытых у него не вышло ничего по-настоящему значимого. Ну, вот задумайтесь. Если несколько лет использования приложения не привели ни к какому результату, большая ли вероятность того, что в будущем что-то изменится?..

Но, в защиту героя будет сказано, все же Андрей уже ощущал странное чувство, близкое к усталости, апатии. Чем дальше листалась оранжевая лента, тем безрезультативнее становилась вся затея пользоваться дейтинговыми приложениями. Да и зачем он ими пользовался? Еще и разными! Разве отличалось от шашечной карты лицемерные свайпы влево и вправо раздражающе розового Тиндера?

Вот цвета у всех подобных приложений просто ужасные. Согласны? Я даже не говорю сейчас про вкус на цвет. Но ведь безопасность-то и конфиденциальность никто не отменял! Вот ты гей, живешь в России. Думаешь незаметно так открыть в метро Хорнет (ну, или Тиндер). Ручкой немножечко телефон прикроешь, угол обзора пресечешь — *ать!*, еще пару раз оглянешься ради успокоения. И тут телефон такой: хо-бана — сходит с ума! Экран

загорается как в последний раз. Оранжевый или розовый — такие яркие, что даже на твоем ебале отпечатывается цвет. И значок приложения еще на полэкрана. И сразу такое чувство возникает, что все в вагоне уже знают о тебе все, даже цвет твоих трусов… Ну, видимо, все ради того, чтобы точно все поняли, что ты ищешь пару. Слушайте, может, вообще в этом и суть дейтинговых приложений — чтобы люди светили своими экранами и кричали всенародно: «Меня никто не ебет. Я свободен. Открыт для знакомства»? Тогда сразу понятно, почему в век Инстаграма, Твиттера и Телеграма был создан такой неудобный и убогий интерфейс, как в Хорнете. Разработчики явно не старались. Я, конечно, понимаю, что Тиндер позиционирует себя как новый Инстаграм для элитных недотрог, «и себе не ам, и другим не дам», но все-таки почему нельзя было позаботиться о том, чтобы у пользователя оранжевого шершня не возникало рвотного рефлекса от экспириенса знакомства? Так и от гейства излечиться можно. Еще одна идейка для нашей славной гомофобной власти.

Конечно, о Хорнете можно говорить часами. Такой муратовской мути (помните, да, «А мне плевать! — А мне плевать, что вам плевать!»?) не найти ни в одной соцсети. Ну, разве что интереснее могут быть комментарии под постами в ВК. Мне кажется, должен какой-то социолог провести исследование Хорнета как отдельного пространства для скрытой субкультуры. Там же одни фрики!

Начнем с того, что открывать Хорнет в общественном месте уже потому небезопасно, что среди ав пользователей редко встречается что-то отличное от голого торса или штанов, точнее паха, заполняющего все пространство кадра. Лица же в приложении делятся на два типа:

— ебло-картошка проснувшегося в шесть утра после запоя и открывшего случайно вместо выключенного будильника фронтальную камеру;
— либо скачанный с просторов интернета портрет звезды гей-фильма, модели, порно-актера.

Конечно, на меня сейчас набросятся за то, что я не упомянул действительно красивых лиц, которые изредка мелькают в ленте

этого приложения. Обычно такие персонажи по ошибке попадают сюда из Тиндера. Ну, впрочем, там у них описание примерно плана «Увлекаюсь философией, медициной, психологией, литературой. Сочиняю классическую музыку. Пишу картины. Защитил докторскую диссертацию по лингвокультурологии. Путешествую: бывал в 26 странах. Имею КМС по боксу. Люблю активный отдых. Буду рад сходить с тобой на выставку или в оперу. Строго за ЗОЖ», а здесь — «Собираю группу. Нас трое. Все бодрые. Ты не пустой. Пиши сразу с фото. Запрос скрытых — блок».

Иногда попадается какой-нибудь красивый, обворожительный юноша. Прямо мечта поэта. Кажется, ангел спустился на землю: голубые глаза, скулы, румянец, губки как розы — томное, пышущее, казалось, невинностью создание. А нет! Вот он и червь в плоду. Этот парень попадается периодически в ленте, и Андрей уже знает, что написано в его описании: «Ищу секс, люблю зд, чмор, плевки»…

А какие чудесные посты можно наблюдать в новостной ленте?! Когда-то Хорнет решил, как и Тиндер, уподобиться формату Инстаграма (но в другом ключе). Появились некие блогеры. Видели их посты? Это удивительно. Вот некоторые из тех, что пролистнул и не прочитал по привычке Андрей:

Однажды!
Я подружился с камнем!
А он упал в реку и утонул!
Жаль!
Ведь я был к нему превязан!
Вместе с ним иду ко дну!

Бедный парень: тяжела судьба Офелии.
Теперь раздел, который стоит назвать «Мудрости Соломона»:

Жить нужно так, чтобы бывшие боялись тебя вернуть.

Четко.

— Ты знаешь, если пингвин находит себе пару, они остаются вместе до конца жизни?

— Да.

— Будешь моим пингвином?

Однажды тебе кто-то скажет малой хватит быть сильным…

Есть и философские послания:

Как показывает практика людям чужда свобода. Многие не знают что с ней делать, как ею распорядиться в свою пользу личностного роста, благоприятных и полезных знакомств, а так же здоровому позиционированию себя здесь, почему то большинство считает что быть токсичными и злыми — это чуть ли не единственная позиция.

А я скажу в чем кроется нюанс: люди отзеркаливают свое душевное состояние, образованность и своб проекцию в рамках локации где они живут. Вот и все. Россия — как бы там ни было, страна угрюмых, однобоких, не гибких людей.

Взгляните на доброжелательных тайцев которые сидят в Хорнете, или на другой менталитет и вы сразу поймете что дело в нашей стране, и в том как этот аппарат убивает души и сердца. И совсем неважно в какой соц сети мы будем сидеть.

Хорнет — наше убежище в это подлое и непредсказуемое время. Если каждый посадит здесь семя уважения и осознанности, то вскоре мы увидим как распустятся цветы в этом изящном саду.

От хороших пожеланий на душе становится светлее. Каждый день становится приятным, если начинать его с улыбки, добрых пожеланий. Не жалейте доброты для окружающих, в твоих руках — счастье целого мира! Любите, знакомьтесь и будте на позитиве!

Всегда делайте то, что хотите сделать.

хотите сказать человеку, что он дорог? говорите, не ждите подходящих моментов, не молчите.

хотите увидеться? пригласите в кино, прогуляться.

скучаете? позвоните, скажите.

поверьте, лучше сделать.

да, неизвестно, что из этого получится.

пусть выйдет не то, чего вы ожидали, но вы осуществите задуманное.

жизнь слишком больно бьет. Неизвестно, сможете ли вы увидеть этого человека еще раз, услышите ли вы его голос.

не думайте, что от ваших слов что-то рухнет. Если ничего не делать, все рушится гораздо быстрее.

*Секс — это классно, но вы вообще когда-нибудь были сильно влюблены, и при этом вас не качали на эмоциональных качелях, не заставляли сомневаться в чувствах странными поступками, а наоборот, только радовали, удивляли или заставляли кайфавать от состояния влюбленности? Есть здесь еще кто-то, кто не ради *бли, кто умеет любить?*

Ну, и ниже традиционно прикреплено селфи топлес на фоне белой или кремовой стены. А в лирических отступлениях здесь, конечно, мелькают сообщения типа «Встречусь со взрослым актом с большим. Сам 24 182 67 17 уни-пасс», «Пососал бы утром. Пиши», «Пишите, пообщаемся) скучно, спать не охота», «Валяюсь…». После сеанса Хорнет-психотерапии они уже воспринимаются ничего, мол, отдушина искренности. Сексуальные фантазии после всего этого познавательного чтения представляются как что-то настоящее: оно, блять, не наебывает хотя бы! Таким образом, по-своему, но философы Хорнета действительно лечат человека… Типичными же признаками более-менее адекватных персон здесь являются посты без подписи, или же что-то типа «Не знаю, что написать», или просто смайлик. Правда, это позиционирование тоже уже становится старомодным. Тяжело же, однако, создавать привлекательные тренды в Хорнете! Но одно могу сказать точно, видите авы с сиренью, или с кошечкой, или пиксельное изображение накаченного парня из двухтысячных, или персонажа аниме — бегите… Ну серьезно, что в голове у человека, у которого на фото в профиле размытый кусок наполеона? Я, конечно, люблю поесть, но, мне кажется, этот искусственный ин-

теллект, желая показать свой статус по жизни, слегка попутал фотографии в Яндексе…

Перейду к Тиндеру. Именно так оно и происходит в жизни, в принципе. Сначала там посмотрел, потом — в другом месте. И туда-сюда…

В Тиндере все проще. Красиво, стильно, пафосно, иногда остроумно, иногда заумно, часто богато, хайпово. Но всегда безуспешно. Ну, вот как так оказалось, что самая привлекательная по интерфейсу, возможностям, контингенту дейтинговая приложуха стала абсолютно бесполезна? Это как детстве. Когда играл в Sims, полдня тратил на создание персонажа: подбирал ему прическу, комплекцию, положение бровей, нижнее белье, размер члена, зимнюю одежду (блять, вы в жизни когда-нибудь тратили столько времени на свой имидж?)… Ну, а потом, короче, когда ты закончил создание персонажа, входишь в эту игру (она еще загружается на твоем слабеньком компе десять лет), открывается режим реальной жизни и… ты не знаешь, что дальше делать. Не интересно, блин. Все… Вот так и в Тиндере. Мудришь с описанием, подбираешь фотки, располагаешь их в какую-то историю. Еще пообработаешь свое свиное рыльце в редакторе. Напишешь описание. Вспомнишь все свои грамоты за «Русского медвежонка». Ну, и пора спать уже…

Вот недавно Андрей переписывался с парнем в Тиндере. Клевый, стильный чувак. Фотки на берегу моря. Оказалось, что он живет в Эстонии — эмигрировал из России. Мэтч случился, потому что этот чувак приезжал по делам в Питер. На «любимый» для всех пользователей дейтинговых приложений вопрос «Как дела?» он ответил: «В Швеции на этой неделе. Полтора дня — выходные. Так что отдыхаю сегодня. И это очень надо после моей поездки в Россию. Устал дико». Андрей ответил: «Понимаю. Постоянно тут живу)». Чувак написал: «Беги!». Вот тебе и коммуникация.

Поэтому часто после интеллектуального опыта Тиндера ты как миленький возвращаешься в Хорнет, который ты всей душой ненавидишь, но в котором легче устроить общение, имеющее перспективу дальнейшей встречи.

На этом моменте мы с вами Андрея и оставляем. Спасибо.
До встречи!

***

Они выбрались гулять в «Швейцарию». Ада была здесь впервые, и огромные лесные массивы, разлитые по высокому берегу Оки, приводили ее в едва скрываемый восторг. Дышалось так легко и свободно, что казалось, стоит лишь раскинуть руки, разбежаться и подпрыгнуть — непременно полетишь. Даже полуденный жар не тревожил той душевной прохлады, которая нашептывалась местом: со стороны реки волнами накатывал мягкий прохладный воздух. Смущали только люди, толпами заполнявшие недавно благоустроенные к юбилею города дорожки и смотровые площадки. Они нарушали ту мелодию, которую играли эти гигантские холмы, деревья и бесконечная панорама противоположного равнинного берега, утопающего в молочной дымке. Гуляющие со стаканчиками кофе Starbucks парочки, шумно дискутирующие молодые люди, похожие своим уверенным, даже самоуверенным, выдающим прагматизм говором на геймеров или программистов, многочисленные группы, делающие селфи на фоне пейзажа (наверняка туристы), на что-то жалующиеся друг другу бабушки в своих вечно-советских халатах-платьях, одинокие прохожие со сосредоточенным на видах взором, дамы с собаками, о чем-то громко разговаривающие с наушниками — из этого для Ады состояла толпа. Ее можно было членить бесконечно, но вывод был один — она что-то ломала в гармонии, которая хотела здесь установиться.

Нико тоже чувствовал дискомфорт и вскоре, показав Аде главные туристические места, предложил свернуть с тропы прямиком в неизвестность. Пройдя полосу из кустов и деревьев, они оказались на старой, советской дорожке.

— В парке много разных культур перемешалось, — пояснил Нико, отвлекаясь от основной темы разговора. — Тут же есть и верхняя, и нижняя часть. Первую только недавно отреставрировали. Там все и гуляют в основном. О других же тропах знают по большей части местные. Парк большой, в нем легко можно затеряться. Гуляй хоть весь день.

— Да, я заметила, — смеялась Ада, с энтузиазмом разглядывая заросшую, неубранную дорогу, похожую на какой-то заброшенный тракт. — Как жалко, что в Яре такого нет. Ни видов таких, ни масштабов. В прошлый раз я и не заметила, как хорош город… Ты чувствуешь, что здесь жить хочется?

Она без конца восторгалась Нижним. То ли это было влияние времяпровождения с Нико, то ли смена места так подействовала, то ли город действительно был чрезвычайно хорош в эти дни.

— Тут так много пространства, солнца, зелени, — продолжала говорить она, почему-то восхищаясь сейчас своим голосом, — горизонт открыт перед глазами, и красок так много, что только и приходится радоваться. Радуешься и радуешься. Наверное, я бы хотела родиться здесь…

— Говоришь как истинный турист, — усмехнулся Нико. — Словила эйфорию путешественника.

— Наверное, кислородом надышалась, — откликнулась с улыбкой Ада, следуя за ним вниз по тропе.

Все эти дни с Нико они много гуляли. Действительно, как настоящие туристы, они посещали самые распиаренные места города, и, как ни странно, Ада не жалела об этом.

В первые дни они исследовали центр: пробираясь сквозь толпы людей, прогулялись по пешеходной улице, посидели под зонтиками кафе «Молодость», разглядывая толстую корейскую книжку с забавными фотографиями котиков и поедая пиццу, закупились сувенирами для «близких», обошли крепостную стену, едва не умерев от усталости и не сломав ноги на крутых высоких ступенях, прошлись по художественной галерее, удивляясь богатству музейной коллекции, заговорили с какой-то старушкой о нижегородской школе иконописи, тайно последили за работавшими в коридорах местными студентами-живописцами, в особенности за колоритной девушкой, копировавшей вечно страждущего святого Себастьяна, прошлись по территории Кремля, спустились к смотровой площадке у отсутствующего Литературного сада, посидели в беседке, пролистывая брошюру, единственно найденную в пункте обмена книг. Ада была в таком радостном и легком состоянии, что, даже когда Нико предложил один из своих беспроводных наушников и стал подтанцовывать перед ней, не удивилась, не растерялась и сразу приняла предложение. Так они глупо танцевали у изящной беседки, прятавшей старое бомбоубежище, для любого постороннего лишь под аккомпанемент крон, шумевших над головами. Заметив наконец, что за ними наблюдает местный охранник, Ада и Нико взорвались смехом и поспешили скрыться за углом.

Он успел также разорвать гламурные страницы ее рабочей повседневности, явившись как простодушный, общительный незнакомец, когда Ада с коллегами проводила время в парке развлечений. Нико подружился с ее сослуживцами, позвав их играть в боулинг, выпил пива с Пашей, обескуражил и точно обворожил Машу, а потом незаметно уволок Аду на роллердром кататься под музыку. Сначала по отдельности, а затем взявшись за руки они двигались по кругу под цветным светом страбоскопов, пытаясь подтанцовывать мелодии, улыбаясь и смеясь от собственной неповоротливости, изображая сцену из какого-то популярного клипа.

Вечера Ада проводила на квартире друзей Нико, где тот остановился. Как когда-то в юности, это были сымпровизированные квартирники, где играла музыка и звучали стихи тихого, но самоуверенного местного андеграунда.

Тени,
рифмующие строки
и печаль с огнем — внутри тоскуют воды.
Элегии, омытые слезами,
уйдите!
Я знаю, хандра играет с нами,
и плачу в синеве.
Кого, кого вы звали?
Я здесь, я здесь. Оставьте
в покое!
Я растаю…
Нет солнца, нет огней,
вся сила — в притяжении.
Движение,
останови свой путь!
Сожми, сожги мой крест, исчезни в тайне
глаз. Сто раз…
Я таю медленно, смиряю
счастья ритм, страдая, — нет основ!
Я весь один, что есть я, знаю!

Пусти наверх, раскрой мне чувства звуки,
дай раствориться
тихо, в тишине,
в твоей судьбе…
А сердце замирает,
падая,
и в темноте
я познаю,
что не люблю
или
люблю — не знаю!
Что ждете вы в спокойствии молчания?
Каков будет мой ответ?
Одно начало, в котором есть конец?
Или конец, в котором есть начало?
Скажи мне, братец,
будь подлец:
Кто умер?
Кто воскрес?

— эти и другие неказистые высокопарные строки звучали в тишине устремленных пьяных глаз. Пели песни, вырезали цветные флажки для Иры, опустошали бутылки вина и пива, танцевали в свете кольцевой лампы, что-то кричали прохожим в окно, закручивали Марка в ковер, рисовали друг другу смешные татуировки на запястьях, кидались подушками, заваливались в наполненную ванну вчетвером. Ада по большей мере только наблюдала, раскрыв широко закрытые глаза, но с наслаждением впитывала происходящее. Она отвечала, откликалась, как бы с желанием поддаться, стать ведомой. Нико видел это и включал ее в занятия. Он периодически уходил к ребятам на кухню, иногда что-то курил, но все время улыбался. Взъерошенный, развеселившийся, потерявший официозный ореол, он становился моложе, глупее, смешнее и, самое страшное, милее. Ада сама чувствовала, как расслабление медленно охватывает ее конечности, отбирает у нее контроль. Душевная непосредственность окружающих, участие в их

глупых активностях, комплименты, сыпавшиеся со всех сторон в ее сторону, — все это помогало погружаться в какие-то неведомые синие воды, в омут памяти, как будто галлюцинации о себе самой. Мир вокруг превращался в сон во сне. Понимать его уже не хватало сил и времени. Ада отдавалась.

Потом, после прогулки до гостиницы в сопровождении Нико, такого теплого и прекрасного, каким он представлялся пьяному воображению, Ада приходила отчасти в себя. Лежа в кровати, она пыталась разобраться в происходящем, но в бессилии переворачивалась на бок, откладывая сложные размышления на следующий день, и засыпала за мгновение.

А ведь, видя то, как живет Нико, как он сохраняет ту радость свободы, которую, как казалось, она растеряла, Ада невольно заходила в тупик. Сложно было существовать рядом с человеком, который олицетворял все ее юношеские мечты, тем более трудно оказывалось видеть его все тем же, только яснее, сильнее, законченнее. Даже спустя годы проблематично было пройти сквозь поле притяжения без вреда. Особенно с желанием притянуться…

Он был веселый, беззаботный, казалось, безупречный. Чертов баловень судьбы, который своей улыбкой, своими выходками, своим острым и оригинальным умом мог свести с ума кого угодно. Дерзкий, прямой, уверенный, артистичный, без тревог и горя, без целей и сожалений — как мог он вообще существовать?

Он преступал все ее границы. Как весенний воздух, ворвался без стука в ее жизнь, потушил оставленные с зимней ночи свечи, распотрошил и спутал кипу сложенных по алфавиту записей, разорвал паутину и возмутил пыль. Весна! Ада знала, как опасна эта живительная, упоительная стихия для ее привычной жизни. Поток, которым она существовала, каждый раз искажался от весны, река теряла свое русло, возносилась к небу, разрушая все на своем пути, но неся с собой (как, бывает, катастрофы вызывают у человека необъяснимое чувство удовольствия) великое наслаждение, которое можно было назвать катарсисом. Медленно Нико превращался в поэзию, в сонет, который все больше хотелось выучить наизусть и назвать гимном жажде жизни…

В парке было хорошо, вольно, легко.

В конце концов они выбрались на чистый холм, где открывалась вновь обширная панорама и откуда даже немного различались толпы людей, собравшиеся на смотровой площадке.

Нико скинул с плеч рюкзак и вытащил из него плед, расстелил его и начал доставать взятую с собой провизию: бутылку вина, аккуратно завернутые в ткань бокалы и контейнеры с нарезанными фруктами. Ада невольно восхитилась этим зрелищем. Это было очень красиво и чрезвычайно мило.

— Так ты специально приготовился к этому? — спросила Ада.

— Конечно, — улыбнулся он. — Это прекрасное место, для того чтобы встретить закат. Там, где чисто, светло…

И как будто по пейзажу пробежала какая-то рябь, словно ветер подул, погнав облака по небу, отнимавшие лучи у солнца…

Они сели так, чтобы толпа не попадала в поле видимости, и наблюдали за изменениями, происходящими в природе. Медленно на город опускался вечер, понемногу красновело небо у горизонта, озолачивались зеленые холмы, еще яснее и светлее становились воды реки.

Ада и Нико в очередной раз заговорили о жизни, о том, как она устроена, и о том, как должна быть устроена. Беседа затянула их целиком.

— Путешествия, люди, искусство — это то, ради чего можно жить, — улыбался Нико, показывая ряд своих прекрасных белых зубов. — Спонтанность, внезапность, удача — все это определяет нашу жизнь. Нужно просто открываться для них, использовать появляющиеся возможности. Любить… И не бояться. Потому что страх — самое ужасное, что есть. Он все разрушает… Когда я руководствуюсь страхом, я знаю, что решение будет неверным… Желание — вот показатель истинности того, что ты делаешь.

Ей нравилось, что он может говорить так прямо, не боясь показаться ей глупым или смешным. Ада знала, что сама в глубине души думает, или, возможно, думала, так же, но ей всегда было неловко от этого. В окружении ее не понимали — приходилось держать свои убеждения при себе, в тайне. Именно поэтому, несмотря на явный внутренний отклик на слова Нико, Ада чувствовала, что ей больно слушать его. Она больше молчала, потому что… не жила так, как он. Где-то потерялось все это в ней, отцвело,

отошло. Ей было стыдно, она испытывала вину за то, что не реализовала его философии. Ада так сильно отстала от жизни, которую восхвалял ее спутник, что произнесла, перебив его:

— А если не знаешь, чего ты хочешь?

Нико с мягкой улыбкой смотрел на нее. Было видно, что его не испугала эта фраза.

— Всему свое время. Дай себе его.

Она вглядывалась в лицо Нико. И почему-то сейчас, в этом побледневшем от облачных замков солнечном свете, оно выглядело прозрачным, источившимся, едва различимым.

А зелень стекала под их глазами, стягиваясь к реке, исчезая в полосе бело-голубого потока. И в траве с какой-то меланхоличностью суетилась бабочка. Прямо у ноги Ады она что-то увлеченно искала и не могла найти.

Нико коснулся ее руки и, помедлив, обхватил ее. Дрожь пробежала по пейзажу.

— Нужно помолчать и подумать, что тебе нужно, Ада, — произнес Нико. — Ты очень много думаешь. Постоянно анализируешь и не даешь себе… просто быть.

Она посмотрела в его светлые глаза. Внутри у нее что-то больно сжималось.

— Жизнь легка, ей нужно наслаждаться, — продолжал он, почти шепча. — А ты свалила на себя все, вообразила, что это твои цепи. Так они появились… Все в нашей голове. Ты запуталась.

Ей хотелось плакать. Ада закрыла глаза.

— Я не знаю, как из этого выбраться, — только и смогла она выговорить. — Ты не представляешь, как я устала.

Ада положила голову на его плечо. Все ее тело как-то вдруг обессилело, отяжелело и вышло из-под контроля.

Нико обнял Аду.

— Для этого и нужны, наверное, люди, путешествия и искусство, — усмехнулся он. — Что ты любишь?.. Можно начать с этого вопроса.

— Мне нравится этот момент, — улыбнулась Ада и приподнялась.

— Видишь? — засмеялся Нико. — Уже ничего. Значит, это истинно.

Они молчали.

— Чувства позволяют избавиться от лишнего, — сказал Нико. — Люби и отпускай.

Он как-то по-особенному посмотрел на нее. Затем, как будто решаясь, замялся. Приблизился, наклонился. Последовал поцелуй.

***

танцую в яростной буре — медленно играют за пультом в мишуре у пластиковой мраморной статуи — я пламя — я чувствую, что могу, сосредоточившись, выжечь боль, отчеканив из нее монеты — так порочный лик становится святым — так разрывает от влаги арбуз — так в блуждании слабоосвещенного коридора встречаешь обращенный к тебе лик — нарываю ветви сирени — алым изросли цветники у памятника в сквере — я не могу уследить за уходящей тенью, потому что вода способна изменять формы — я разрушаюсь, рассыпаюсь на молекулы, частицы, но остаюсь, останавливаюсь, открываясь от момента в моменте — он срезал цветы — он вспахал землю — и прогнал птиц — выгорела, истлела земля — но я здесь — пока ветер дует, пока дуновение приносит мне зов, способны слагаться камни — но он показал, что камни можно отбросить, что воздуху можно одному, можно самому определять путь — поэтому осыпаются листья, и мне их не жаль — оказалось, что в комнате все лишнее, даже сама комната — я выпускаю самолетик, он проносится вдоль линии окон — кажется, его полет физически ощутим — так же, как воспоминания, в которых можно утонуть — не разобрать уже нитей, но эскалатор несет меня вверх — я слежу глазами за тем, как приближается его конец — осознав все тяжелое, я готов оставить его на ступенях — я надеюсь на обрыв, чтобы оторваться, отпустить — нечем дышать в переполненном вагоне — переваливается через края свист, сводя концы мелодии — хочу разбежаться и полететь — опустить голову на поручень и потеряться в беге бесконечных несуществующих рельсов —

***

Это не любовная история.

Андрей стоит у выхода из метро и в ожидании разглядывает мальчика на скамейке. Тот попался на глаза случайно, но мгновенно вызвал интерес. Он тоже ждет кого-то. Его силуэт, как и другие, должен был затеряться с толпе, бесформенной массе, бесконечно разливаю-

щейся по брусчатке (странно, что не переливающейся за перила набережной). Но не затерялся. Это подросток, юноша лет шестнадцати-семнадцати, не старше. У мальчика кудрявые каштановые волосы, маленькое, еще лишенное щетины, беленькое лицо, составленное из мягких, дугообразных линий. Он вряд ли может похвастаться ростом или статностью фигуры. Однако Андрей сразу отметил для себя легкость и какое-то несознательное, природное (удачное) кокетство, что-то сродни флирту с обществом, происходящему от желания понравиться. Это невинное заигрывание, ясно говорящее о душевной полноте, детском энтузиазме. Мальчик что-то пишет в блокноте, постоянно переставляет ноги, меняет позу (выбирая ту, которая кажется покрасивее), вертится, поднимает головку с выражением напряженной мысли, блестя своими светлыми глазами, поправляет свои густые кудри, бросает взгляды на людей — в общем, без корыстного умысла привлекает к себе внимание…

Что это ты засмотрелся, Андрей? Что за нежное чувство рождается в тебе? Его кокетство сработало? Нет, иногда человек — произведение искусства. Целесообразность без цели. Вот как? Он напомнил о *нем*. Такое чувство, будто где-то глубоко в памяти заиграла музыка…

Фигура *другого* появилась в толпе, извергнутой метрополитеном. Андрей имел отличную память на лица. Но как его зовут? Забыл ~~(повод подумать)~~.

Андрей вспомнил слова Кирилла о том, что первое свидание всегда нужно предварительно ограничивать во времени, чтобы не считать минуты и не искать предлога все завершить. Облапошился!

Сколько таких было? Что в этот раз будет по-другому, вот скажи? Можно снять его конкретную, сейчас-моментную маску личности, и ты увидишь одинаковость ситуаций. Пора уже признать, что люди тебе безразличны. Даже мальчик на набережной вызывает в тебе больше эмоций, чем выражение лица этого горбоносового мраморного изваяния. Ваш диалог заранее отравлен искусственностью ситуации. В чем секрет влюбленности, как определить характер этого чувства? Как его вызвать? Может, в тебе так активно работает желание свободы? Но что в этом случае свобода, если не духовная пустота?

— Прости, заставил ждать, — говорит знакомый незнакомец. — Задержали все-таки на работе.

После этого старт объявлен — гонка началась. Как и в соревнованиях, главной, вожделенной частью является конец (увы!). Завязывается пустячная беседа ни о чем. Куда-то прячется часть личности, отвечающая за открытость и глубину. Похоже, сначала прощупывается почва.

Он умеет шутить — хорошо. *Он* говорит об Инстасамке — плохо. У *него* выразительное лицо — хорошо. *Он* физически привлекателен — плюсик к карме. Не поддерживает разговор об искусстве — печально. Любит давать советы — отвратительно. Высказывает сомнения в отношении себя, своей деятельности — отменяет предыдущий пункт. Не употребляет наркоту — фух. Любит выпить — с этим можно мириться. Не имеет высшего образования, работает в кофейне — ох, отложим это на потом. Не готовит сам — разочаровательно. Умеет слушать — очаровательно. Увлекается эзотерикой и Таро — смущает… Вот такой первый расклад у нас получился. Пока что Колесо Фортуны.

Идут вдоль канала. Кажется, есть некий интерес. Чем он объясняется: зачатками симпатии или просто новизной? С этим можно работать. Зовет к себе в гости: живет где-то недалеко во дворах. Где? Снимает с друзьями большую коммуналку. Интересно.

Кажется, *его* зовут Антон.

У парадной они наблюдают полчища крыс, атакующих мусорку. Андрей восклицает, что в жизни не видел такого количество грызунов. Спрашивает, нет ли их в квартире. Антон отвечает, что ни разу не видел.

Коммуналка неплоха: начинается с общей уютной кухни, дальше — комнаты. При входе двое сразу оказываются во власти соседей. Формат диалога нарушен полилогом, иначе — какофонией (от «кака»). «Друзья» слишком напирают и втискиваются в чужое пространство. Антону это явно нравится. Его формат общения меняется: он подчиняется, уподобляется шутками и подколами. Говорят о работе, жалуются на клиентов, обсуждают незадачливых ухажеров (все геи), издеваются над привычками (в том числе сексуальными) друг друга,

обсуждают прошлые пьяные вечера и выходы. Андрей скучает. Свидание утонуло в *его* быте. Тошно. Смотрит пристально на Антона. В какой-то момент, после того как Андрей удаляется в туалет, чтобы выдохнуть злость, тот подходит и предлагает уйти в комнату. Наш дурачок доволен. Уходят.

Кое-как заправленная постель, пара комодов, пожелтевшие обои, замурованное окно с бордовой занавеской, за которой спрятаны помещенные в оставшийся проем полки, старый, с пятнами, красный ковер — Андрей чувствует себя неловко. Но хотя бы одни…

Не успевает он расслабиться, как Антон виновато сообщает, что «ребята» щас придут «сюда» играть в настолки.

— Почему сюда? — законный вопрос.

— Ну, они обычно у меня собираются, — все так же затравленно отвечает Антон.

— Тебе норм от этого?

— Ну, а что я могу сделать? До того как я сюда въехал, они использовали эту комнату как проходную.

— Но это твоя комната теперь.

— Не совсем.

— В смысле?

— Здесь еще один чел живет. Мы обычно не пересекаемся с ним… Когда он появляется, мы спим под разными одеялами.

— Понятно.

В результате *они* вламываются. Один толстый, вонючий и заносчивый. Другой — манерный и крикливый (не уверенный в себе?). Третий — спокойный и даже приятный (впрочем, скоро удаляется к своему парню). Четвертый молча поедает чипсы. Никому в голову не приходит, что двое проводят время вместе…

Снова пошлые шутки, рассказы о начальниках и пьянках. Внезапно кто-то включает видео с новогоднего банкета, где Антон участвует в каком-то конкурсе. Показываемое сопровождается хвалебной репликой «Он бутылки две водки выпил». Наверное, это и есть веселье. Тонкий внутренний укол. Все могло быть проще в этой жизни… Дурачок старается влиться в диалог, но все равно чувствует себя лишним, скучает. Антон, судя по лицу, тоже. Это обнадеживает.

— Я, наверное, пойду сейчас, — робко сообщает Андрей и отлучается напоследок в туалет: происходящее не может больше так тянуться (как резина).

По возвращении соседушки собираются и уходят.

— Запомни, дорогой, ты у нас в долгу, — комментирует свой уход толстый.

— Счастливо оставаться, — склабится манерный и захлопывает дверь.

Андрей удивлен. Антон сообщает, что попросил их уйти под предлогом своей усталости.

— Неужели они не имеют никакого чувства границ? — спрашивает Андрей.

— Ну, какие есть. Зато они мои друзья.

Возразить нечего.

К этому времени уже поздно. Небо за окном почернело.

— Ты можешь остаться, — предлагает Антон смущенно.

— Ну, уже довольно поздно, — отвечает Андрей. — Какой план?

— Наверное, уже спать. Я уже никакой.

«Конечно, друзья твои другого выбора не оставили», — язвит про себя раздосадованный Андрей.

Антон распечатывает постель, говорит, как заведено, что одеяло только одно (где второе, если сосед спит под другим?). Андрей же не сопротивляется. Понятно, что тот его привлекает физически. Он рослый, подтянутый, смуглый, какой-то теплый. Поэтому в темноте Андрей не сопротивляется объятиям и поцелуям. В них тихо и уютно. Дорогой мой, жалкое зрелище! ‘Fastlove’ Джорджа Майкла. Пошло.

Это некий договор. Взаимное непонимание происходящего. Что тебя связывает с этим человеком? Он слабовольный, мягкотелый, ничего из себя не представляющий, инфантильный, хоть и выглядящий впечатляюще. Что в нем есть, кроме красивого лица, пронзительных глаз, притягательных, мягких губ, широких плеч, огромных сильных ладоней, упругости ягодиц и того, что между ногами? Есть часть тебя, которой этого достаточно, и она слаба перед соблазнами. А твое духовное спит, потому что ему нечего представить contra. Ведь оно — в бесконечности, а происходящее — конечно, как писал Ма-

мардашвили. Идеальное в данный момент не имеет материального воплощения. А имеет ли оно его вообще? Вообще моего присутствия здесь не должно быть.

В любом случае, Андрей убегает, прельстившись телесным теплом и силой другого. Ведь так сладостно отдаться воле кого-то вне тебя! Каждый нуждается в касании. И возможно, это сильнее говорит о жизни, чем любая умозрительная конструкция. Необходимость отпустить инстинкты и на время заглушить что-то (ты знаешь, что, несмотря на то что оно скрывается за одиночеством) кричащее внутри за подобием красного за неимением *настоящего*, потому что *настоящее* — это всегда земля обетованная…

На утро Андрей проснется невыспавшимся, потому что страдает бессонницей в незнакомых местах, примет душ, запутавшись в принадлежности гелей для душа и шампуней, выведет Антона в ближайшее азиатское кафе, угостит ночного спутника удоном и попробует выстроить новый диалог, заранее определив направление мысли. Собирается ли тот учиться? Нет. А какие планы? Работать в ресторане, стать менеджером. Зачем учеба? Бесполезное времяпровождение. Жизнь непредсказуема. Да, может быть. Let it be…

Антон решил проводить его до метро. Пошли до Сенной. Оба уставшие и вымотанные общением.

— Давай, — улыбается Андрей политкорректно. — Спасибо за время! Пиши!

— И тебе, — улыбается тепло тот. — И ты пиши.

Расходятся.

Это не любовная история. Классическая история.

Они друг другу больше не напишут.

Кстати, *его* звали Артемом (отметим, коли Андрей так и не вспомнил).

***

лопнула струна — слышится неловкий смех — пустые глаза похожи на камни, сверкающие в свете всепоглощающей черной дыры — катастрофа разлагается на моем теле — мартовские дожди умывают мне щеки — упала кружка со столика — он поднял ее — мне стыдно, я хочу попросить прощения, но не нахожу смысла — я не достоин

того, кто любит меня — опавшие листья не отзываются на мои мысли, да и мысли закрашены заборной краской — теперь понятно — я бреду по тропе вдоль поля — мягко нажимаю, улавливаю ткань сгиба между полосами и дергаю — сдирается покрывало — бездна разворачивается во всей своей сверкающей красоте — она не видит меня — но мои глаза переполнены ей — обжигает лицо ледяной ветер бездонной вселенной — если этим звездам разрешено не любить, значит, я ошибался — любовь здесь ни при чем — ему безразличны люди — нажимаются белые и черные клавиши — все равно звука не выходит — любовь не спасает, она не готова жить, она лишь луч, напоминающий о солнце — я не могу — не могу — он передо мной — хрупкий, с торчащими ребрами, с глазами младенца — он ангел, гений, витающий над облаками, повелевающий туманом — он сносит, как ураган, вещи дня — он сдирает покров, подводит к водам, раскрывая вечную пропасть, умывает родниковой водой — он знает то, что было загадкой — он шелестит вечностью — я обменял все свои цветные стекла на одно его слово — отдав все, заглянул за грань — погружаясь в омут, отдаваясь черной дыре, я отпустил красные цветы — мне нельзя было прикоснуться, и мы сидели обнаженные на полу, обнимая друг друга — лицом к лицу — мне хотелось плакать — ведь он был мои слезы — и я не знал, что может быть глубже этих черт — играла музыка, а мой мир рушился, отдавая бездне камень за камнем —

***

Напряжение нарастало незаметно, медленно, родившись лишь из оттенка неопределенного чувства. Где-то внутри накапливались противоречия и все чаще напоминали о себе. Отчетливо Ада осознавала их, когда ей звонил Фил. В эти мгновения на нее как будто выливалась разом вся ее жизнь, та жизнь, о которой она не хотела вспоминать. Ада отворачивалась от нее, ощущая, что не способна ничего этой жизни противопоставить: настолько *та* жизнь была тяжеловесна. И после пяти минут лжи она все забывала, волны захлестывали пробуждавшееся внутри осознание, наступало прежняя гармония.

Однако все-таки Ада испытывала вину. Просыпаясь по утрам, она чувствовала, как содрогается сознание, не выстроившее еще защиты

от железных мыслей, под массивом ужаса от происходящего. Ада обманывала человека, который, возможно, был ей предназначен, с которым связано столько лет жизни, который почти стал ее мужем. Ради кого? Кто такой Нико? Что она знала о нем, кроме тех противоречивых горько-сладких чувств, что в его присутствии бурлили внутри?

И на это как раз был ответ — слова Нико. Главным аргументом в пользу совершения безумства, а именно так представлялось Аде происходящее, стали его философия, его взгляд на мир и жизнь в нем. Жизнь как свободный полет. «Люби и отпускай», — звучало в ее голове. Что могло бы быть проще? Эта формула была куда красноречивее и сильнее, чем та картонная жизнь, которая установилась в Ярославле. Куда она смотрела все эти годы? Зачем ей филфак с пыльными книгами и умершими «ятями», зачем ей серый разваливающийся Ярославль? Зачем ей эта работа? «Херово стараешься!» — звучало в голове. Петербург! Психология! Саморазвитие! Искусство! Работа на себя! Нико, казалось, открывал пространство для дыхания, насильно вливал воздух в ее легкие, обескровленные и ослабевшие.

А дальше наступало пространство неизвестного и непонятного ей. Ведь все это она сама знала! Ада мечтала об этом всю свою юность до встречи с Нико. Ей много лет назад уже самой хотелось красоты, искусства, музыки, любви. Все это не было новым… Почему же сложилось так? Почему жизнь из красочной сцены из любимого фильма превратилась в скучную серую панельку? Среда заела? «Сцена», — говорило сознание.

Ада чувствовала, что где-то внутри звучала усталость, когда она прокручивала слова Нико, а за ней следовало и неверие. Она отгоняла от себя подозрения, отвергала возможность такого хода мыслей, но однажды утром, за завтраком, в голове все же мелькнула эта идея. Характер той жизни, которую она обустроила, как ни крути предопределен ей самой, той частью, которую она игнорировала и которую, не зная, совсем не замечала, а часть эта была огромная слепая зона, имеющая тем не менее колоссальное влияние. Ее личность, какая-то область этой личности, хочет такой жизни и не хочет жизни Нико. Но почему?.. Потому что Нико не настоящий. И мысль эта, точнее факт того, что сама эта догадка присутствует в голове, приводила Аду в отчаяние. В таком случае оста-

валось лишь разочарование в себе: получается, сама того не ведая, она постарела, растеряла все свои волшебные желуди, подаренные соседом Тоторо. Получается, ей не хотелось движения, полета, легкости, свободы? Хотелось. Но Ада вновь сталкивалась с отсутствием веры.

Нужно любить жизнь, потому что любовь к человеку только проявление любви к жизни. То есть любить кого-то еще не смысл. Любить надо всю жизнь, без привязки к человеку. Нельзя проводить границу: взять любовь и выбросить все другое, повседневное существование. Даже само разделение, сама классификация — что-то ненормальное. Но почему?.. Нужно полюбить свои дни, полюбить то, что не связано с конкретным человеком, полюбить бытие… «Но я так устала это любить», — откликалось в Аде что-то. Любить на износ, тратить все силы на то, чтобы любить насильно, любить, потому что себя заставляешь? А возможно ли любить долго в таком случае? Где найти силы на это планетарного размера чувство? Как можно любить то, что не насыщает тебя? Даже не так! Как можно просто любить эту жизнь?! Как можно наслаждаться ей, когда она только берет? Ведь все мечты Ады сгорели без остатка, оставив выжженную дыру внутри нее. Кто помог ей заполнить пустоту, когда ничего из бывших грез не осталось? Не та ли самая часть, которую Ада не заметила?.. Значит, Нико — это ложь?.. Он заставляет ее дышать, чувствовать легкость, пытается поднять в воздух. И она даже сейчас сопротивляется? Что откликается тогда в ней на его призыв? Только сгоревшие мечты? Обесцвеченные идеи? Посеревшие фотографии? Испорченные ленты пленки? Он вызвал все это из мира мертвых, заставляя вновь гореть! Обманщик, фокусник, иллюзионист… А она ведь вспоминает-таки о гибели и замечает призрачность разведенного костра… Все лишь иллюзия… И тут Аде становилось страшно. Следствие этих рассуждений приводило ее в состояние мгновенной паники, когда мысли испарялись, прятались в стол, чтобы сделать вид, будто их не существует…

Оставалась лишь убежденность в том, что ее не может быть, что она не что иное, как выжженная никчемность. По всем законам мира Нико Ада не имела права на существование.

Именно поэтому они оказались здесь, в этой комнате в отеле с ярко-красными шторами.

Еще минуту назад Нико и Ада преодолевали последние рубежи близости. Он двигался к этому уже давно, все эти дни, и алеющий солнечный свет, бьющий прямо в окно, невероятно шел его красивому лицу. Он жадно сжимал ее тело в своих руках, покрывал влажными поцелуями щеки, шею, ключицы. Ада изнемогала. Кружилась голова, хотелось поддаться. Безумие, охватившее ее жизнь, стало красным, как кровь, оно вскипело, обрело его облик и пыталось взять последнее, что могло защитить прежнее, оставленное в сотнях километров отсюда, да, нелюбимое, закосневшее, но…

Она отодвинула его от себя. Ада, не помня себя в этот момент, положила ладонь на его грудь и решительно оттолкнула Нико.

— Я не могу, — тяжело вздыхая, только и выдавила она.

— Почему? — растерянный взгляд.

— Для тебя это все легко — для меня трудно, — отрезала Ада.

Она почувствовала, что ответила грубо, и мгновенно испытала вину.

Нико молча смотрел на нее, медленно успокаиваясь, оставляя возбуждение. В конце концов он хмыкнул и усмехнулся:

— Впрочем, я понимаю.

— Что? — не поняла Ада.

— Ты изменилась, — произнес Нико, поправляя выправившуюся рубашку. — Мы слишком разные… Неужели ты думала, что я не догадываюсь о твоих сомнениях?

— Я…, — замялась Ада. — Я просто не могу… Я не могу бросить Фила, бросить всю свою налаженную жизнь ради тебя, ради того, чтобы… Чтобы что?

Нико снова усмехнулся.

— Вот именно, — продолжала она полушепотом. — Ради чего я брошу все? Разве ты можешь предложить мне что-то, кроме неопределенности? Что такое твоя свобода, любовь, умение отпускать? Разве ты влюблен в меня? И если да? Что будет завтра с твоими чувствами?

— Будет новый день, — проговорил Нико.

— Я не могу так…, — продолжала Ада, повышая голос и теряя контроль над мыслями и речью. — Твое все — это ничего. Тебе бы только все отпустить. Красивый сюжет — и только. Все с утра — ничего вечером. Твои смыслы — отсутствие смыслов. Я не понимаю… Не способна.

Извини. Как можно отпустить то, что любишь? Как можно любить то, что не любишь? Тогда чем любовь будет хороша?..

Она понимала, что знает его ответ, понимала, что согласна с ним, потому что сама когда-то обдумывала все это, но тем не менее говорила:

— Ты говоришь об отсутствии привязанности. Но зачем тогда человеку человек? В чем смысл? Зачем ему держаться за него? Не нужно держаться? Тогда зачем любовь вообще? Любить саму жизнь, быть цельным призываешь ты. В чем смысл тогда облюбованной твоей вселенной? Принимать все, любить все — значит не принимать и не любить ничего. В твоей философии нет никакого тепла, лишь холодная красивая логическая цепочка, выверенная линия. А я хочу тепла! Любовь у тебя становится минутным развлечением, сводится к повседневной потребности вроде употребления еды, а страсть становится болезнью, которую нужно лечить. В мире, где ты ищешь только радости, удовольствия, любая привязанность кажется отклонением. В идеал возводится умение наслаждаться моментом и его отпускать, то есть полное безразличие, только потребительство. Ты предлагаешь мне дышать, но в воздухе твоем пусто, потому что ничего от него в тебе не останется!.. Когда ты свободен от страстей, в твоей жизни не остается смысла, потому что любой смысл есть привязанность, зависимость, страсть. Любовь ко всему оборачивается скукой, апатией, потому что любовь предполагает смысл, а значит, и привязанность, зависимость, страсть. Абсолютная свобода — это одиночество. Идеалом становится распад связей, так? И где здесь счастье?.. Свобода — что в ней, кроме разочарования?

Ада запуталась и остановилась.

Нико молчал.

— Я говорю бред, — произнесла наконец Ада. — Понимаю… Несвязно. Потому что не могу сформулировать мысль…

— Потому что то, о чем ты говоришь, в тебе, — откликнулся как-то холодно Нико. — Ты пытаешься рассказать обо мне, но говоришь сама с собой.

— Потому что я не понимаю, как ты существуешь, — почти плача, воскликнула Ада. — Я завидую тебе. Тому, что ты такой… Я не понимаю, как ты можешь существовать! Я просто не могу, как ты… Потеряла сноровку. Нет во мне этого! Не могу…

— Я вижу.

— Разве ты можешь влюбиться, Нико? — спросила она отчаянно.

— А ты?

Нико лукаво улыбнулся на ее молчание, встал и скрылся в коридоре. Ада не останавливала его.

В комнате было темно: похоже, на улице собирался дождь. От окна веяло снежным холодом.

***

Весь тот вечер Ада провела в каком-то тревожно-рассеянном состоянии. Она много думала, но мысли в голове не складывались и не образовывали никакой отчетливой адекватной картины. Работать не получалось, но и как-то отвлечься, например, с книгой или фильмом, не выходило. Ада бессмысленно ходила из угла в угол, бросалась к телефону, порываясь написать то Нико, то Филу, то еще кому-то, останавливала себя, листала ленту в Instagram, терялась в рекомендациях, затем спохватывалась и вновь приводила себя к лихорадочному обдумыванию.

Ада поняла, что находится на грани нервного срыва, когда вздрогнула от зазвонившего телефона. Высветился незнакомый номер, но она, несмотря свои предубеждения, решила ответить. На той стороне ее встречало могильное молчание. Дважды Ада произнесла волшебное «алло», но ответа так и не последовало. Она сбросила и внезапно поймала себя на чувстве самого настоящего экзистенциального ужаса. Ей почему-то почудилось, что это дурное предзнаменование, что за ней следят, что ей грозит какая-то опасность… Подобные догадки пронеслись в голове как бы автоматически и так быстро, что не удалось даже успеть сознательно отреагировать на них. Наконец Ада пришла в себя и несколько раз повторила внутренне, что ее мысли — глупости, что все они вызваны лишь перенапряжением нервов. Однако что-то все-таки оставалось…

Ей было некомфортно. Все вокруг вызывало у нее отторжение, даже больше — самое настоящее отвращение. Неприятны были этот номер в отеле с грязными желтыми обоями, эти люди в новостной ленте, эти бессмысленные статьи об искусстве в «Arts & Culture», которыми она пыталась себя занять. Четкое ощущение жизненной неопределен-

ности, а в частности непонимание того, как жить с собой, с такой собой, охватило ее, вводя в настоящее негодование.

Потом вдруг написал Нико и позвал ее в клуб. Его сообщение было лишено намеков на случившийся между ними разлад, но и желания примирения Ада не обнаружила.

Последовали тяжелые минуты раздумий. Голова была не в порядке, ее мутило, мысли слипались, и, пытаясь их рассоединить, Ада еще больше увязала во внутренней каше — следовало бы остаться в гостинице. Но что даст ей это место, кроме зацикленности на собственной никчемности? У нее не было ключей для разрешения проблем. Можно было выйти, развеяться с помощью музыки, алкоголя. В конце концов, там был Нико. Возможно, он сможет ей помочь… В конце концов Ада согласилась и начала собираться.

Клуб был в самом центре города, на шумной, полной света улице, у самой Волги. Пространство было небольшое и людей было довольно много, так что Ада сразу ощутила жуткую духоту и нехватку воздуха. Громко били по ушам колонки, перекрикивая даже ее мысли. Тело отреагировало на волны ритма, так что даже полегчало. Цветной свет мерцал, разрезая темноту, показывая и скрывая лица людей. Вместе с полумраком он тоже действовал расслабляюще.

Нико встретил ее как обычно, никак не показав замешательства. На нем была сетчатая черная майка, а вокруг белых глаз красовалась темно-синяя линия подводки.

Здесь же, как оказалось, отдыхали и ее коллеги. Ада догадалась, что Нико позвал их так же, как ее. Все были шумно веселые и уже изрядно выпившие. Нико флиртовал с девочками.

Маша с восторгом ринулась к Аде, когда заметила коллегу:

— Боже, и ты тут! — вскрикнула она, уже совсем опьяневшая. — Давай выпьем. Дорогая, я как раз о тебе вспоминала сейчас!

Ада улыбнулась дружелюбно и приняла предложение. Они выпили текилы, и Маша потащила ее танцевать, уводя от увлеченно что-то рассказывающего ребятам Нико.

Вечер начался, проглотив Аду.

Пробравшись сквозь толпу ближе к диджею, она стала танцевать, сначала подыгрывая кривляющейся перед ней Маше, а затем уже са-

мостоятельно, искренне. Биты выбивали из головы замешательство. Тревога прекрасно ложилась на крутые переходы и трансформировалась в конце концов, соединяясь с алкоголем, в околоблаженственное состояние.

Они выпили еще. И еще. Появились остервенение и азарт.

В пьяном жару Маша познакомилась с какими-то парнями у бара, с Мишей и Гошей, или Лешей. Наблюдая за подругой, Ада сама стала несознательно флиртовать. Затащив парней на танцпол, девушки в конце концов обнаружили себя покинутыми, что не стало рассматриваться как повод для печали. Спустя мгновение молодые люди оказались забыты.

В конце концов, когда заиграла вездесущая «Девочка, танцуй», Ада, совершенно отпустив ситуацию, присоединилась к восторженным крикам и подпеваниям Маши, не из любви к песне, а просто так, за компанию, под влиянием момента. При этом она даже засмеялась, подметив про себя, как смешно ложится на нее этот глупый попсовый трек и как, наверное, комично она выглядит со стороны.

Тревога ушла. Огни проносились перед глазами, плавно смешиваясь, сменяя друг друга, иногда отражаясь на лице пьяной Маши.

Затем подруга куда-то исчезла. Ада осталась танцевать одна, подозревая, что видела где-то поблизости то ли Гошу, то ли Лешу. В какой-то момент она осознала, что голова уже кружится. Нужно было подышать. Однако, направляясь к выходу, Ада была остановлена охранником, который объявил ей, что из клуба можно выйти только единожды. Огорошенная этой новостью, Ада вернулась к бару, где внезапно ее нашел Нико. К тому моменту она уже забыла, что именно он пригласил ее сюда.

— Ты много пьешь, — произнес Нико.

— С чего ты взял? — отозвалась Ада. — Хотя какая тебе разница?

Эта грубость вылетела из нее несознательно.

— Каждый сам несет за себя ответственность, — ответил Нико. — Просто хотел тебе напомнить об этом.

Ада улыбнулась, но успела почувствовать неприятные отзвуки внутри.

— Да, прости, — проговорила она. — Я не пьяна. Не беспокойся.

— Прекрасно.

Нико ушел.

Ада соврала. Она осознавала, что уже довольно пьяна, больше, чем думала недавно. Головокружение говорило о том, что дело плохо. Но возможность опозориться на глазах Нико, показать, что она больше не контролирует ситуацию, внезапно представилась невыносимой. Ада решила, что должна прийти в себя и двинулась к туалету.

В ее голове неожиданно родилась идея отсидеться там, прочистить желудок и вернуться в трезвом или хотя бы вменяемом состоянии.

В туалете также играла музыка, не та, что в зале, более спокойная и монотонная. По углам под потолком висели колонки. Горели красные лампы, бликами разливаясь по исписанной маркерами и исклеенной стикерами белой плитке.

Ада закрылась в кабинке. Нагнувшись над уже неприлично грязным унитазом, она попыталась вызвать рвоту, но ничего не вышло. Вздохнув, Ада опустила крышку и присела. Голова неприятно гудела. «Черт дернул так напиться», — подумала она.

Просидев неподвижно несколько минут, Ада решила, что пора выходить. Она почти решилась вызвать такси и уехать в отель. Однако, когда Ада попыталась подняться, ее резко мотнуло в сторону и она практически рухнула обратно на крышку унитаза. Головокружение обернулось неконтролируемым процессом и стало таким сильным, что сознание отозвалось резкой рябью. Дело оказалось плохо. Точка невозврата, очевидно, была преодолена. Ничего не оставалось, кроме того как сидеть здесь, облокотившись головой на стену, пока не полегчает или хотя бы не придет несущая очищение тошнота.

Ада не могла сказать, сколько длилось это пребывание в туалете. Она только слышала, как заходят и выходят люди, как кого-то тошнит, как кто-то шумно обсуждает что-то или ссорится. Почему-то ей было страшно, что ее здесь найдут, что ее раскроют, хотя это было практически невозможно, так как кабинка была закрыта и все происходящее в ней — недоступно для глаз.

Весь вечер со своей быстротой и нелогичностью начал пробегать перед ее глазами: и танцы с Машей, и выпивка, и музыка, и молодые люди, с которыми они флиртовали, и лицо Нико. Аду внезапно затошнило. Едва не рухнув на пол, она еле-еле успела отбросить вверх крышку унитаза…

К несчастью, после не стало легче. Ада окончательно убедилась, что вероятность ее возвращения в зал стремится к минимальной.

Сознание кричало, раскалывалось от оголенных мыслей и вызываемых ими эмоций. В голове мелькали отрывки разговоров с Нико, черты его лица, голос Фила и огромное чувство вины.

Ада практически летала по этому ограниченному стенами грязному пространству, погружаясь в какую-то полудрему, сотканную из тяжелых, вырвавшихся из глубин подсознания мыслей.

Как она могла обвинять его? В чем, собственно, Нико виноват? Ты сама все отпустила в своей голове, обменяла на ценности и идеалы, которые позже превратила в пепел. Сама от всего отказалась… Последовательно, постепенно, но слепо шла к этому, к полной пустоте. Ты в вакууме. Летаешь под потолком, как освобожденный дух Гаспара Ноэ. В жизни тебе всегда хотелось найти что-то истинное, как у Толстого, фундаментальное, ясное и неподвластное внешнему. Это был критерий для анализа всего. И ты обесценила каждый из смыслов, потому что ничего твоего критерия не выдержало, сама освободила себя, думая, что идешь в правильном направлении… И можно представить, что этой музыки нет. Можно представить, что и этого туалета тоже нет. Все можно отпустить, вручив своему выдоху. На вдохе захватываешь — на выдохе отпускаешь… Теперь все ложь для твоего мозга. Собственноручно загнала себя в ловушку. Ты свободна, и от этого в заточении. Поэтому несчастна… И не любишь ты ни Фила, ни Нико. И сама не способна ни на какую весну. Ты сама себя разрушила. Не вини никого…

Однотонные, одинаково склизкие, мерзкие назидательные мысли лезли в ее голову, сливаясь в одно непроглядное коричневое пятно, которое затягивало, словно болото.

Весь мир был туманностью, в которой не было ни конца, ни начала, в которой нельзя было отличить оттенки друг от друга, которая была сама бессмысленность и мишура. Каждый силуэт был лишь призраком. Ничего этого по-настоящему не было — ничего, что бы можно было назвать предметом ее мысли. Все это — обрывки чьего-то, чужого толкования, гниющие и распадающиеся. Когда-то она сама их подбирала, присваивая себе, собирая коллекцию. Ее личным отпечатком, ее собственным следом было лишь разочарование. Она достигла того, что

вдохновение лишилось цветов, отошло, вместе с собой унеся желание. Цветная картинка рассыпалась, превращаясь в разбитую мозаику. Составленное из фрагментов изображение раскалывалось вновь, создавая очередные осколки, никуда уже не годные. Собранные открытки разрывались в клочья, чтобы исчезнуть в небытии, в которое они и так превратились уже давно. Отпадая, они опускались во мрак, в неизвестность, открывая зияющую дыру…

Кажется, в какой-то момент Ада задремала.

Она очнулась, услышав стук в дверь.

— Выходите, — услышала Ада. — Клуб закрывается через полчаса…

Ада оттолкнулась от стены. Шея мгновенно отозвалась острой болью. Ада застонала.

— Девушка! Мне долго вас вытаскивать оттуда?! Вы полчаса назад сказали, что выйдете…

Ада вздохнула.

— Да, я выхожу.

Она попыталась подняться. Головокружение прошло. Оставалось только яркое чувство страшной запачканности и гадливости.

У кабинки ее встретило недовольное лицо девушки-администратора.

— Здесь не ночлежка, — проговорила та с уверенным превосходством.

Ада только посмотрела на нее, без слов, и подошла к раковине. Увидев свое отражение, она невольно отвернулась и, включив холодную воду, стала умываться.

Администратор продолжала стоять сзади.

— Что-то еще? — обернувшись, спросила Ада.

— Жду, пока вы уйдете, — произнесла та. — Не хотелось бы опять выдворять кого-то из сортира.

Ада вздохнула, закатила глаза, презрительно улыбнулась и двинулась к выходу.

Пройдя через уже почти пустой танцпол, забрав из гардероба пальто и шарф, она выбралась наружу.

Вокруг лежали сугробы, оттеняющие грязные серые стены внутреннего дворика и черное-черное небо над ними. Горел фонарь, и в потоке его света можно было разглядеть мельчайшие снежинки, разрезающие темноту.

В лицо ударил холодный зимний воздух. Ада глубоко вдохнула. Очищающая струя прошла сквозь ее тело, неся охлаждение. Мозг благодарно отозвался на смену обстановки. Жить было можно. Можно было и ехать домой.

Ада решила вызвать такси, но, достав телефон, поняла, что тот разрядился и отключился. Нельзя было узнать даже времени.

Она развернулась и вновь вошла в клуб. Дорогу ей преградил охранник.

— Клуб для входа закрыт, — буркнул он.

— Я понимаю, — пояснила Ада. — Но у меня умер телефон. Я не могу вызвать такси. Я только хотела спросить, нельзя ли мне поставить телефон на зарядку буквально на пять минут. Только чтобы хватило вызвать машину…

— Нельзя, — оборвал ее охранник. — Прошу вас покинуть помещение.

— Ну пожалуйста! — воскликнула Ада. — Мне не уехать даже отсюда. Будьте человеком…

— Покиньте помещение, девушка, — отчеканил шкаф.

— Ну, хотя бы подскажите, сколько времени, — взмолилась Ада.

— Выйдите, я повторяю.

Ада повиновалась, бросив напоследок «придурок».

Выйдя из внутреннего дворика, она оказалась на уже пустынной улице. Оглянувшись по сторонам и не найдя никого, к кому бы можно было обратиться, Ада пошла в сторону моста.

Было очень тихо. Река и противоположный берег Волги чернели за домами.

Миновав маленький садик и перейдя дорогу, Ада вышла к набережной. Здесь немного постояла, всматриваясь в открывающуюся перед глазами непроглядную мглу. Облегчение, вызванное холодом, прошло, сменившись дрожью.

«Искали ли они меня?» — с ноткой какой-то иронии подумала Ада о Нико и своих коллегах.

В сознании нащупывалось какое-то мокрое пятно, рана, поверхность которой периодически покрывалась рябью. Похмелье говорило о себе: немного кружило голову.

А в опустевшем спящем городе и этой зимней ночи было что-то грустное, одинокое, но одновременно его тишина будто говорила с ней, говорила душевно и тепло, более отчетливо и разборчиво, чем при толпе и суете. Ада понимала, что говорит никакой не город, не его тишина, что не может все это вокруг говорить, что говорит что-то внутри нее, но, несмотря на то что оно говорит громко и четко, понять ничего решительно было нельзя.

Замерзли ноги, и она двинулась дальше. Прошагав по свежему снегу минут пятнадцать, Ада добралась до моста и остановилась. Она знала, что нужно перейти Оку, но, куда идти дальше, ей было неведомо. Без карты, навигатора, без людей вокруг найти дорогу не представлялось возможным. Отослав очередное проклятие верзиле на входе в клуб, Ада остановилась у трассы, решив поймать машину.

Дорога была пуста. Редкие водители, появлявшиеся из-за поворота на холме, проносились мимо — прямо на мост, не обращая внимания на Аду.

Пропустив таким образом шесть машин и окончательно замерзнув от ледяного речного воздуха, Ада побрела к автобусной остановке, чтобы укрыться от ветра.

В голове ее мельтешили мысли. Нужно было что-то придумать. Риск замерзнуть в сугробе становился значительнее.

И решение внезапно явилось.

Сперва Ада удивилась ему. Подсказанное остатками хмеля, оно было одним из тех гениальнейших решений, которые приходили к ней в первые университетсткие годы в моменты опьянения.

Ей почему-то отчетливо представилось, что ни один уважающий себя мужчина не откажет в помощи попавшей в беду девушке. Но как он поймет, что девушка в беде? И тут пришло озарение. Слезы!

Собравшись с силами и припомнив весь прошедший день, Ада сосредоточилась на тяжких мыслях, которые в достаточном количестве накопились внутри. Не прошло и нескольких минут, как она смогла вызвать первые слезы. Держа перед глазами сцены разговора с Нико, ссор с Филом, выяснений отношений с бабушкой, прокручивая в голове обидные слова, обращенные к себе, Ада медленно превращала тихие слезы в настоящее рыдание. Выйдя из-за угла остановки, она

поплелась вдоль трассы там, где ее точно могли разглядеть. И трюк сработал.

Первая же проезжавшая машина остановилась. В ней сидели трое молодых людей, тоже, видимо, возвращавшихся домой после «гулянки». Увидев, что девушка «в беде», они сразу начали ее успокаивать, выяснять, что произошло, предлагать свою помощь.

Ада не заметила сама, как вошла в роль. Она начала на ходу сочинять банальную историю о том, как она пошла в клуб с парнем, с которым они вместе приехали смотреть Нижний, а тот расстался с ней прямо на танцполе и бросил, что она напилась с горя и не заметила, как разрядился телефон. На вопросы о том, как ей помочь, Ада ответила просьбой довести ее до гостиницы, где ее ждет мама, которая, якобы, тоже сопровождала ее в путешествии.

Не вдаваясь в слабость рассказанной истории, Ада давила слезами, стараясь сохранять необходимое душевное состояние для поддержания рыданий.

Ради приличия Ада сделала вид, что смущена помощью молодых людей, что, наверное, откажется, но «спасители» пустились в уговоры, всерьез сочувствуя «молодой леди» и называя нерадивого парня «гандоном». В результате она оказалась в тепле на заднем сидении «двенашки». У нее выпытали, куда ей нужно, и пообещали, что довезут «в целости и сохранности». Ада получала искреннее удовольствие.

Успокоившись, она, опьяненная своей глупой выдумкой, начала с упоением жаловаться на выдуманного парня, призывая на помощь все истории отношений, которые когда-либо слышала, и между делом вставляя реальные случаи из жизни с Филом. В результате парни начали откликаться на ее душещипательную историю и делиться своими… Ада стала слушать.

От слез ли или от давшего знать о себе алкоголя внутри она в конце концов почувствовала тошноту, откинулась на кресло и закрыла глаза. Голова вновь закружилась. Ее укачивало. Оставшуюся часть пути она слушала байки своих спасителей и молилась о том, чтобы ее не стошнило прямо в машине на одного из них.

Когда же за окном показалась гостиница, Ада с восторгом вскочила и начала благодарить спутников. Она вылетела из автомобиля мгновенно.

— Здоровья вам, ребята, — выскакивая на улицу, протараторила она.

Потом уже припоминая, Ада почему-то слышала в своем исполнении «Дай вам бог всего-всего» или что-то подобное. Иными словами, по окончании своего приключения она совершенно отдалась своему неоправданному веселому, даже шутовскому состоянию.

Ада не помнила совсем, как вошла в номер, как умылась и легла спать, обрадовавшись, что даже не разбудила Машу.

***

Гремит пол. Пространство взрывается и смыкается под бит, создаваемый взмахивающим руками ди-джея. Две девушки в кожаных штанах и сетках поверх белых топов танцуют под сводами черных, освещенных красными прожекторами стен, на стойке, среди проводов и маленьких огоньков, похожих на звезды. Изнемогает в экстазе у самого пульта третья, пробравшаяся сквозь толпу вперед. Она изгибается, вращает головой, обдавая танцующих режущей шевелюрой налаченных волос, явно ловя звезду Люцифер. В оконном проеме блистают накаченными сияющими во мраке торсами трое ловящих кайф рейверов, сопровождая плавные движения тела и свои черные очки характерными рывками и зигзагами рук. Светится красным бар, вокруг него накапливаются и рассеиваются люди. Толпа дышит, пребывая и отбывая. В туалеты огромные очереди. Трое в кабинке медленно распределяют по зеркалу полоску Млечного Пути. У огромного стального писсуара мальчик заглядывается на мускулистого парня справа, смущаясь своей наготы и разжигаясь о мысли о ее коллективном характере. Позади, у самого выхода, пара обжимается, ожидая своей групповой очереди на уединение. Толпа в соседнем зале, менее крупном, друг на друге, под удары колонок расщепляется в восторженном крике, девочки, вчетвером, у стойки припадают к губам друг друга, символизируя нарастание дионисийского священнослужения. Где-то из черных рамок кожи вырываются сиянием упругие ягодицы. Где-то демонический образ с кошачьими усами и в фуражке, щупальцами раздвигает безразличную человеческую толщу. Где-то девушка обнимает брошенную парнем подругу, пытаясь унять ее рыдания. На втором этаже на диване у чайной стойки, благоухающей запахом трав и дымом, раскрашенным цветным светом, мир-

но спит длинноволосый юноша в рваных джинсах. В третьем зале, воодушевленные разгоряченной кровью, по стойке передвигаются и танцуют, перебрасывая луну, юноши, неудавшиеся рокеры-хиппи с вожделеющими ликами падших ангелов. В углу, размышляя о древе познания, девушка с заплаканными блестками глазами разглядывает рыбок в аквариуме, ведущих свою привычную жизнь в вечности рая. В сторонке группа заливается беззвучным здесь адским смехом. Среди толпы изламывается охваченный любовью к жизни танцор, демонстрируя под границей обрезанной майки красоту своего пресса, поперченного черными волосками, выстроенными в линию креста. Аминь.

Все движется, ищет, жаждет, упивается, наслаждается. Энтропия вызывает эйфорию. Нега разливается в воздухе, пропитанном дымом, сигаретами, травой, порошком, алкоголем, дорогим и дешевым парфюмом, человеческим потом. Расширение сознания в границах сознания: иллюзия сверхъестественного. Свет мерцает, открывая простор для опьяненной фантазии. Блестят надписи и стикеры на стенах, все сильнее расплываясь в текстурах. Каждый ждет, когда переливающиеся цветами облака над танцполом наконец развернутся и принесут жизнеродное удовлетворение.

Андрей сидел за барной стойкой и медленно попивал из стакана, наблюдая окружающих его людей. Ему было комфортно. Пространство казалось людным, движущимся, но при этом Андрея это касалось мало. Он был отделен от происходящего в той же степени, как и все остальные.

Незнакомец подкрался незаметно.

— Что пьете, молодой человек? — спросил он вибрирующим от выпитого алкоголя голосом.

— Водка с колой, — улыбнулся вежливо Андрей.

На вид ему было лет пятьдесят. Мерзкая подобострастная улыбка, обрюзгшее лицо (страх старости — ох уж, Злая Королева), пузо, проглядывающее белизной кожи сквозь зазоры, которые пуговицы не в силах устранить.

— Я тут сяду, не возражаете? — вопрос прозвучал все так же нетвердо.

— Пожалуйста: это общее пространство, — ответил вежливо Андрей.

Незнакомец тяжело взобрался на стул и подозвал бармена.

— Две водки с колой, — заказал он.

— Ого, неплохо, — удивился Андрей.

— А ты что думал! Надо веселиться!.. Меня вот мой парень кинул. Поехал в гей-клуб. Ему травести-шоу подавай…

Андрей усмехнулся.

— Бывает.

Когда заказ оказался перед клиентом, один из бокалов переместился в сторону молодого человека.

— С чего бы это? — спросил Андрей.

— Такому красивому юноше не подобает быть трезвым здесь.

— Благодарю, — все так же улыбаясь, ответил тот.

Андрей продолжает попивать из старого бокала.

— Слушай, — похоже, не дождавшись органичного развития диалога, начал незнакомец. — А ты чего тут один?

— А с кем должен быть?

— Такая красота. И одна… Как так-то?

— Не знаю, — усмехнулся Андрей.

— Ну, внешность при тебе. Взгляд умный. Разве что характер?

Андрей засмеялся.

— Может быть, характер, — ответил он.

— Наверное, — собрав губы в трубочку и сделав гримасу мысли, изверг наконец незнакомец. — Ты кто по знаку зодиака?

— Скорпион, — широко улыбаясь, ответил Андрей.

— Тогда все ясно, — хлопнул по стойке незнакомец. — Вы блуждаете одни постоянно, не умеете людей подпускать, всех отпугиваете… Поздно пару находите…

Подумал и продолжил:

— Характер у вас дерьмовый. Над ним работать нужно.

— Хорошо, поработаю, — отозвался ироническим кивком головы Андрей.

Снова установилось молчание.

Незнакомец слез со стула, подвинул его ближе к Андрею и уселся вновь.

— А меня Илюха зовут, — протянул к нему руку.

— Дима, — отозвался Андрей.

— Приятно, Димас! Как смотришь на то, чтобы я составил тебе компанию на вечер?

Андрей привстал и отодвинулся от собеседника.

— Думаю, мне приятно в одиночестве, — заключил он.

— Вот он — скорпион, — протянул, торжественно улыбаясь, мужчина.

Андрей ответил краткой улыбкой.

— У тебя классная футболка, — Илюха коснулся своими жирными пальцами широкого разреза его майки. — А под ней, видно, еще красивее все.

Глаза его сверкают.

Андрей внимательно посмотрел на них. Нет реакции.

Допив из бокала, Андрей произнес:

— Я не буду второй. Спасибо!

И, встав, двинулся в толпу.

Илюха явно должен был последовать за ним.

Украдкой оглядываясь, Андрей пробирался к окнам, чтобы сесть среди толпы на широком подоконнике. Он не успел добраться до цели, когда увидел свободное кресло у столика. Андрей поторопился занять его. Рядом сидел какой-то парень, попивая коктейль.

Илюха показался из-за спин и стал подкрадываться к Андрею. Подползши близко и нагнувшись, он крикнул:

— Куда ты так быстро умчался. Еле тебя нагнал…

— Я…, — начал было Андрей, но его перебил крик со стороны.

— В чем проблема? — было восклицание, сконструированное из мужского голоса. — Он со мной. Нам надо поговорить. Можно?

Интонация возмущения явно подействовала на Илюху. Бросив взгляд на свою жертву, он ретировался, с досадой махнув рукой.

Проводив его глазами, Андрей обернулся к незнакомцу со словами:

— Спасибо. Было очень кстати.

— Всегда пожалуйста, дорогой, — подмигнул.

Коротко стриженные светлые волосы. Чистая ровная кожа, стекающая по скулам. Кажется при первом взгляде подростком. Но ему лет двадцать, должно быть.

— Я Илья, кстати, — игнорируя взгляд Андрея, выпалил юноша.

Андрей засмеялся.

— Этого тоже так зовут, — проговорил он, указывая пальцем в сторону, где только что был Илюха.

— Серьезно? — удивился Илья. — Подтверждает мою мысль о том, что это плохое имя.

— Норм, — улыбнулся подбадривающе Андрей. — А я Андрей.

— Круто познакомиться, чувак.

— Ты тоже тут один тусуешься? — спросил Андрей.

— Да, — кивая головой под бит, отозвался Илья. — Друзья должны приехать, но хз, где их носит. А ты один пришел?

— Ага. Решил проветриться.

— Не самое удачное место, чтобы проветриться, — усмехнулся собеседник.

Андрей не понял точного смысла его слов.

— Ты местный? — не глядя в глаза, спросил Илья.

— Нет. До этого учился в Москве. Теперь вот закончил здесь магистратуру.

— Понятно. Редко теперь питерского встретишь. Даже печально…

— А ты? — беспристрастно задал вопрос Андрей. — Отсюда?

— Почти. Родители за городом живут. У них особняк. Вот уже седьмой год, как выбрался из леса в люди.

Илья неопределенно улыбнулся.

— Где живешь? — продолжил беседу Андрей.

— У Московского вокзала.

— На скамейке? — попытка пошутить.

— Нет, в апартаментах, — усмехнулся собеседник.

— Снимаешь?

— Нет, отец квартиру купил. Он тут судья. Крупная шишка.

Илья откинулся на спинку кресла, и по его тонкому юношескому лицу пробежала какая-то, видимо, вызывающая отвращение мысль.

— А ты? — сдвинул коммуникативно брови он.

— Снимаю, — ответил Андрей. — Так что слегка завидую.

— Ну, слушай, ты неместный. Неместные обычно большего тут добиваются. Местные аморфны. Ну, там, все есть: прописка, хата, деньги. Чего еще желать?.. Вот я. Прожигаю свое время. Молодость все простит. Не так ли?

Он засмеялся.

— Ты работаешь? — спросил Андрей.

— Нет. Просто кайфую… Не вижу смысла. В этой жизни все бессмысленно. Суета сует, как говорится…

— Екклесиаст, — сжав квазиуважительно губы и кивнув, бросил Андрей.

— О, ты в теме? — подскочил парень. — Крутяк!

Он начал двигать корпусом и руками под музыку, отчего оставшийся на дне его стакана алкоголь взволновался на мгновенье, грозя выплеснуться на пол.

— А чем ты занимаешься? — поинтересовался Андрей. — Ну, в жизни.

— Я же сказал: прожигаю время. Стремлюсь к тому, чтобы его выжечь дотла. Красиво сказано! (Задумался.) Я не намереваюсь дожить до старости, до того момента, когда придется сожалеть об упущенных возможностях. Нужно наслаждаться мгновением здесь и сейчас. Взять, так сказать, все то немногое удовольствие, которое жизнь может предложить.

— Да у тебя депрессия, парень, — вставил полушутя Андрей.

— Что? — воскликнул Илья.

Андрей повторил.

— Может быть, — лицо его оставалось невозмутимым, только губы поджались. — Я считаю, что депрессии не существует. Есть только здравый взгляд на мир. Жизнь не стоит того, чтобы ее жить.

— Но ты живешь, — улыбнулся мягко Андрей.

— Ну да. А что еще остается делать? Пока красного песка в часах много, почему бы и нет?

Андрей опустил взгляд.

Илья встал и исчез в толпе. Андрей облегченно вздохнул, вновь ощутив себя в спокойном одиночестве. Однако он ошибся. Илья вернулся, неся в руках два полных стакана с водкой с колой.

— Давай напьемся, а? — засмеялся Илья. — И будем танцевать.

Андрей растерянно смотрел на него.

— Ну, давай же! — воскликнул протяжно Илья. — Мне скучно одному! Эти козлы все равно, наверное, не придут.

Андрей засмеялся.

Вскоре его расслабило. Илья продолжал делиться философией своей жизни, но делал это не давяще, даже как-то приятно, будто с некой долей самоиронии. Верил ли он сам в то, что говорил? В любом случае, Андрей не мог понять, что творится в голове парня перед ним. Все было в субъекте напротив перепутано, и мишура спонтанной соломоновской речи не могла скрыть этого… Однако… *неважно*! Можно было просто наслаждаться ночью. Андрей говорил мало, больше слушал, но если говорил, то старался как-то подколоть Илью, обратить внимание того на то, что сидящий перед ним не дурак и знает цену высказываемому.

— У меня нет будущего, черт! Мне даже отец это сказал… А правда, я не хочу обслуживать людей, я не желаю растрачивать внутренние силы на какой-то призрачный прогресс условной цивилизации. Люди — говно… Неблагодарный скот. Они ничему не учатся и ничего не ценят…

— А что ты ценишь? — улыбался Андрей.

А Илья игнорировал эти уколы. Он гнал свою линию, наматывая, как клубок, причитательные мысли.

— Пойдем танцевать, — в какой-то момент, после очередной порции обновленного алкоголя, воскликнул Илья.

Он схватил Андрея за руку и потащил в толпу…

Людей к этому часу стало меньше. Кто-то уже покинул клуб. Большая часть присутствующих была отменно одурманена. Глаза танцевавших мелькали в пространстве, потерянно, бесприютно, но блаженно. Ди-джей сменился. Исчезли девушки, бродившие по стойке с пультом. Каждый погрузился в свой собственный танец. В оконном проеме в эпилептическом приступе бился кто-то в кожаном комбине-

зоне. Компания моднявых пареньков стояла неподалеку, все еще робко двигая своими конечностями и смущенно поглядывая друг на друга. Какая-то девушка в паре метрах от них усердно терлась ягодицами о слегка растерявшегося топлес качка.

Андрея развезло, и от этого окружающий мир стал мягким, понятным и не-парься-тельным. Илья двигался рядом с ним, похоже, тоже получая удовольствие. Постепенно пространство между становилось короче, движения становились более заигрывающими. Появились соприкосновения. И Андрей уже не сопротивлялся, когда лицо Ильи оказалось совсем близко, и под гром разразившейся трансовой мелодии как будто даже жаждуще принял поцелуй…

Потом новый знакомец прильнул к его уху и проговорил:

— Поехали ко мне?

Андрей замер, пытаясь подумать.

— Давай, — сам удивившись резиновости своей речи, ответил он наконец. *Почему бы и да?*

Они стали пробираться сквозь толпу, выбираясь из клуба. Оказавшись на свежем воздухе, пьяными движениями Илья начал заказывать такси, параллельно зажигая сигарету во рту.

— Вот так это меня разнесло, — удовлетворенно выдавил он. — А ты классный.

Андрей засмеялся:

— И ты.

— Смотри, а эти пидорасы так и не явились, — заключил Илья.

— А должны были? — подколол Андрей.

— Э-э-э! За кого ты меня принимаешь?!

Когда такси подъехало, Илья завалился на заднее сидение, поручив Андрею разговор с водителем на переднем. К счастью, Идрис оказался молчаливым. Андрей опустил голову на стекло и стал следить за огнями пустого ночного города. Небо было обложено облаками, и те уже по-осеннему окрашивались в коричневую муть. Однако улицы, сияющие дома, мосты, вышки — без людей оно внушало трепетное поэтическое чувство, возможно, это было ощущение уюта… Ехать пришлось долго: ближайшие мосты все еще были разведены. Илья на заднем сидении не подавал признаков жизни.

Андрей же не стремился нарушить установившуюся тишину. Ему было хорошо.

Когда машина въехала во двор элитного квартала за Московским вокзалом и остановилась, Андрей все-таки растормошил своего нового приятеля. Проводив сонными глазами уехавшее такси, Илья полез целоваться. Андрей ощутил его руки у себя на спине, затем — ниже.

— Давай не здесь, — смеясь, прервал спутника он. — Ты совсем пьян!

— Конечно! — возгласил Илья. — Это праздник жизни, блять!

Андрей зажмурил глаза от испанского стыда.

Они двинулись к дому. В лифте снова обнимались. По укрытому ковром коридору шли неуверенно. Илья еле открыл входную дверь, ввалился внутрь и сразу пошел на кухню.

— Жутко хочу пить, — бросил он. — Если хочешь писать — справа.

Андрей воспользовался информацией. Как он и думал, традиционно все в ванной было белое: белый ламинат, белая, под мрамор плитка, белые стены, плинтуса, потолок, мебель, сантехника, полотенца — все. Только кое-где мелькали пятна светлого дерева. И везде этот слепящий белый свет. «Дорогая белая смерть», — невольно подумал Андрей, запирая дверь в ванную, совмещенную с туалетом…

Умывшись, он стал разглядывать себя в зеркале. Здесь было мягкое круговое освещение, и от этого показалось, что лицо в отражении красиво. Бля, даже очень. М-м-м… Поддавшись какому-то несознательному чувству, Андрей стянул с себя майку, а затем, уже охваченный порывом, все остальное. Стал изучать себя, напрягать мышцы, искать ракурсы, заигрывать с отражением. В какой-то момент он ощутил, что возбуждается. И засмеялся. Внезапно все происходящее представилось абсурдно комичным.

Что ты тут делаешь, Андрей? «А почему бы и нет»? Прекрасно. Но ведь так хорошо! Да, блять, хорошо!

Решив не одеваться, он было подумал выйти так к Илье (будет пикантно), но тут заметил прозрачную трубку на полке среди наваленных на ней моющих принадлежностей. Андрей взял ее в руки, стал разглядывать. Один бок ее был подпален. Изнутри резко пахло.

Андрей закрыл глаза. Вздохнул. Положил трубку обратно. Натянул трусы и вышел.

На кухне Ильи уже не было.

Свет горел в одной из комнат. Андрей двинулся туда.

— Илья?

Ответа не было.

Андрей обнаружил ночного спутника на кровати. Тот, видимо, бухнулся на кровать, желая вытянуться. Теперь, очевидно, мирно крепко спал.

— Что и требовалось ожидать, — проговорил шепотом Андрей и снова окликнул Илью по имени.

Тот не откликался.

— Сон, как полагается, богатырский, — усмехнулся Андрей и поплелся обратно в ванную.

Полностью одевшись, он еще раз проверил Илью и удалился, захлопнув входную дверь.

Сидя уже на заднем сидении такси и направляясь домой, Андрей невольно ощутил облегчение. Какая-то тяжесть сваливалась с его плеч при мысли о том, что почивающий в мире знакомый незнакомец останется только в воспоминаниях.

***

и что было бы без этого? сияло солнце, по дорогам плелись люди — шумел город — я смотрю на сверкающую листву — ничего не меняется, тянется к строгости мироздание — часы идут за часами, неумолимо перемалывая мою музыку — а хочется разлома, трещины, ровно в середине картины — глаза не соотносятся с этим — я с ненавистью шагаю — а тем временем день пуст, словно прерванный рассказ — я слышу музыку и не хочу слышать ничего иного — проваливалось что-то все глубже в водоворот — после дурмана еще тверже камень под подошвой — после пожара осталась только шелуха — шепчет что-то тростник — некому слушать — мой путь в темноте — ближе и ближе край эскалатора — я хочу заглянуть за угол — я хочу исчезнуть… сверкает дорожка, в забытой пустыне — я превращаюсь в мыльный пузырь, прозрачный, несусь над детской площадкой — никто не увидит меня, не поймает — я в невесомости — я таю и теряюсь

в хитросплетениях своей постели — теперь ничего не важно — остается лишь мягкость пыли на пальцах — так громко играет музыка — она сжигает мост за мостом — я подчиняюсь — так красиво двигается рука на красном фоне — дыра, оставшаяся от стали, оборачивается источником — вода стекает, обволакивает голые ноги, расщепляется небо — впадает мысль в чувство — разразится смехом глаз в маленьком запачканном зеркальце — не найти себя в смерче — нужно довольствоваться разводами на звуке, проплешинами в ритме — стоит у кровати пустой планшет — если бы ничего не случилось, океана не стало бы меньше —

***

— Скучно, — проговорил Андрей, откидываясь на ручку ~~кушетки~~ кресла и по привычке обращая взгляд на качающиеся за окном уже желтеющие ветки. — Вот это чувство… Нет, люди неплохие. Нет. Они просто живут свою жизнь. Каждый сам… как может.

— Объясни, что значит «скучно»? — мягко настаивает психолог.

Женские коричневые перчатки забыты на столике.

— Когда я встречаю кого-то…, — замялся Андрей. — Нет… Наверное, в моей голове сложилась какая-то система возможных персонажей, некая матрица потенциальных возможностей, составленная из отрывков коммуникативного опыта. Я не смог бы ее представить на бумаге. Скорее, это что-то из разряда «я это видел». При совпадении элемента этой системы и воспринимаемого образа внутри что-то спокойно сообщает: «Понятно»… И человеческая фигура становится иллюстрацией уже известного и изученного… И люди чаще всего подпадают под эту систему. А мне бы, наверное, хотелось, чтобы они ломали мое представление о человеке. Потому что имеющее вызывает скуку…

— А какое это представление? Опиши человека.

— Я не смогу рационально представить весь образ. Он огромен и сложен…

— Назови какие-то главные характеристики. Без системы.

— Слабый, прекрасный в своей основе, но бегущий от знания об этом, потому что это очень трудно — жить, — проговорил Андрей, сам удивившись своей мысли. — Скучно с людьми, потому что я кон-

тактирую чаще всего с продуктом системы. Я имею в виду, что есть определенные шаблоны, по которым живут люди, игнорируя что-то уникальное в себе. Это какая-то привязка к реальности вокруг: вредные привычки, чопорность, щегольство, трудоголизм, одержимость самообразованием и вообще зацикленность на рационализме и практицизме (здравствуйте, это я)…

Психолог улыбается.

— Это даже представления о том, что такое дружба, любовь, отдых, веселье, — продолжал Андрей. — Люди испытывают восторг от вещей, которые должны подвергаться сомнению. Все ужасно шаблонно. В очередном новом человеке я вижу десятки старых, которые могли бы заменить друг друга, как персонажи в фильмах Линча.

Он вздохнул, ему было грустно. Сразу подумалось о том, что грусть — это такое излюбленное чувство русских, которое представляет собой искусную форму преодоления своей печали путем вознесения над ней.

— Я знаю, что, возможно, все это мои придирки, — сказал Андрей устало. — Но мне правда скучно. Как будто стена разделяет меня и остальных. Ничего в них не проникает в меня, не удивляет, не заставляет заинтересоваться. И от этого, конечно, страдаю в первую очередь я.

— А что плохого в том, что они подпадают под твои представления? Почему это плохо?

— Потому что они не живут по-настоящему и не видят, — проговорил Андрей. — Смешно, наверное, звучит от человека, который не видит сам. Но я хотя бы знаю, что блуждаю…

— А как это сказывается это на тебе? Их невидение?

— Я не могу ничего у них взять, — проговорил Андрей. — Я боюсь растраты себя на непонимание другого. Я не строю иллюзий насчет переделывания партнера. Это бессмысленно… Я говорю себе постоянно, что не нашел просто нужного человека. Но, оглядываясь, я прихожу к страшному предчувствию, что нужного и не существует…

— А как ты поймешь, что он нужный? — психолог снова мягко нажимает.

— Он выпадает из структуры. Говорит по-другому, ведет себя как-то по-иному. Не влезает в рамки моих стереотипов.

— Слышу, — вздыхает психолог. — А у тебя есть примеры таких людей?

— Да, такие есть. Например, Залина. Это последний человек, который оказался вне рамок системы. Она вводит меня в ступор. Ее жизнь — жуткий хаос, вызывающий ужас во мне, стремящемся к порядку. Она постоянно в движении, меняет подработки (утром в школе, днем в театре, вечером дает уроки жестового языка для танцоров), влезает в какие-то странные затеи (например, в поездку на Байкал в какой-то полузаброшенный детский лагерь), выполняет десять дел одновременно, вечно опаздывает, выдумывает какую-то несусветную крипоту (типа разговора с соседями по этажу через санузел), шутит абсурдно, разговаривает с людьми на улице, стебет продавцов и официантов (так, что думаешь о путях отхода, если что)…

Психолог оживляется, смеется.

— Вот видишь, — откликнулся Андрей. — Это то, что не входит в рамки привычного, такого, как посещение «Кружка» каждое воскресенье с целью напиться до потери сознания. «Кружок» — это клуб…

— А еще кто-то?

— Таких людей было много, — вздохнул он. — Правда, почти все из них остались где-то в прошлом. Ада — одна из немногих, кто остался. Но мы далеко друг от друга…

— А Ваня? — делает очевидный выпад психолог. — Венера?

Андрей ожидал этого вопроса, но тем не менее внутри ощущается содрогание. Произнесенное имя — как забытый аромат.

— Конечно, — жеманно улыбнулся Андрей. — Он представился мне таким. Более того, его я так и не смог разгадать. Только сейчас начинаю понимать его тогдашние поступки.

— Я, если ты не против, хотела бы остановиться на Венере. Мы с тобой постоянно приходим к нему. И уже говорили о нем отчасти… Я помню, что вы познакомились на вечере у друзей, первым знаки внимания стал выказывать ты, пригласил его пофотографи-

роваться. Вы совершили совместную поездку в Карелию и в Нижний, его родной город, кажется, ты позировал для его работ… Ты рассказывал о его привычках, о «жажде жизни» с фотографиями, вещами, внезапными затеями. Если честно, по описанию он чем-то схож с Залиной (думаю, ты и сам это отметил)… Ваши отношения длились полгода…

Андрей кивал все время этого краткого пересказа.

— Ты говорил, что сначала все было хорошо, — продолжает психолог. — А в какой момент все пошло не так?

— Я не знаю, — проговорил Андрей. — Раньше бы я сказал, что после его болезни. Но теперь мне кажется, что хорошо все было в этих отношениях только у меня… Он не был влюблен. А я этого долго не мог принять.

— Болезни?

— Да, он схватил ангину весной. Горло заболело, температура. Говорил, что отлежится дома и все пройдет. Но прошло пять дней, а тридцать девять никуда не девались. Я приехал к нему, увидел, что его трясет, что он не может даже встать. Вызвал ему скорую. И он лежал на кровати, в полуобмороке, охваченный жаром. Ему было больно… Может, уже тогда… Он пролежал в больнице дней десять… Да, после этого его отношение ко мне стало ясным… Проблема в том, что он сам, похоже, пытался полюбить меня. Когда мы позже ссорились, он говорил, что я достоин того, чтобы он любил меня. Смешная фраза, мне тогда она показалась издевательской даже, но, видимо, это правда его волновало. Поэтому первый месяц все было хорошо. Думаю, он и сам тогда еще не определился, что ко мне испытывает. Был, наверное, интерес, что-то новое — он открывался опыту…

— А как проявилась его нелюбовь? — сочувственно спрашивает психолог.

— Он стал пропадать, — ответил Андрей. — В прямом смысле. Не отвечал на сообщения, не появлялся дома. Потом начались сессии его уходов от меня. И слезливых возвращений с поцелуями, извинениями, душевными беседами, исповедями. В первый раз Ваня явился с огромным подсолнухом. И тогда я понял, что это его цветок. Он был такой солнечный. Вначале и иногда в конце… Коренной слом прои-

зошел во время болезни. Я в этом уверен… Он говорил, что запутался, что потерял почву под ногами, а я его последняя оставшаяся опора, что со мной ему спокойно и надежно, хоть и чего-то не хватает, а без меня, как он выразился, он стоит над раскрывшейся бездной… Представляю, как сопливо это выглядит со стороны. Нет, в большую часть времени он что-то делал, был в приподнятом состоянии, особенно в первые дни после наших воссоединений. Громко включал музыку, танцевал, заставлял меня подпевать под Мадонну, рисовал, делал себе какие-то непредставимые макияжи, переставлял мебель у меня дома, просил фотографировать его, красовался, воображая себя греческой статуей. Он знал, чувствовал, что может пользоваться своей красотой, оставляя окружающих без ума… Меня так радовало, когда он улыбался…

— Приятно видеть, как ты посветлел от этих воспоминаний, — улыбается психолог. — Он радовал тебя?

— Да, — опустил глаза Андрей.

— А вот эта бездна, о которой он говорил… С чем она была связана, он не говорил?

— Конечно, говорил, — усмехнулся Андрей. — Это был Тео. Он не меня любил, а его… Боже, какая пошлая фабула получается. Любовный треугольник… А я просто на что-то надеялся. Тут не о чем говорить. Когда он уехал в июле, я сначала подумал, что к Тео как раз: мне сказали, что тот его позвал. Но он уехал в Крым, на практику…

— Андрей, а Венера изменял тебе? — скорбно спрашивает психолог.

— Оу, — выскочило у Андрея. — Да. Изменял. Во время его уходов как раз. Я узнал об этом от приятеля. От Кирилла (он сейчас в Грузии). Кирилл не знал, что я парень Венеры, а Ваня не знал, что Кирилл — мой друг. Это вскрылось случайно. Причем прежде, чем я узнал о личности очередного любовника Кирилла, он рассказал мне в подробностях, как это все произошло… Думаю, это одно из самых тяжелых воспоминаний, которые у меня остались с той весны. Меня сложно чем-то шокировать, но это вызвало… просто бессилие… Такая грязь, конечно…

— Я представляю, как, должно быть, тяжело тебе было, — вздыхает психолог.

Андрей натянуто улыбается. Как ему надоело играть эту поганую роль!

— Ты простил ему это? — мягко продолжает психолог.

— Да, — на глаза почти наворачивались слезы, — я видел в нем живую душу, человека, который дышит, ищет, пытается и ошибается… Я чувствовал, что я могу ему помочь. Я готов быть его плечом, пока он переживет это, что бы это ни было… Он был так красив: и снаружи, и внутри…

— Почему он уехал так резко? Или ты не знал, что у него практика?

— Вообще, — проговорил Андрей, — они уехали с парой подруг на неделю раньше, чтобы насладиться морем и отдохнуть. Этот план был уже скрыт от меня… Но дело в другом. Он вновь исчез незадолго до отъезда. Причем так, что привел меня в отчаяние. В последнюю встречу мы (страшно использовать это местоимение вместо «я»)… Мы, я были так счастливы: гуляли по Петроградке, пили вино, ели пиццу, он делал наброски с меня, я осмелел настолько, что завел разговор с какими-то американцами… Мы встретили закат, провели потрясающую ночь вместе. Помню, как горели огоньки гирлянды на полу и как они отражались в его шевелюре (у Вани были шикарные вьющиеся волосы: поэтому и Венера, кстати)… А потом просто все закончилось. Как я понимаю, это был последний день наших отношений. Он уехал через день. С тех пор мы не виделись… В тот раз я не стал ему писать, не стал ничего узнавать у знакомых. Просто удалил из всех сетей и пустил на самотек. Уехал в Ярославль.

— Что им руководило? — спрашивает психолог.

— Я не знаю, — откинулся на спинку кресла Андрей. — Я думал, что понимаю его. Ведь, знаешь, чувства подталкивают изучать объект любви. Я стал копаться в психологической литературе, разбирать типы личности, защитные реакции, биохимию влюбленности… Столько всего. И, представь, я думал, что понимал его в конце концов. Но его последний отъезд окончательно обрушил мои надежды понять его… Я любил что-то, что Венерой не являлось. Я никогда

по-настоящему не понимал, что происходило внутри него. Я лишь чувствовал, что он прекрасен. Он как-то высказал такую мысль: «Каждый человек заслуживает такого взгляда, с которым влюбленный смотрит на своего возлюбленного. Это единственный истинный взгляд». Я любил его за эти внезапные озарения, опавшие листья (это из литературы). Он оказался прав… Я чувствую, что, вечно пытаясь догнать его, я вечно отставал. Он оставался недосягаемым, непонятным…

— Что ты сейчас чувствуешь, вспоминая случившееся? — наклоняет вбок голову психолог.

— Гнев, — ответил Андрей, немного подумав. — Бессильный гнев. Гнев против пренебрежения, объектом которого я стал. Гнев против неспособности повлиять на него. Гнев против того, что я не смог сравняться с ним. Тут и тоска… Да, тоска, наверное. Я не вижу в своем существовании той полноты красок, которую видел в его. Он заставил меня увидеть свое ничтожество. С ним я вдруг ощутил, что Венера — это тот, кем бы я хотел быть. Точнее, это был образ внутреннего меня, который, как мне казалось, приравнивался к настоящей моей сути. Он был создан мной в юности и лелеял мое самолюбие как некая иллюзия, которую я не в силах был разглядеть. Но этот образ после контакта с настоящей Венерой представился отчетливо лишь как мыслительная конструкция. Магия пропала. Открылся настоящий я. А меня настоящего я не знал, точнее, знал, но игнорировал, потому что чувствовал его бесцветность. Наверное, уже в отношениях я чувствовал происходящие со мной необратимые перемены. Поэтому цеплялся за Ваню, несмотря ни на что. Кажется, я бессознательно надеялся получить от него ключ, секрет. Хотел спасти себя, эту Венеру внутри себя…

— А потом что?

— Потом он умер.

***

бешеные облака скрывают лица — дорога, ведущая вниз, музыка, все дальше уходящая, требует подчинения — оно должно завять, как сорванный цветок, но пристальный взгляд обращен к свету — если эта жажда родила жизнь, то нам остается только отражение разбитого

зеркала — ноги готовились прыгать — песок мягко уступал стопам — капают капли с крыш — улица разорванно пропахла дождем — разбросаны вещи по комнате — больше не нащупать — не в нем дело! дело в этой брусчатке — ослепляет грядущее из стекол солнце — можно быть этими камнями, можно войти в их хоровод — но все это жалко — копается рука в сумке и не может найти затерявшееся кольцо — однако можно замотаться в нем коконом, и тебе ничего не будет — его глаза преследуют в толпе на улице — его мысли в моих мыслях — я совершал столько ошибок, пытаясь отыскать человека — человек здесь не при чем — его можно отпустить — рассеиваются облака и непрозрачны — разрушение началось — неужели поэтому? руки не способны удержать, глаза не способны разглядеть — в той комнате я понял, что все было бессмысленно — что бы я ни делал, все уходит в пустоту — а важным было все вместе, ничто, тишина в его комнате — где-то в зиянии — этот взрыв нарушил цепочки, надломил гору, и то, что скрывалось за тонкой пеленой, вырвалось, взбунтовавшись, увиденным воочию — оно было больше меня, оно не имело имени, оно было мной — оно разогнало облака и выжгло землю — это было последнее знакомство, это была встреча, соприкосновение рук — и я сдался потоку — любви в нем было так много, что я успел заглянуть за грань, успел наглотаться воды и отравиться достаточно, чтобы стать частью — там была жизнь, сияющая и далекая — я чувствовал ее — это был шепот на неизвестном языке — но я понимал каждое слово, будто был юным ребенком африканской земли — туманные потоки голубой воды устремлялись к этой жизни и говорили, что она есть — они страстно шептали в тени раскидистой ивы в том сквере, они шептали, что смерть —

***

Андрей. Ну что? Ты доволен?

Папа. Что? Что ты говоришь?

Андрей. Вот тебе нравилось происходящее. Ты поддерживал это. Вот теперь сам туда и иди. Чтобы завтра в военкомат пошел. Ясно?

Папа. Не кричи! Чего ты разорался?! Успокойся.

Андрей. Я не собираюсь умирать за этого гондона!

Папа. Никто и не просит. Успокойся. Там только служивших призывают.

Андрей. Да что ты? Только профессионалов призовут. И служить они будут на границе. И спать они будут на мягких постельках. И трехразовое питание. И полное обмундирование. А, как же не забыл, пропуск в рай, когда *те* просто сдохнут.

Папа. Хватит. Маму не заставляй нервничать. Она тут на взводе вся после разговора с тобой.

Андрей. Вот к чему приводит ваше безразличие! У меня столько друзей сейчас могут призвать! Разве они заслужили этого? Почему вы кричите о праведности происходящего, а гибнуть должны мы, молодые? Я не собираюсь в этом участвовать!

Папа. Помолчи. Собери сопли. Будь мужиком. Если надо страну защищать, надо защищать!

Андрей. От вас ее надо защищать! От вашего бездарного поколения. От совка!

Папа. Еще раз повторяю, будь мужиком! Прекращай это! Нечего нам нервы мотать!

Андрей. Даже сейчас тебе все равно. Я говорю с тобой потому, что хочу достучаться до тебя. Сколько еще нужно потерять, чтобы ты понял, что вам мозги промывают в этом телевизоре? За что люди будут гибнуть, за что?

Папа. Если сказали, значит, надо. Наверху знают, что делают.

Андрей. Это бесполезно. Родители всегда должны стоять горой за детей. А вы…

Папа. А мы не стоим?

Андрей. А ты за Путина стоишь! Мне стыдно за тебя!

Папа. Ни за кого я не стою… Все, успокаивайся. Нечего разводить тут комедию. Будь мужиком!

Отключается. Проходит две минуты. Вновь звонок.

Андрей. Да?

Папа. Я это… Извини. Ты меня вызвал на эмоции. Вот и вспылил. Я хочу сказать, что мы с мамкой не верим тому, что в телевизоре говорят. И не поддерживаем мы Путина. Понятно, что война — это плохо…

Андрей. Понятно… Я ведь просто хотел поддержки от вас. Меня вывело из себя ваше спокойствие.

Папа. Так мы готовы ее дать… Ты же не служил. Тебя не должны призвать.

Андрей. У меня есть военник. Значит, могут.

Папа. А с твоим зрением разве могут?

Андрей. Ты знаешь, что в этой стране всех могут… У меня и друзья могут под раздачу попасть. У одного на работе уже собирают информацию о категориях… Многие экстренно уезжают, бросают все: работу, квартиру.

Папа. Не переживай пока. Если что, будем думать.

Андрей. Ты понимаешь, что мне страшно. Никто из нас этого не заслужил. Я этого не заслужил.

Папа. Понятное дело. Эх, ввязались, конечно. Похоже, не все так гладко у них идет.

Андрей. Конечно! Дальше только хуже. Это сразу было понятно. Потому что нет смысла в этой войне!..

Папа. Ты пойми нас. Вы выросли в одно время. Мы выросли в другое. Нас по-другому воспитали. И перевоспитываться нам уже поздно. Мы, так сказать, отжитый материал… Нам вас никогда не понять. А вам — нас… Но это не значит, что мы с мамкой не любим тебя, брата твоего. Мы хотим для вас только лучшего.

***

кажется, что слова обращены к облакам — кроме них, ничего больше нет — поэтому я прижался к этому сияющему зеркалу — оно было пустое — и никто не мог больше выжить в этом оглушенном воздухе — я видел белое пятно за тонкой пеленой — я знал, что оно издает музыку — но перед глазами лишь облака, отражавшие то, что бесконечно мучило меня — все еще гремели зазоры — теперь только в них можно дышать чистым воздухом — если вглядываться в наплывающие на берег волны, можно увидеть, как духи несутся сквозь толщи, устремляя свои худые длинные руки к незримому источнику — вряд ли они обнимут кого-то — и я — а когда в ночи шумел ветер, дувший с залива, я изначально знал, что это дракон медленно продвигается к центру земли, увлекая за собой сны спящих окон — если его угостить конфетой, он станет кроликом и обернется плюшевым — так, в мягкой теплой постели прорежется

молочный зуб, и потечет белая река, расщепляясь на пупырчатых овечек, уходящих в небо — пустится в странствие караван, переваливаясь через вершины, следуя компасу, указывающему на восток — просочатся титры, перелистнется страница, рука крутанёт цветной шар, а тюлень подбросит его своим влажным носом — побегут ноги, помчатся, теряясь в следах, цветя — сотни благоуханий обратятся компотом, и он вынесет кораблик в долину, где тот останется домиком на дереве — там внутри я оставлю сундук, а в нем — клад — ключик же унесет чайка, но потеряет где-то на широкой улице, где незнакомец поскользнется на луже и случайно коснется замутненной стали и провалится в ущелье, где духи коснутся его влажными руками — и из слез незнакомца родится новый человек — углы освещают грани моих бус — я закапываю цветные стеклышки в песок — шершавится рука — тепло и влажно под покровом — стучит сердце в глубине земли, дышат деревья — отражается шарообразный мир в глазу ворона, я бросаю ему чипсы — заброшены связанные шнурками ботинки на провода — ручка водит туда-сюда маленькую машинку — она не может осветить то, что за поворотом — горят во тьме придорожные знаки — а шаровой молнии страшатся карлики в лесу, пряча головы в мисках со сладостями — я люблю шоколад — мне кажется, если боги могли бы придумать себе напиток бессмертия, то он был бы из шоколада — лопаются шоколадные пузырьки на языке, и из каждого шарика обязательно высвобождается один ангел — карапуз лезет на дерево и, поворачивая голову, оказывается пандой — а тем временем домино пестреет на траве — оно заставляет танцовщиц в красном двигаться, а плацов в плавках — плавать — добавить немного специй — получится наполеон — я отрезаю кусочек, и меньше становится неба — и я плачу, путаясь восполнить исчезнувшее своими искрометными слезами — а завтра меня похвалят за выполненное домашнее задание, потому что я нашел все лица на бабушкином ковре и поймал лысую певицу на кафеле в ванной — в моей комнате растет замок — это будет архитектурное открытие, и в солнце сверкание куполов белого города можно будет увидеть даже сквозь потоки красных нитей, сплетающихся в облачную толщу —

***

Ада проспала до самого полудня и проснулась будто пропитанная туманом. Мысли в голове были нерасчленимы и представляли собой серую густую массу, которая, словно сопли, душила ее способность думать. Но думать и не хотелось. Казалось, само ощущение существования было притуплено, если не заглушено вовсе. Каждый внешний раздражитель доносился до Ады только как эхо, лишь отголосок настоящего.

Маши в комнате не было, и Аду слегка удивило, что она даже не слышала, как соседка встала и, собравшись, куда-то ушла. Постель подруги была заправлена.

«Может, она не ночевала дома?» — задалась вопросом Ада.

Приняв душ и умывшись, она оделась и тоже вышла на прогулку. Найдя поблизости кафе-забегаловку, Ада решила позавтракать там. Посетителей было немного, и, разглядывая их, она в очередной раз ощутила странное чувство собственного отсутствия в проходящем дне.

В рассеянности чуть не оставив тысячу в качестве чаевых официанту, Ада выбралась наружу и, едва переставляя ноги в месиве из грязного снега, льда и воды, медленно побрела в сторону гостиницы.

Думать о вчера не было сил. Сообщений от Нико, сослуживцев или Фила не приходило. Все эти люди как будто стерлись, были оторваны стикерами с гладкой плитки во вчерашнем туалете.

В конце концов она решила вернуться под одеяло и включить какой-то фильм, чтобы отвлечься от мокроты и слякотности улицы и происходящего в жизни кошмара.

Оказавшись в постели, Ада включила ноутбук и стала выбирать фильм. Лента Кинопоиска вызывала у нее отвращение, как и все вокруг. Слова слипались друг с другом в бессмысленные массивы текста и не находили отклика в голове. Ее сознание оставалось глухо ко всему. Включив какую-то голливудскую комедию, Ада посмотрела несколько минут фильма и с досадой захлопнула компьютер со словами «Бред какой-то». Все было надуманно, все было неестественно, заострено и слишком патетично. Ада осознала, что сегодня не может испытывать ничего, кроме отвращения.

Вдруг зазвонил телефон. Это была мама.

Ада ответила.

Пошли какие-то неестественные быстрые вопросы о поездке, о работе. Ада отвечала коротко, отмечая, что ее не очень-то и слушают. Цель звонка явно была иная.

— Мам, ты что-то хотела? — решительно, с нетерпением задала вопрос Ада.

— Я…, — замялась та. — Дедушка, бабушка… в больнице.

Что-то внезапно осело внутри Ады тяжелым грузом.

— Что случилось? — выдавила она спустя мгновение.

— Увезли вчера вечером.

— Почему?

— У них корона, — проговорила мама все так же в какой-то странной нерешительности. — Бабушке стало хуже. Врачи сказали, что началось воспаление… Легких. Дедушку тоже с подозрением положили.

— Почему ты не позвонила мне вчера? — воскликнула в злости Ада, поднимаясь с кровати и параллельно со звонком начиная бесцельно метаться по комнате. — А раньше? Ксюша сказала, что с ними все хорошо.

— Да, так и было, — затараторила мама. — Сначала дедушка заболел. Вызвали врача. Объявили простуду. Потом бабушка. Температура поднялась… Я хотела прийти — они запретили. Сказали, что заражусь еще. Бабушка клялась, что с ними все в порядке. Им выписали антибиотики. Ну, а потом стало совсем плохо…

— А позвонить мне нельзя было?

— Я не хотела отвлекать тебя от работы. Не хотела, чтобы ты переживала из-за простуды обычной. Ну, а потом, ты же не бросишь все сейчас. Что от тебя зависит?..

— А зря! — оборвала Ада. — Я сейчас же выезжаю в Яр.

Мать стала уговаривать ее не делать этого, но Ада не слушала. Разобравшись со звонком, она написала Паше о случившемся и сообщила о намерении во что бы то ни стало уехать, а затем посмотрела билеты домой.

Охваченная неподконтрольной и даже не совсем объяснимой тревогой, в страшной спешке Ада упаковала вещи, переоделась и вызвала такси.

Уехать сегодня можно было только на автобусе, билеты покупались на месте. Так что, добравшись до здания вокзала, который больше походил на пластиковую автостанцию у железной дороги, Ада забежала внутрь и заняла очередь. Как всегда, кому-то впереди приспичило оставить багаж на хранение и единственная продавщица, медленно, неспешно рассчитав заказчиков, закрыв окно, выбравшись из своей «норки», поползла вместе с пассажирами через весь вокзал в тайную комнату и исчезла на пятнадцать минут. До отъезда автобуса оставалось пятнадцать минут. Люди вокруг начали возмущаться и, когда вечно спокойная грация продавщицы показалась в поле зрения, встретили ее негодующими воскликами о необходимости открытия дополнительного окна, которые та, впрочем, встретила холодной, снисходительной фразой «Вы уж не наглейте».

Купив наконец-то билет, Ада, испытывая злость, побежала на улицу.

Ожидая отправления, уже внутри маленькой маршрутки, гордо называемой автобусом, она вдруг удивилась своей решительности и быстроте реакции. Ада не могла уже разобрать своей тревоги. Она как-то заглохла и истощилась за последнюю пару часов. Сознание, в контраст утреннему своему состоянию, было ясно, но пусто. Наверное, мама была права: ее приезд никак не поможет бабушке с дедушкой. Однако Ада чувствовала, что обязана ехать, что-то внутри тянуло ее домой. Это был отклик на зов, бессознательный, молчаливый, смиренный.

Внезапно Ада ощутила отсутствие внутри всех проведенных в Нижнем дней. Их будто не стало. Они отцвели и оказались выброшенными. Даже сожаления о них не осталось. Ценность их выгорела, полиняла.

Вокруг же исчезнувшего ничего не было.

«Это шок, — размышляла она. — Стоит только дернуть за веревочку».

***

тончайшая, плотнейшая линия — изысканная работа ювелира — ожерелье сферы, занявшейся самовозгоранием — издалека видны клубы дыма — истлевают брусья, сворачиваются полотна, стягивается стена белого пламени — не прорвать серебрящуюся оболочку, не разрезать — но когда-то она растает, и тогда все метущееся, от-

жившее и разрушенное утонет в пустоте, уступив место вечному покою — а пока прикрой свои бледные руки, пока весенний ветер окрашивается осенью — следи, как дышит степь, обрываясь ровно над морем, спрыгивая в бездну — слушай слова, сказанные на улице — повторяй уже выпитое — качайся на ветке дерева, спрыгивая с тарзанки — крути педали, слушай музыку под первой летней грозой — целуй святую кожу того, кого любишь — и закрывай глаза, опускаясь в трубу детской горки — вселенная светится под закрытыми веками, убаюкивая, пока не уснешь — а белая фигура будет держать за руку, потому что ты освободишь ей место в своей постели, потому что ей тоже хочется спать — и всю ночь он будет защищать тебя, а если тебе захочется поплакать, он скажет, что теперь будущее очищено, омыто человеческим теплом и ты обязательно будешь счастливым — летят красные очки вниз, разлетается стекло — ведь больше не видно фиолетового неба — и снова зовет ветер, подталкивая в поле без конца — что ты треплешь мои волосы, почему им так не терпится превратить их в льняной узор? поэтому беги — свяжут феи пояс из цветов — тебя смоет пена морская, и ты будешь сиять в тропических морях синим блеском — отражением небес —

***

Исполняли Eroic-у Бетховена. Над сценой, свисая громадой под высоким украшенным лепниной потолком, золотились люстры. Некоторые вымеподобные (~~свечи-~~выродки прогресса) лампочки в них моргали, отчего светотени на лицах музыкантов и на дереве инструментов раздражающе изменяли производимому ими впечатлению. Справа четверо китайских студентов оживленно шептались, пытаясь открыть бутылку с водой. Слева женщина записывала на телефон происходящее на сцене, следя усиленно за тем, хорошо ли виден дирижер. Сзади гнездился завсегдатай всех концертов — сбежавший из туберкулезного диспансера. Соседка сбоку, сделав перед концертом с десяток селфи, сидела в Телеграме, листая какие-то мемы и периодически зевая. Традиционно уже пару раз в зале кому-то позвонили. *Наушники-и-зарядки-по-сто-рублей-на-андроид-и-на-айфон* — увы, незаметно кануло в Лету.

На девятой они с Залиной были вместе, по-крысиному перегляды-

ваясь между собой, без слов обсуждая людей вокруг. Но Залина уехала за подругой. Интересно, как ей в Канаде? Побывала ли она в той библиотеке, о которой так много говорила?..

Впрочем, в чем тут может быть осуждение людей? Наблюдать за их поступками извне, приводя их к системам типических, устоявшихся форм — значит признавать свою оторванность от жизни, свою неспособность почувствовать себя в их шкуре. Для них все это — *жизнь*. С чего ты решил, Андрей, что мертвые для тебя формы мертвы и для них? Кто дал тебе право вешать ярлыки?.. Возможно, вся жизнь, сама, как она есть, пронизана сетью, структурой, управляющей нашим сознанием, нашими чувствами, словами, поступками. Что-то прорезает живую ткань личности, порабощает, вытягивая из нее жизнь ради будущего собственного существования. Проблема в том, что это добровольное рабство. Может быть, это счастливое рабство и жизнь, в принципе, представляет лишь этот вид счастья — подчинение структуре. Тогда и проблемы здесь нет…

С закрытыми глазами, конечно, лучше. Если представить тех музыкантов, еще с Залиной, над пианино, которые, словно пауки, неведомо как размножают свои ручища, обматывая клавиатуру паутиной, словно червяки, вгрызаются в пальцами в недра инструмента, словно бабочки, порхают по белым и черным клавишам, грациозно размахивая крыльями в освещенном желтым пространстве, словно матери, убаюкивают вылетающие из-под нежных пальцев звуки, словно эпилептики, Гульдом разваливаются в демоническом приходе перед нотами, или наоборот, словно учительницы-черепахи, аккуратно-методично объясняют очередной стерильный пассаж… Плоть перебивает музыку: зажатые губы, гримасы помешательства и экстаза — все кажется недостойным звуков. Человек не достоин музыки? Тоже ты решил. Поэтому в темноте…

А музыка выбивает из головы мысль. Она просто ударяет по стенкам, расщепляя выстроенные границы, показывая, что это разливающаяся вода необъяснимой метафизики способна снести все умозрительные конструкции. Показывает ли она, что есть внутри что-то важнее твоих мыслей? Теории мертвы. Любые выводы ценны только

в момент их формулирования. А затем? В вечности сейчас ничего нет: только льющая потенция. Она жизнь?..

Медленно набегают волны второй части, скрываясь под маской эпического сказания. Поддаваться влиянию можно: мелодия приятно убаюкивает мысли — раскачивает волны, облизывающие скалистый берег. Раскидывает руки, показывая вертикаль. Плетется, будто не замечая. Словно хищный зверь в африканской пустоши. А потом внезапно прижимает к стенке — вот оно, дуло, перед виском…

Потому что человек не способен увидеть себя в воронке смерча. Потому что потоки урагана медленно, незаметно цепляются за концы одежды, хватают за руки и начинают влечь за собой, гипнотизируя взгляд, разливая дурман в сознание и ведя к краю бездны. И только находясь уже в воронке катастрофы, душа вспоминает о себе, отделяется от тела, возносясь в сетях ставшего враждебным воздуха и в попытках найти ответ на вопрос «Почему?», и путается, увязая тонкими жилками в паутине. Бедная бабочка: как красивы были твои белые крылья! Они так слабы и хрупки в ручищах демона, восседающего на вершине Лысой горы. Красоту не спасти (нет, она никого не спасет), она обречена умирать вновь и вновь, в бесконечности истории — только в своей слабости она становится Красотой. Потому что нет конца — только витки спирали, вечного возвращения. Никому не спастись в обманчивой, прикрытой оазисом из трех пальм иллюзорности бездны. Все пути ведут во мрак, где в разрушении находится смысл. Уничтожение=спасение. *Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода*. Но истина в том, что воронка долговечнее бабочки (локомотивом несется он, невзирая на отпадающие вагоны), и в том, что бабочка реальнее воронки…

Все-таки самое страшное, что может случиться с человеком — это потеря веры в собственную единственность. Взрослея, мы широко раскрытыми глазами впитываем в себя мир, думая, что он рождается впервые и только для нас. При этом никакого осознания этого чувства мы не имеем. У нас нет сил увидеть его, потому что еще не развилась близорукость — наш внутренний взгляд устремлен вдаль, за горизонт, тогда как система отчета воспринимается как само

собой разумеющееся. И когда приходит вопрос «А кто этот Я внутри меня?», живая ткань впервые прорезается ножом и замечает себя, становясь двуликим Янусом. Отсюда начинается отрицание права быть в центре… Что, если *эта власть, это государство* отражает страшную истину в сути мироздания? Неужели мы только материал, анестезированный иллюзией под наименованием Я? Как развидеть это, однажды узрев? Ответ, кажется, в том, что опыт каждого уникален, так как мы включены в него и только в него. Но кто способен защитить и осве/ятить этот опыт? Можем ли мы спастись? Можем ли мы сохранить огонь внутри? Задумывался ли ты о том, что идее о счастье не дано случиться? Стоит ли эта жизнь жизни, если человек в ней обречен? Никакой шум мира, никакие сны разума не смогут заглушить прорывающегося изнутри гласа вопиющего в пустыне?.. В этом и заключается героический пафос человеческой жизни…

А в музыке все-таки больше. Она напоминает о том, что мы живые, когда мир оказывается мертвым. Она говорит, что смерть внутри, что она выше жизни и она скрывает… *жизнь*.

— Извините, можно программку? — соседка с телефоном вытащила Андрея из мыслей.

Вторая часть утихла.

Он почувствовал, что едва не заплакал. Мысль утекла.

— Да, конечно, — вздохнул Андрей и сочувственно передал сложенную брошюру.

***

в самой глубине, где нет меня, где только влажный след на плече, горит огонек — прорезанное дно никак не закрывается — ускользает сквозь пальцы песок, громом гремит ураганный поток поезда, прорезающего себе дорогу через небытие — тянется музыка, все громче звучит зов — тот ангел с глазами в сумраке, на станции посреди черной дыры, зовет к жизни — тебе казалось, что дыхание опирается только на колонны, но не бывает сказанного слова, и сердце навсегда остается ненарисованной птицей — ты не пересчитаешь все пролетающие километровые столбы — он огонь, разве можно не поддаться ему и не сгореть? но дело не в человеке — он лишь твое отражение — облака непрерывно смотрят, перемешивая

то, что было, с тем, чего никогда не случится — теперь есть больше него — он открыл последнюю встречу — испепелится маска в обожженной руке — красный проник сквозь горло, и зажигается белое пламя в груди — вечный взрыв прорывает люки, разрушает стены крепости — ничто не способно противостоять тому, что лишено плоти — всепроникающ луч солнца, растворяя в себе земную твердь — блестят железом крыши — в миллионах отражений мелькает отражение лица — не разберу, какое из них мое — кажется, какой-то мужчина после дождя собирал червей и уносил их в траву, чтобы спасти от неаккуратных шагов — а волшебницы в книге сражаются, пока ты сидишь под яблоней и следишь за пчелами, которые порываются улететь, пока ты отвернешь голову — стучат в коридоре каблуки, она должна прийти с братиком — лицо за стеклом, румяные от мороза впалые щеки — кажется, эти глаза пугливо наблюдают за мной — когда-то это была моя тень — сейчас же только круги на воде — кто видел вечность, в их глазах отражается тихий океан — я понял, что мы помним — этот мальчик напротив смотрит на меня безграничностью, пока отец близко к далеко — мальчик узнал меня — я узнал его — это волны бились о камень, это остров все шептал листвой древние заклинания — я сидел на вершине холма и глядел за горизонт — мы с моим таинственным другом могли расправить крылья и полететь, но его путь лишь в начале — помнить не значит не забыть — ведь только любовь по-настоящему напоминает о том, что человек называет смертью — в шаре, наполненном невесомостью была встреча — в черной дыре я соприкасаешься с тем, что скрыто — ничто под небесным сводом не способно вместить любовь — она никогда не прерывается, не имеет ни начала, ни конца — потому что за маской своей она скрывает смерть — а смерти не место под луной — замки оказываются сорваны — не выговорить и слова, чтобы не убить поток — где кончатся мои пальцы? почему человек не сливает себя с шумом земной глуби? вино наливается кровью, попадая в стакан — заблудившаяся алая капля останется багровым пятном на моей белой рубашке — нитки сматывает сморщенная рука — с мотком упорно играется белый котенок — у него мои удивленные глаза — у нас одна тень — разожми

руку: не удерживай ткань — цепочка разобранная выглядит свободнее — так у нее есть крылья —

***

Траттория у Сенной площади. Черно-белая пестрая плитка. Зелень и дерево. Желтый цвет.

Знакомый. Куда они все рванулись?

Андрей. Спасают себя.

Знакомый. Посмотрю я на них через месяц-два. Все как миленькие вернутся. Деньги кончатся — вернутся… Будто там им будет лучше.

Андрей. Мне кажется, они едут туда не потому, что там лучше, а потому, что безопаснее.

Знакомый. Если начнется заварушка, нигде не спрячутся все равно. И кто знает, что с ними сделают до поры до времени добрые грузины, армяне, турки, эстонцы и так далее.

Андрей. Во всяком случае, сейчас они чувствуют себя в безопасности. Я в какой-то степени им завидую. Что они смогли вырвать себя из почвы.

Знакомый (кивая)**.** Ну да, тогда конечно. Тогда без вопросов. Как тут не позавидуешь?! А ты завидуешь только тем, кто в Европу рванул, или тех, кто в развивающиеся страны поехал (ну, там Армению, Грузию, Абхазию (а она еще существует?)), этих персонажей тоже рассматриваешь? А?.. Ну да, тоже ничего. Все же лучше, чем Россия. Конечно. Понимаю!

Молчание.

Знакомый. Мои друзья, пара, пять лет собирались переезжать в Европу. И даже вот весной, когда все это началось, несмотря на тщательную подготовку, они не смогли уложиться в тот бюджет, который откладывали… Я, честно, не понимаю, куда *эти все* поехали. Как себя надо не любить, чтобы ехать с голой попой куда глаза глядят?!

Андрей. Я попытался тебе это объяснить. Для некоторых голод и неизвестность менее страшны, чем диктатура и концлагерь.

Знакомый. Концлагерь? Неплохо ты сказал. Ты, наверное, и газовые камеры видел в Телеграме? Да?.. Да не дуйся ты! Там наверху

уже все предрешено. Нужно сидеть и не рыпаться. Я вот пользуюсь моментом. Мне подняли зарплату — я ее беру. Военник мной куплен давно. Так что просто наслаждаюсь исторической панорамой, так сказать.

Молчание.

Знакомый. Думаешь, там Путин главный? Байден? Нет, над ними всеми стоят.

Андрей. Что ты имеешь в виду?

Знакомый. Все давно понятно. Ковид (эпидемия), падение экономик, война в Европе с расшатыванием международной правовой системы. Это, понимаешь ли, регулирование мировой популяции, торможение демократических процессов. Сейчас они разрушают уверенность единичного человека в завтрашнем дне, в твердости его правового, финансового статуса, в гарантированности безопасности. Тот кружок, который управляет миром, сейчас наводит страх, чтобы затем, используя его, ввести людей в эйфорию от восстановления того, что те имели до двадцатого года, может, даже чуть раньше. Таким образом, происходит манипуляция, подчинение, возвращение в рамки. Чистая дрессировка. Окучивание. Чтобы больше не просили.

Андрей. Ты серьезно?

Знакомый. Да. А ты как думаешь, почему русско-украинская война анализировалась американскими спецслужбами еще двадцать лет назад? А почему вирус из лаборатории вырвался на свободу именно в Китае?

***

когда он меня зовет, когда я ему нужен, когда земной ангел, открывающий смерть, вспоминает о жизни, я уже далеко забрел в пути по рукаву водоворота — я уже ослеплен звездой — и черная дыра, обнимая, отпрянет от меня — в полной темноты комнате под светом лампы, я отодвину белый экран — руку подставив потоку, ощутил свежесть течения — в шелесте я отпускаю сияющий взгляд — нет лица, способного запечатлеть свет — и смывается ручьем блестящий млечный путь — остается влажное пятно — и ветер высушит остатки слов — ленточки развеваются на голове —

мы кривляемся перед камерой на берегу — громко играет музыка в колонках, рассказывая в нотах о том, что я чувствую — я понял отныне, что нет предела глубине — только изящная нить отделяет облака от вод — и мне кажется, что я безразмерно запутался в путях циклонов — я отпускаю — я дышу — ветер облизывает поле — перед бездной, поднимаясь по эскалатору, я мечтаю о том, чтобы опуститься на колени, подставив плечи для рук утешения, а лицо — для стирания слез — а я где-то в толпе — я в мельчайших оттенках, тончайших сгустках света, а руки все еще тянутся к зазорам — я лежу у места взрыва, вдыхая запах пожара — я хочу взять сачок, чтобы поймать бабочку — хочу прикоснуться к ее бархатному тельцу — слившись в красном, мои пальцы утонут в нежной ткани, разорвутся лучами крылья, и треснет зеркало соленого озера — не получается забыть раз увиденное — я был источник — все реки выходили из меня и в меня впадали — нить, образующая жизнь, выкладывалась на моей ладони — я понял, что каждая полоса случившейся жизни лишь слепок — то верно: слышавший раз музыку, никогда не перестанет слышать — течение несло тени — и я наблюдал за колебанием вод — я готов был растворить те клетки, в которых таилась музыка — я отдавался белому потолку, потому что знал, что цветы обречены увять — невозможно долго глядеть на отражение солнца в гребнях волн — улетающие белые полосы сливаются в бегущую линию, ведущую в небеса — свет, сталкивающийся с облаками, разрывается градом водопадов — на кисти я вижу узор клетки, а в клетке леопардовые воды, что в ожидании волнуются, обращая взоры к горизонту — если мост соединяет два берега, то ничего — а если музыка звучит на катере, звенят бокалы и наступает утро — я много думаю о трещинах, и металл заливает каналы — протекает сквозь облако, терзает туман — непонятны птицы, плавающие в волнах — не высказаны разницы в камнях на берегу — не выучены названия трав и секреты их движения — и даже всего сказанного не наберется на каплю воды, которая томится на краю носка, собираясь спрятаться в ткани — со мной так говорит пепел на горизонте, мне так поет шорох песка под подошвой на каменной дороге — я не думал о конце дорог, я их не знал —

***

Интересно наблюдать за черными окнами. А этот одинокий огонек… Кто еще такой же полуночник? Такой же пастух бытия? Интересно: он тоже выявил этот способ спать вечерами и бодрствовать ночами? Вот спросит, чем черт не шутит, если мы, конечно, переживем (не зря же появилась мечта пережить Путина), вот спросит кто-то, как вы жили *тогда*? Кто еще скажет, что дни были такие мрачные, безрадостные (поверят ли?), что, приходя с работы, он ложился спать, а затем просыпался после полуночи, чтобы сделать необходимое? Кто бы мог подумать, какое волшебное это чувство — находиться в молчаливой темноте! Что-то есть в этом очищенном от людского голоса воздухе. Наверное, из-за разрезанности бытия. В ней спокойнее. Как будто зло не творится ночью. Потому что люди спят? Наверное. Страх! Страх, которым наполнен свет унылого осеннего солнца, уходит…

Воздух ледяной и мягкий. Точно, еще нет ветра. Ветер перемен. Хотелось бы быть унесенным им, куда-нибудь в вечно зеленые поля с маленьким домиком и ручейком посреди, туда, где нет войны. Грядет восточный ветер? Грянул. Так и выглядит сползание в бездну? Самое интересное, что, наверное, уже поздно пытаться вырваться. Земля под ногами уже проседает. Быстро разбирается матрешка, раскрывая нутро зверя у многозначительной ухмылочки Чеширского Кота из подворотни девяностых с бокалом продезинфицированного шампанского в руках.

Забавно, что ночью будто не так страшно: история становится только историей, писанной на страницах в учебнике. Что же в результате отразят там, когда бесцельно истраченные для идеологических государственных нужд деревья окажутся в ~~мусорном ведре~~ переработке? Будут ли там Буча, Мелитополь, Херсон, феминистское антивоенное движение, «Весна», петиция Льва Пономарева, «Медуза», «Бумага», «7х7», позорный ПМЭФ, закрытие и уход иностранных корпораций, лживый курс рубля, призрачность завоеванных территорий, обстрелы Белгорода, ЧВК «Вагнер», ссоры Пригожина с Бегловым, иноагенты, ~~г~~хомофобные законы, принятые за один день, очереди на Верхнем Ларсе и груды брошенных велосипедов? Скажут ли

там о безумно напугавшем Кремль красном полнолунии или надпись «Путин мудак» на Петроградской? Про повторенный Ренатой Литвиновой текст “Sag Mir Wo Die Blumen Sind”, прославленный Марлен Дитрих? Про «Этот мир придуман не нами» Пугачевой? Или «Ойда» Оксимирона? Как происходящее может стать холодной системой из причин и следствий? Что нового еще скажут о безотчетном отрицании происходящего старшим поколением, которое, крича во все стороны о том, что все граждане должны быть едины и поддержать Президента, на вопрос, готовы ли вы отправить на СВО своего сына, без смущения выдают «Нет, конечно»? Действительно, ли мы все ждем смерти ~~за~~ царя? Насколько силен огонь для того, кто желает тирану смерти? А для того, кто желает худшего? Хотелось бы, конечно, для него VIP-котел, желательно с золотыми ершиками… А что будет с Соловьевыми, Симаньян, Киселевыми? Лукашенко, Песковым, Лавровым, Володиным, Клишассом, Терешковой etc?..

Люди мирно спят в своих постелях, а потом мирно встанут и мирно пойдут на работу. Будут мирно спешить в метро, мирно толкаться в автобусах, мирно стоять в пробках, мирно идти на обед, мирно прогуливаться после работы в Севкабеле (хотя сейчас там уже невыносимо холодно), мирно греться дома и мирно собираться спать, чтобы сомкнуть границы цикла… Самое катастрофическое — отсутствие катастрофичности. Торжественно Шульман ~~седовласая~~ повторяет раскольниковское «Человек-подлец ко всему привыкает» — жизнь продолжается, надевая очередную маску на этот пир во время чумы. Кацы, Пионтковские, Фейгины, Латынины, Арестовичи и другие Соловьи настраивают же на катастрофу. Одни разбирают, в ваннах из чего купается Путин, когда он умрет и какие анализы возит с собой, другие проводят исторические параллели с крушениями режимов, третьи предсказывают прорывы фронта, четвертые пророчат разрушение экономической/силовой/военно-промышленной системы, пятые разбирают возможные заговоры сверху… Вновь временная анестезия с отложенными последствиями. Надежда с крахом иллюзий. Наркотик, или же ~~нефтяная~~ игла. Завтра кукольный дом рухнет — не рушится. Значит, завтра. Нет, ~~увы~~. Это вечное русское «нет»: ничто никогда не случается… Бедная страна. Дикая, невспа-

ханная, неорганизованная, бурлящая, воспаленная, оставленная на произвол судьбы. Красивая страна. Живая из живых. Печальная страна. *Летели облака*… Мое окно. А где твое?

Что там дальше? Вновь катастрофа? Залина говорила, что, скорее всего, это на лет десять, а может, и десятки лет. Как можно так легко раскидываться подобными цифрами? Нет ничего больнее — слышать эти числа сейчас? Эти числа — наша жизнь. Сколько нам осталось? Увидим ли мы светлый день? Скажет кто, скольким людям снятся сны о ядерной катастрофе? Если собрать их вместе, получится ли ментальный атомный гриб?..

А я так хотел завести кота… Маленькое чудо, встречающее тебя с работы, нуждающееся в тебе, любящее тебя, говорящее, что ты приносишь пользу. Животные действительно в разы лучше людей. Мое уважение, Курт Кобейн!

Закипал чайник. Ноги замерзли. Нужно было выпить кофе и садиться за уроки.

Вот и погас последний огонек. *И свеча, при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей все то, что прежде было во мраке, затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла*… Прочитает ли кто-то над нами эти строки (как успокаивает мысль об этом ком-то)? Или же свеча сможет выстоять на столе вопреки метели? Пандора, пора еще раз открыть ящик…

Андрей закрыл окно и вернулся к плите.

***

не скроются спицы в домотканом халате — не застынет ревущее знамя — на скройке звуков нарождается горная система, а на ней возводится храм — сжигается береста, пополняя местную нечисть — безучастно бормочет слова — не отнимается шляпа от белого — а в квадрате распухает шар — изрезанные стены рассекают бумагу, и мнится причудливый день, зажатый в рамках одного флакона, соизмеримого с жизнью, оборванной звонком — эллипсис изрыгает пятна цвета, а в них натягивают провода синие человечки со звоном в ушах, который посылает письма за горизонт, чтобы их обнаружил ребенок в саду с великаном, обнюхивая розы, которые еще

не зацвели — а в этом частном случае скрипит ботинок по граням камня и не отвечает на вопросы — большой палец играет роль шута, высмеивая светскую беседу и расхваливая погоду, о которой молчит уснувший на углу пульт — и где-то что-то потеряно, и где-то что-то упущено — и неясно, чье лицо, и неясно, где глаза — в облаках мелькают лишь тени — в них не разобрать порождающего ветра — разве кто-то обещал узора? бежит бессмысленно — метаться в темноте, тумане — слипается то, что когда-то хотелось сказать, расслаивается самолетная дорожка — я не понимаю хода движения — звучат голоса — какие-то цветы запутываются в музыке, бьющей из колонок — обуглены углы, но как будто бы сердцевина читаема — я много говорил, много жаловался, много восторгался — мне хотелось действовать, мечтать, бежать — и мне, сквозь тростник и вспаханное поле, совершенно нечего им сказать теперь — я пришел на закате, заливаю чайник, желая съесть овсяное печенье — может, так всегда и было: только дорога и поле? может, когда я был удивлен теплу руки, я уже знал, что за искажением пламени лежит скольжение угла — кажется, я не выношу тяготения — я слишком привязался к раскрытой бездне — я бы предпочел молчание — в солнечном свете заключен тайник лишь только потому, что он остается невыраженным — то, что тягостно, рождено, прозвучало — но у того, что колеблется, скрежещет, течет, мелькает — есть шанс остаться скрытым — кажется, это последняя встреча — кажется, это последняя жизнь — я хочу увидеть красоту мира в последний раз — раскрытой — хочу пройти вдоль аллеи в тени и спуститься к пруду, лечь на траву и слушать воздух, который по своим тоннелям проведет меня к музыке света, который будет иссечен на камне углем, которым я когда-то являлся — в синей музыке будет белое покрывало со звездами в ночной сорочке — под большими колпаками все будут петь праздничную песню, радуясь тыквенному пирогу — по трафаретам кто-то вырежет снежинки, и они будут падать на землю, собираясь в ромовые бабы, на которых я буду скакать, превращая их в неуловимые облака — остановилась, выдохлась черная дыра — собирая расколотые зеркала, можно заглянуть в сон, где голубая постель сливается с белым лицом, вздрагивающим на белой подушке — вечно смотрит глаз из сумрака,

подсвеченный звездной истомой — один мотив может повторяться многократно, выкручивая талию и гладя нежные запястья — одного пятна достаточно, чтобы сохранить бурлящее горение — музыка длится вечно, соединяя берега — неужели я предпочел забыть? все кажется неважным, когда бусы разлетелись по полу — истлевает нить и обрывается — проваливается в бездну зажженный бумажный фонарик — но музыка продолжает быть — она идет по воде, окликая сидящих на берегу, она таинственно зовет сквозь тонкую пелену — я прижимаюсь, касаясь плечами горящего пламени — просыпаюсь в поту — гудит в ушах, и огромное коромысло тянет плечи в разные стороны — раскалывается земная твердь, рушится стена, содрогаемая изнутри — но я разжимаю пальцы — уже легче — не двигаются ноги — и завтра, видимо, будет так же — тупые углы преследуют, иногда колются, шипят — безразлично рассматриваю углы в черной комнате — тяжело в воздухе, гудит вселенная, стягиваемая тисками — мне не кажется пустой бутылкой рассыпанная рожь, но раздражает звук исписанной дрели — под прессом темнее и тише — если замереть, то почти незаметно —

***

Дайан!

22:09, 13.11.2022

Я прилетел в Нижний. Не думал, что когда-то обнаружу себя здесь вновь. Впрочем, я вру, потому что ностальгия когда-нибудь привела бы меня в этот город. Не думал, правда, что так скоро. По дороге в отель видел девушку, которая в одиночестве стояла на набережной Волги. Она мне кого-то напомнила (силуэтом или каким-то движениями), кого-то, кого я как будто потерял из виду. Я задумался, погрузился в картотеку всех знакомых мне людей. И никто не пришел в голову. В любом случае, девушки на месте уже не было, когда я развернулся к заднему стеклу, желая посмотреть на нее еще разок.

Здесь очень холодно. Чувствуется «любимая» Волга. Хоть бы раз она встретила меня добродушно в и без того холодное время года. Будто уехал от одного залива к другому. Сейчас за окном уже темно, я бы обозвал это ночной метафизической грязью (в лучших традициях модернизма). Идет снег, и, как всегда, он меня завораживает сво-

ей беспредельностью: мозг получает какое-то необъяснимое удовольствие от осознания того, что это облако из беспорядочного движения кристаллов занимает квадратные километры, гектары. Вряд ли наше мышление способно уместить в себе и переработать такой объем в реальном масштабе. То же самое можно сказать о масштабе ландшафта. Каждый раз, приезжая из уныло-ровного Питера, оказываешься пораженным горой, которая предстает перед глазами в виде средневекового города, будто сошедшего с живописного полотна.

Зачем я все-таки приехал (спросишь ты) и пишу бессмыслицу? Забавно запечатлевать это, представляя, что оказался в линчевском сериале. Становится менее лениво. Хочу поэкспериментировать с дневником, потому что обычно пишу в нем неразборчиво, кратко, нечитабельно — потом сам не понимаю, о чем отрывок и что предполагалось в нем отразить. В этой же форме писать будто интереснее (вообще, у меня совершенно нет склонностей к созданию художественных текстов). Ну, наверное, мне бы хотелось запечатлеть происходящее, потому что оно овеяно чувством. Каким? Хороший вопрос, потому что я сам желаю в этом разобраться.

На той неделе мне приснился Ваня. Он ничего не говорил, просто сидел у окна: как было свойственно ему — отрешенно, паря в облаках. И глаза — они мне отчетливо запомнились: они были живые. По сути, ничего, кроме его образа с глазами в сердцевине, я не запомнил из этого сна. Я просто почувствовал Ваню, так, будто он оказался рядом. Возможно, не его, а только эмоции, которое подсознание ныкало на своих полках после его смерти. Скучаю ли я? Тоже вопрос. Наверное, стоит ответить «Да».

Проснулся я со странным ощущением. Я бы назвал это сонным послевкусием. Некоторые сновидения так поражают сознание, что не просто запоминаются, но и влияют в течение какого-то времени (нескольких часов, суток) в целом на все мировосприятие (вот уже и художественное обобщение с стиле реалистов 19-го века). Меня выбило из колеи. Я как будто вдруг снова оказался брошенным Ромео со всеми своими неразделенными чувствами. Хотя главным среди этой безумной эмоциональной гаммы все-таки я бы назвал нежность. Ту самую, которая первая угасла после расставания, уступив место

отчаянию. Именно она вызвала во мне желание увидеть его могилу. Я ведь не был на похоронах, вообще пропустил его смерть. Сентиментально, не правда ли?

Я отчетливо помню, как возвращался с работы в те первые дни сентября и увидел историю с портретом Вани на странице одной из его многочисленных одногруппниц. В ней говорилось что-то про вечную веселость, красоту, доброту и приписывался везде глагол «был». Я немедленно разблокировал его странички и начал проверять страшные догадки. Представляю, как я смотрелся в метро: нервно всматривавшийся в экран телефона маньяк. Выяснилось, что в ВК он заходил в последний раз девятого августа, а всем привычная бесконечная череда постов в Инстаграме прервалась в конце июля. Я связался с девочкой, опубликовавшей историю, и спросил, что случилось. Вежливые скорбные сообщения: стало плохо на практике — оказался в больнице — был доставлен самолетом в Нижний — в конце июля впал в кому — умер 26 августа. Почему? Не вылеченная до конца ангина, давшая серьезные осложнения, в том числе на сердце. Вот так банально и просто. В эпоху ковида, в XXI веке, умереть от ангины… Кто бы мог поверить в такое?!

Тем не менее эта простота и нелепость застали меня врасплох, позволив в первые минуты сохранить самообладание, но, идя от метро к дому, я все-таки рухнул на скамейку (перед этим, конечно, убедившись, что рядом нет людей). Плакал. Наверное, я хотел плакать. То, что я испытывал в те первые часы, мне ясно не определить, потому что даже мне самому кажется странным. Как бы эгоистично это ни звучало, я ощутил, что что-то умерло *во мне*, так умерло, что я не успел этого заметить. Я не говорил об этом психологине. Кажется.

Да, меня ужасала мысль его отсутствия. Полного отсутствия, предполагающего невозможность какой-либо коммуникации. Он исчез, растворился. Ни голоса, ни волос, ни тепла кожи, ни взгляда — этого нельзя было мыслить, так как это больше не являлось реальностью. Этого нельзя было охватить мыслью: слишком великим представилось случившееся. Целый мир будто пропал, просто испарился. Это был ужас пустого пространства. То, что было во мне связанным с ним: радость, солнце, творчество, свобода, воздух, жизнь и т.д. —

все это таинственным образом тоже оборвалось. От меня отломили что-то. И я плакал на улице, понимая, что случилась катастрофа. Впрочем, сознание не позволяет мне вытащить наружу все это целиком. Кажется, я до сих пор не разобрался до конца, что же это все-таки было. Это дело моей психологини — не мое. Стоит отметить и то, что по прошествии времени это предстает в весьма ироничном свете…

А я ведь видел, как он умирает. Ему было больно. Очень часто. Он говорил о боли… Боли в сердце, головокружениях, одышке, внезапной усталости на ровном месте — о том, на что ни мы, его окружавшие, ни он сам, считая все временными последствиями тяжелой болезни, не обратили внимания. А Венера умирал у меня на глазах. А я и не знал этого.

Короче, в связи с внезапно возникшим иррациональным желанием я, удивленный самим фактом наличия какого-либо желания (хоть и такого странного: что, в сущности, такое могила? разве она связана с человеком? живым человеком?), взял больничный и выдвинулся в Нижний.

Связался с матерью Вани (божественная женщина), узнал, где его могила. Завтра иду на кладбище. Надеюсь на то, что мой мозг выдаст что-то стоящее в ответ на триггер, потому что пока вся эта затея кажется абсурдной. А что теперь не абсурдно, если на то пошло?

Дайан!

19:21, 14.11.2022

Сейчас вижу что-то похожее на священнодействие в моем паломничестве к могиле Венеры. Чего я хотел от ее посещения? Явления Афродиты пенорожденной? Явления Великой звезды? Неужели я хотел, чтобы Ваня явился ко мне, словно Альбус Дамблдор Гарри Поттеру, и дал наставления? В чем был смысл этоґой ~~мероприятия~~ затеи?

Утром я почему-то сильно нервничал. Не мог избавиться от необоснованной тревоги. Не мог сосредоточиться на чтении, переключаясь на прослушивание музыки, нервно перескакивал с композиции на композицию. Попытался медитировать — вышел из себя. Пошел в ближайшее кафе — там оказался отвратительный кофе, а посе-

титель устроил скандал, возмущаясь, что ему принесли шаверму на досочке, а не на тарелочке — провел полчаса в атмосфере непрекращающейся ругани. «Блять, дебилы», «Идиоты!», «Что за хуйня вообще?!», «Вот что мне делать?!» — без конца это и подобное летело из его огромного разинутого рта — дырки в пузатом самодовольстве. В общем, меня все раздражало, я не понимал, как найти точку спокойствия.

Поехал на кладбище. Традиционно автобус встал в пробке. Ехал медленно и, как это обычно бывает с некоторыми «удачными» водителями, ловил каждый светофор. Я параллельно думал, как буду искать нужную могилу. Странно выводить эти слова. Ну, как есть.

День сегодня был такой же неприятный, как и мое внутреннее состояние. Это мерзкое, гнилое, серое небо над головой давило, как печной угар. А промозглая ветреная сырость, перемешиваясь с видом черных ветвистых рощ, приводила в бешеное отвращение.

Честно сказать, разобраться на кладбище — это целая задача. Я шел среди крестов, памятников (простых прямоугольных и аляповатых), черных оград, венков, выцветших и чрезмерно ярких искусственных цветов и ощущал себя на странной ярмарке, на рынке, как когда-то в детстве с мамой, когда приходилось на картонке за удерживаемой продавщицей тряпочкой мерить джинсы, которые тебе не нравятся, но которые вызвали у родительницы восклик «Ну, померяй! Ты же не мерял!». Я думаю, что эта ассоциация возникла у меня неслучайно, потому что чувство хаоса, отсутствия системы, гармонии ощущалось одинаково в обеих ситуациях. Казалось бы, смерть — что может быть благопристойнее (если ссылаться на Ганса Касторпа)? А мы и в смерти обретаем оболочку суеты и маскарада… Оказавшись среди могил, я понял, что рад тому, что не присутствовал на похоронах. Так, наверное, Венера смог исчезнуть для меня таким, каким я его видел — духом. Дыханием.

Могила Вани оказалась не такой пугающей, как я представлял. Его мать вновь показала свое чувство меры, золотой середины. Здесь было небольшое надгробие в виде дикого камня с высеченными золотым именем и годами жизни. Вокруг никаких венков — только несколько искусственных букетиков, воткнутых в землю. Небольшой

холмик с камушками, ракушками и каменными розами. Что-то простое, от японского сада, было в том, как организована была могила. Тем не менее во всем этом было что-то лишнее, наносное, слишком тяжелое. А может, и нет. Потому что образ Венеры в моей голове засиял ярче сейчас, когда я припомнил вид этой могилы.

Вспомнилось вдруг, каким мне виделся Питер с ним: легким, туманным из-за рассветно-белоночного розового света, теплым, изящным со своими кариатидами, колоннами, сверкающими шпилями и куполами, узкими тротуарами, мощеными запутанными петроградскими улочками… Совсем не Петербург Белого с его зеленой мутью и Летучим Голландцем. Вспоминается, как Венера танцевал, каким легкомысленным был. То, что вводило меня в ужас, вызывало в нем смех. Слова, слова, слова — его болтовня, которую невозможно передать. Все это было хрупко, будто брызги воды, подсвеченные солнцем. Взлетая, они сияют драгоценными камнями, а падая на землю, смешиваются с песком, превращаясь в грязь. Это вызывает чувство, но касание мысли лишает прочувствованное силы. Ускользающая красота. Прекрасное невозможно воспроизвести и увидеть вновь. Нельзя войти в одну и ту же реку дважды — главное правило философии.

Внутри все защемляет от мысли о нем. «Летающий», «веселый», «беззаботный» — что значат слова? Ничего. От них во мне ничего не прибавляется. Во всяком случае, не прибавляется той жизни, которая была спрятана в его светлых глазах. Во сне они так явственно предстали передо мной, с тем самым взглядом, образ которого никогда не завершался у меня в голове. Это было что-то начавшееся, но бесконечное, таинственное, спрятанное в ~~темноте~~ свете, скрытое благодаря ангельской внешности. Это было что-то неведомо большое, неведомо глубокое. Оно чувствовалось как закатные летние часы, когда томишься от неги, когда на душе спокойно, когда предвкушаешь неведомую радость. Венера был праздником, который всегда с тобой. Он являл собой возможность глубины под знаменем радости, а не печали…

Я ставил его выше себя, да. Это будет честно по отношению к себе. И совесть не позволяет мне опровергнуть это убеждение. Я не люблю

себя? Похоже на то. А как можно любить обычного, тяжеловесного, печального, некрасивого, скучного зануду, еще и мизантропа в придачу?! И что я могу сделать с этим? Как бы я хотел вырвать с корнями из себя ту суть, что прижимает меня к земле, и стать таким, как он! Он был духом радости, я — печали. А я не хотел бы им быть.

Это мысль глупа, но это правда, что тогда, на скамейке, после работы, я плакал потому, что не мог опровергнуть мысли о том, что должен был умереть я — не он. Потому что в мире так мало красивого, солнечного, радостного. Этот свет нуждался в его свете — во мне не нуждается. Венеру погубило нараставшее в воздухе зло. И трагедия заключается в том, что он так и не случился, так и остался незавершенным… Но мыслью нельзя спасти. Слово не возрождает. Сказанное лишь дым от потухшего огня. Я живу с этой смешной виной. Я не говорю о ней с психологиней, не анализирую ее, потому что без нее моё существование наверняка окажется бессмысленным. Это напоминание мне о том, что я видел Прекрасное. Наверное, этот факт вызываемым чувством причастности прикрывает мою собственную экзистенциальную несостоятельность. Потому что я всегда хотел, чтобы моя жизнь была Историей. А жизнь, как оказалось, не складывается в нарративы…

Я много думал и том, что он умер в преддверии. Он был символом последних спокойных лет. Он был юношески беззаботен, потому что находился в невинности мифа, где еще не было времени, линейно ведущего к катастрофе. Он и сейчас оказался впереди меня, отказавшись от абсурдности нынешней реальности. Он всегда был впереди. Впрочем, это обида. Наверное. Я помню, как он сказал однажды после одной из наших ссор: «Я ненавижу тебя за то, что ты меня любишь». Такого было много: просто я упрямо закрывал (и закрываю?) глаза. Это уязвленное самолюбие отвергнутого поклонника, ушибленное эго. Я себе отвратителен. И тогда был, и есть сейчас. Это писать неприятно, тяжело, но нужно, потому так будет честно, справедливо. Тем более только таким образом я могу объяснить случившееся сегодня.

Я не смог спокойно провести время над могилой Венеры. Я не был там, на кладбище, в одиночестве, не оказался один на один с тем,

перед кем преклонялся когда-то, кого, как думал, знал и любил. Как всегда, между нами была стена. Причем стена та самая, которая была и раньше, хотя раньше — трансцендентно. В этот раз я увидел эту стену воочию, облаченную в плоть и кровь. Честно говоря, не думал, что когда-то познакомлюсь с тем, кого ненавидел заочно на протяжении такого долгого времени… Выпью кофе, кажется, что пишу уже бред, перейдя на поток сознания…

Короче, это был Тео.

Я увидел его издалека. Честно скажу, что мой взгляд сразу был притянут к этой фигуре. Ничего похожего на Венеру в Тео не было, нет. Тео — это про черные короткие, аккуратно уложенные волосы, про узкое мужественное лицо, состоящее из прямоугольных линий, про большие, цвета серого мрамора глаза, обрамленные густыми темными бровями, про очень светлую кожу, в контрасте с которой выделяются страшно-красные губы. Он оказался выше меня, с большими квадратными руками, широкими плечами. Видимо, генетически Тео был создан стать Геркулесом, однако вместо того к мощности скелета прибавилась тонкость Дафниса. Впрочем, все это я разглядел уже позже.

Когда я понял, что он стоит у могилы Вани, я сначала хотел отменить свой визит. Однако после минуты колебаний решился пойти вопреки постороннему. Я первый с ним поздоровался, заговорил. Меня сразу удивило, как спокойно он воспринял появление незнакомца. Тео заговорил просто и привлекательно вежливо: представился (назвался Федей), осведомился обо мне, сказал, что был другом Ване, что тот многое сделал для него.

— Я не фанат похоронных ритуалов, однако иногда прихожу сюда посидеть подумать, — проговорил он как-то очень просто.

Я сразу почувствовал в нем легкость, но это была другая легкость, не как у Вани — она показалась мне какой-то безупречной, стерильной. Его голос, красивый, бархатный, был лишен неровностей. Ему будто ничего не мешало эмоционально. Так говорят дети, когда полностью доверяют взрослому — не задумываясь о собеседнике.

— Он рассказывал мне о тебе, — произнес Тео.

— Плохое? — пошутил я.

— Нет, — он не среагировал на шутку. — Хорошее.

Продолжения, видимо, ожидать не стоило. Вообще, очень многое из того, что говорил Тео сегодня, было не до конца понятно. На первый взгляд показалось, что это способ создавать интригу. Однако, как я понял чуть позже, Тео просто считал высказанную мысль не достойной продолжения. Простота и легкость, исходившие от него, представились мне результатом его отчужденности от происходящего. Тео говорил со мной, дружелюбно, открыто, но мысли его блуждали где-то далеко. Собеседник был отгорожен, отдален, дистанцирован.

«Один другого стоит», — подумал я, когда понял это.

Разговор зашел о болезни Венеры. Тео обозначил, что не знает ничего о случившемся. Я рассказал ему все, что мог. На мои возмущения по поводу, как глупо выглядит подобная смерть в наше время, Тео заявил, что такое очень возможно при плохо вылеченной ангине. Начал рассказывать что-то про разные виды стрептококков. Объяснил мне, что некоторые белки стрептококков по своей структуре очень похожи на нормальные белки в человеческом организме. В этом кроется причина коварства ангины: происходит какая-то ошибка в действиях иммунной системы. Вырабатываемые антитела, по словам Тео, могут кидаться на здоровые клетки, разрушая организм изнутри. В результате страдают почки, суставы, сердце. В последнем случае может разрушаться сердечный клапан. Короче, оказалось, что Тео — врач. Теперь я понял, почему он показался мне стерильным.

Он был обаятельный (нужно отдать должное). Спокойный (даже безэмоциональный), уверенно держащийся, умеренный в движениях, жестах, с чистейшей ровной речью, наполненной научными фразочками — конечно, я был восхищен.

Вот тут-то у меня и мелькнула эта идея. Она пришла внезапно, свалилась на голову, как снег.

Я вспомнил, что Венера скорбно рассказывал, что Тео — человек, не принимающий идеи любви и объясняющий ее физиолого-химическими процессами в организме, что он не ищет отношений, что очень рационально относится к сексуальной составляющей жизни. При этом у меня также держался в голове факт того, что Ваня был отвергнут. И как-то это сложилось в идею, не знаю, мести.

Я предложил Тео пройтись, выпить кофе. Он улыбнулся мягко и принял приглашение. Стоит отметить, что улыбка у него обворожительная. Появляясь редко, она брала на себя все бремя человеческой теплоты, которое, видимо, заключало это тело.

Да, я решил попробовать соблазнить его. Почему-то эта идея охватила меня: в отличие от Вани, я имел возможность добиться своего, оказаться на месте, которого Венера так и не смог занять. Метафизический акт мести. Так бы круг замкнулся.

В кафе я понял, что Тео не очень разговорчив. Мне редко приходится выступать в роли говорящего: я эту роль не люблю, особенно с людьми малознакомыми. Однако возникавшие паузы в разговоре меня напрягали (его, кстати, как понимаю, ничуть). Я переключился на область, в которой мог бесконечно черпать материал для разговора — на филологию. Каким-то образом мы вышли к Пушкину. Я стал традиционно доказывать ему мысль о том, что он гениален потому, что в «Евгении Онегине» и «Повестях Белкина» опередил развитие литературы на двести лет, создавая нарратив по постмодернистским законам. Он внимательно слушал и задавал вопросы, видимо, действительно интересуясь. Потом Тео спросил типичный для многих обывателей в мире литературы вопрос о «метамодерне». Я рассказал ему о постреализме, метамодернизме и других наименованиях одного и того же, пока что признанного лишь призраком будущего. Вообще, забавно это — автоматическое говорение. Ведь много раз передуманные повторенные мысли в профессиональной области в какой-то момент становятся автоматизмами. Отчасти я шарманщик, а моя память — шарманка. Полезное и одновременно грустное явление, ведь закосневшие формы, как водится, мертвые формы.

Тео в какой-то момент перевел разговор на психологическую сторону литературы, точнее на психическое состояние писателей. Я вновь выдал излюбленное суждение: Пушкин — самый здоровый из всех русских писателей. Логично переключились на Достоевского, Толстого, Андреева и т.д. Тео рассказал, что в меде при введении в психиатрию выдают список литературы, в которой отражены невротические, психопатические, психотические расстройства. Я заинтересовался. Он нашел список, показал мне. Я вкратце охарактеризо-

вал тексты. Тео внимательно слушал. Учительской мыслью отметил, что это наверняка прекрасный ученик.

Потом (как по заказу, мне на радость) Тео спросил, где я остановился. Пригласил в гости выпить вина. Я отметил про себя, как красиво, тонко, вовремя он делал повороты в общении. Конечно, возможно, он заметил, что я обворожен его улыбкой. Что-то злое во мне торжествовало.

На улице к тому времени начало медленно темнеть.

Он жил в новостройке, на тринадцатом этаже, у лесозоны, за которой разглядывались очертания города. Этот вид больше всего поразил меня в его белой квартире. Студия, очень похожая на квартиру Егора: икеевская, минималистичная, светлая — типичная, модная. Меня поразили в этом доме чистота и порядок: глазу не за что было зацепиться. Все здесь отражало хозяина — идеальное, стерильное. Ни намека на беспорядок. «Маньяк», — подумал про себя я. И восхитился.

Тео сказал располагаться где удобно, чувствовать себя как дома. Он полез в холодильник, вытащил бутылку красного вина, откупорил, начал нарезать сыр и идеально зеленые яблоки. Я предложил помощь — он, мило улыбаясь, отказался.

Мы сели за стол. Продолжили беседу. Меня внезапно поразила мысль о том, что здесь когда-то был Венера, и я ее озвучил. Тео подхватил тему, проговорил, что испытывает вину по отношению к Ване.

— Я причинял ему боль, — проговорил он (меня поразила удивительная искренность интонации). — Я осознал это слишком поздно… Но если бы не Ваня, не осознал бы до сих пор.

Я спросил почему.

— Это довольно тяжело объяснить, — ответил Тео. — Мы много с ним разговаривали. Он часами говорил о красоте, о любви, о творчестве (своем творчестве). При этом он был предельно открыт. Например, я знал, что он был влюблен в меня. При этом Ваня будто бы ничего не требовал. Во всяком случае, транслировал это. Наоборот, хотел, чтобы мне было комфортно. А меня это и не тревожило! Как я уже сказал, ко мне только недавно пришло осознание того, что он испытывал. Я склоняюсь к мысли о том, что он вдохновил меня. Его чувства что-то сдвинули во мне.

Я вновь ждал продолжения, однако его не последовало, чего и стоило ожидать.

Снова возникла неловкая пауза. Я спросил о его планах на будущее. Тео сказал, что происходящее в стране не оставляет никаких планов, вводит в дереализацию. Я согласился. Начался стандартный тяжелый разговор о войне. В какой-то момент Тео озвучил желание к лету перебраться в Москву, а затем эмигрировать, если надежда на изменения иссякнет. Факт очередной чужой эмиграции ввел меня в ступор, и я решил сменить тему.

Ничего больше в голову не пришло, кроме вопроса по поводу лежащей на полке скрипки.

Тео усмехнулся и сказал, что это не его. Я задал вопрос о принадлежности.

— Это Ванина.

Я удивился.

— Нет, не того Вани, — спохватился Тео, широко улыбаясь. — Моего парня.

Улыбка в этот раз была куда привлекательнее, чем все предыдущие. Я мгновенно восстановил спрятанный за ней спектр эмоций.

— Он музыкант, — оживленно заговорил Тео и начал перечислять регалии внезапного нового Вани: сольные концерты, национальные и международные конкурсы, участие в передачах на ТВ.

Я осел. Не знаю, что я испытал в тот момент. То ли разочарование, огорчение, обиду, то ли облегчение, смирение. Всю мою включенность в это общение как рукой сняло.

Все было ясно как день. Передо мной оказался глубоко влюбленный парень. Счастливый парень. И это в такое время! Видимо, я совсем ослеп. Как я мог не заметить, что сквозь эту красоту пробивается этот свойственный всем влюбленным глупый вайб: наивность, восторженность, легкомыслие?! Впрочем, это, скорее всего, меня и привлекло — сочетание внешней холодности, каменности и душевного трепетного тепла. Все было ясно.

Мне стало тошно.

Вскоре явился и сам Ваня, что стало для меня еще большим потрясением. Он явился с продуктами, уже предупрежденный о гостях.

Мокрый от снега, с красными щеками, радостный, улыбающийся, дружелюбный (сразу окружил вниманием, начал расспрашивать о жизни, обнял и т.д.), с копной льняных волос и таким же идеально вырезанным лицом, как и у Тео. Глаза голубые, сияющие, вдохновленные.

Двое сразу начали обсуждать что-то понятное только им. Ваня, видимо, увиделся с друзьями-музыкантами: рассказывал о каких-то планах на ближайшее выступление, возмущался поведением одного приятеля и защищал другого.

Я наблюдал за парой. С появлением Вани в квартире стало шумно. Его личность заполнила все пространство и всколыхнула спокойствие. Тео от этого совсем потеплел и без конца радостно улыбался. Было очевидно сильное притяжение между ними. От этого я ощутил себя одиноким и лишним здесь.

Бокал Вани наконец тоже оказался наполнен. Поделившись всеми накопившимися переживаниями с Тео, он обратил свое внимание на меня и начал выстраивать диалог: спрашивал о цели моего приезда, о занятиях в Питере, об отношениях с классической музыкой, рассказал о том немногом, что знал о Венере, поделился своими взглядами на литературу. Потом Тео предложил ему сыграть что-то на скрипке. Ваня застеснялся, стал говорить, что его инструмент — фортепьяно, а скрипка лишь невинное тайное хобби. В результате он все-таки сыграл (не без удовольствия). Признаюсь, ссылаясь на свой любительский слух, что сыграл хорошо.

Все-таки он оказался обаятельным. Я быстро заключил, что он душа любой компании, заводила. Все дело, наверное, в том, что Ваня привык получать комплименты от людей вокруг, ему нравилось нравиться. Возможно, не так. Возможно, ему просто нравилось делать счастливыми людей вокруг себя. Поэтому, похоже, он постоянно и спрашивал, не налить ли мне вина, не намыть ли винограда и т.д. В общем, Ваня оказался не менее впечатляющим, чем сам Тео. А может, и более…

Больше, в принципе, тут нечего писать. И лень. Влюбленные пары скучны. Ими никого не удивишь (это я обесцениваю, отрицая разочарованность). Я тем не менее был поражен.

Почему-то все-таки я испытываю что-то вроде отвращения от увиденного. Списываю это на зависть и собственную неудовлетворенность. Возможно, это связано с тем, что я невольно радовался просчету Венеры. Несмотря на то что это не сделал я, его место заняли. Неужели восторжествовала некая справедливость и от нее мне теперь так гадко?

В принципе, где-то рядом с этим возникла еще ассоциация с «Двойной жизнью Вероники». Вот они в моем сознании — два золотоволосых Вани. Оба талантливые творцы, красавцы, восторженные, обаятельные… Когда один оказался неисправен и выброшен, другой занял его место — предельная циничность кукольного театра — жизни. Кто-то оказался важнее? Ценнее? Хотя это всего лишь муть уже лезет. Слишком поздно. Однако я испытываю печаль. ~~Неужели все так жестоко? Может, Ваня был слишком другим для всего этого? Был новым? Может, шедевры должны висеть в музеях, а не жить?~~ Кажется, я все-таки скучаю по нему. Иначе — по тому, чего не случилось (не тешу свое самолюбие). Я тоскую по другой жизни. Но какой? Возможна ли она?

В конце концов я заявил Тео и Ване, что мне пора. Нужно было оставить… кх…кхр…прпррпддр

***

кажется, это оторванность, которая повлекла меня к облакам — это рассеянный свет — исписанное мелькает на скамейке у калитки — на острове не было моей ноги — возможно, это кажется безобразным, но оно меняет объем, форму — не занимает одного и того же положения дважды — при этом чувствуется, и никто даже не видит — несут ноги по коридору, и хочется верить, что никто не заметит — проваливаешься в гулкое пространство с множеством углов и поворотов, спрятанных в долинах — грубые линии платформ, каркасы, конструкции — в голом виде не представляется живым и дышащим — рука отключила механизмы и с чувством ощупывает кожу на старой автомобильной ручке — дневники все-таки не имеют значения: в них лишь умирающее — перо не тонет — кажется, оно слабее солнца — мел вырисовывает ноли на доске — она влажно зеленая, распухшая после дневного сна — никто все равно не послушает,

потому что я не могу сказать — за вход возвращаешь обратно — серебрится имя твое — оно тлеет, дышит — оно единственный ключ — замирает, отпускает, раскачивается, выливается из чаши — разнемогаются волны, обрушиваются на камень — бабочка отражается от тени — собирается в мешочек путь гремящего состава, сворачивается железная дорога — но остается только пустое —

***

Трансфер мчится по проспекту. Дома проносятся мимо. Стеклом шлифуются стены. Остаются только облачные массивы, растекающиеся, словно поток воды, сквозь пальцы жизнь. Урывками Андрей нащупывает среди них свои растерзанные мысли.

Куда? Зачем? Побег? Коридоры мелькают в объективе. Улавливается погоня и желтая плитка. Могу или не могу? Я один. За спиной ничего не остается. Распадаются пазлы, проваливается мир в бездонную пропасть. Но разве я могу?

Стрелки дорожной разметки. Белые — с черными слезами.

Колесо крутится, Андрей наматывает, собирает, скручивает линии проводов в своей голове, замыкая гудки в созвучие страшных звуков. Запутанное эго, сотканное из лоскутов, словно одеяло. Оборвать? Оторвать? Прыгнуть? Как он решился на это?! И радостно. Взрывается спрятанная бомба. Разлетается отпущением всех грехов. Почти физическое ощущение блаженства. Но так невесомы руки. Ноги сами несут — лишь зрение не дремлет.

Много серого вокруг. Какие-то стены срастаются в корне с сияющей плиткой под стеклянными потолками. Небо безмолвствует наверху, стерильное, как циклеванный паркет.

Руки растаскивают осколки ребер, разрывая клетку. Птица взлетает, сбрасывая кокон бабочки. Голубь пролетает у самого глаза, взмывая к крыше — с подстреленным крылом далеко не улетишь — просачивается белый под веки…

Все в белом свете. Силуэты мелькают, где-то глубоко увязнув в зрении. Все пространство — творожная масса. Кажется, можно нажать — промнется.

Глаза скачут с решетчатых сидений, перебегают с одной кожаной ручки на другую, принизывают цветочные горшки. Осколки зеркал

сверкают где-то по бокам. Андрей куда-то идет. Что это? Потерянный след?

— Вы заблудились?

— Да.

Рука призывает, воззывает, манит, втягивает, подчиняет.

Белое превращается в коридор. Стены крадут людей, поглощают одежду. Стерильные звуки клавиатур пробегают по спине осенними листьями.

Белое вспыхивает сильнее, за взмахом двери притворяется черным.

Кто ведет? Ты как будто его знаешь, понимаешь. Сливаешься, отказываясь от границ. Белое наполняет все.

Белое. Снова, словно пламя на вершине горы. Оно поднимается ввысь, расширяясь и сливаясь с солнечным ликом. Волнение и предвкушение чуда. Оно золоченное, большое и прекрасное…

Обрушается подушкой жары, окутывая голову испариной. Распускаются струи теплой охры, проступают голубые линии и пятна выжженной в страсти земли. Вскрикивает далекая птица. Цветы забиваются в легкие.

Квадраты испещренного полосами асфальта, смутные образы сияющих на солнце белых крылатых истуканов.

Расправляешь крылья. Легкие заполняются парным молоком, расширяясь. И кровь проникается любовью. Жар означает свободу. Все позади: холод и грязь, муки вины и колебания. Впереди — жизнь. Музыка вновь заиграет, и в солнце можно будет купаться, распаляясь и готовясь к слиянию с миром…

Но… где память? Где упущенное время? Что за белым коридором с темнотой? Где было синее небо? Разве я видел облака под собой? Разве было что-то между залом и улицей? И кто вел тебя? Кто ты сам, не чувствующий тела?

Грохот. Трясется панорама, оставаясь приятно знойной и чуждой северу. Вновь гремит. Вершится судьба. Трескается, сжимается, скомкивается, смыкается, стягивается, погружаясь в холодную темноту. И маленькая точка, словно утренняя звезда, остается светиться…

Огоньком на микроволновке. Часы. Не соответствующие времени. Отстают…

Мрак. Гремит. Сотрясая гробовую тишину. Воет ветер за окном, унося мир.

Удар. Еще. Стучит, подпевая. Бьет в виски кровь. Ужас пламенем давит на сознание.

Андрей лежит в постели, не шевелясь, замерев, будто так исчезая, смешиваясь в потоках черного с красным.

Грохот. Ломятся в дверь. Кто это? *Они*?

Андрей приходит в себя. Все было лишь сон, растрескавшийся от ломящегося.

Снова гремит дверь. Волнами отражается звук в параллелепипеде квартиры. Подпевает ветер.

Он боится дышать. Замыкаются легкие, впадая в кому. Как будто могут услышать. Зверь и его красные глаза обратятся в сторону Андрея. Если почувствует, хищник станет яростнее — он увидит направление, метнется…

Страх. Ужас. Он гремит за дверью. Он гремит в двери. Он рассыпается остатками самообладания по телу. Он отравляет кровь. Он выжигает. *Не дай мне бог сойти с ума*…

Кто может быть за дверью? Заблудившийся буйный с белой горячкой? Перепутавший квартиру? Или *те*? Не может быть, не могут быть. Неизвестность. Что-то, не считающееся с тобой. Ему все равно. Разве ты контролируешь удары?

Они сыплются, как во время града комья льда. Кажется, где-то даже так убило собаку… Как сильно воет ветер! Ураган?

Темнота. Здесь так пусто, одиноко. В воздухе нет ничего, что может защитить. Вдруг имплозия?

Гром. И ни слова. Просто долбит в дверь.

Андрей спустил ноги. Пространство сжалось, сплылось к одному звуку. Его тянет к эпицентру?

Уличный свет путается под ногами. А фотографии на полках испустили дыхание. Поникли шкафы. Обесцветились цветы на столе. Книги подобострастно, лицемерно умолкли. Одухотворенность отступила. Собралась вся душевная сила вокруг него.

Андрей — он такой маленький. Он всего лишь тельце. Бактерия под микроскопом. *Таракан сидит в стакане*… Стонут стекла в окнах.

Кажется, уже гудит в ушах. Еще бы организм не мешал сейчас. Зачем этот ужас? Он не способен помочь! Здесь нужно действовать энергично, подготовлено. Что, зря ты готовил сумку со всеми нужными вещами? Разве это не экстренный случай? Но как тут поможет купленный тобой компас? Между тобой и лесами — дверь и… грохот! Боже, как вульгарно все это выглядит! Абсурдно даже сейчас. А ты не привык к абсурду?..

Стоп. Тишина… Только сердце все еще стучит. И ветер протягивает песню. Слава Богу!

Крадучись Андрей поплыл сквозь ночную серость к коридору, вглядываясь в темноту, за которой дверь. Неужели ушел?

Загудела на ЗСД машина. Тишина квартиры развернулась. Пространство, отвлеченное, рванулось на улицу, теряясь в порывах свирепой стихии и освобождая от давления.

Тишина.

Вот и дверь. Андрей прильнул ухом к холодной, еще взволнованной поверхности.

Да. Тишина.

Смотрит в круглое отверстие. Шарообразная реальность зазеркалья пуста. Коридор. Синие грубые стены. И никого.

Андрей выдохнул. Позвоночник осел. Лопатки опустились на легкие. Воздух ринулся внутрь, стремясь успокоить взрывающееся от ужаса сердце. Идиот!

Андрей развернулся. Темная пустынная комната предстала перед глазами, обрамленная бушеванием урагана. О этот враждебный мир! Он был уже внутри. Он был готов сомкнуться. Отравленное временем пространство, твое пространство. Куда деться из системы координат, подлежащей люстрации?

Уезжать? Вырваться на улицу, чтобы сдаться *им*? Бежать? Что же делать, когда *ты не можешь*? Что это за сила, управляющая твоей жизнью? Страх? Но почему тебя он успокаивает? Почему он выглядит как *взгляд-внутрь*? Подчиниться? А есть ли у тебя выбор? Почему

ты ничего не делаешь, когда вода наступает? Так ли выглядит смирение? Ах ты, мой монашек…

Андрей опустил голову в трясущиеся ладони. Оторвался от двери и проскользнул тенью в ванную. Потекла вода. Холодная вода — как свет. Когда не мыслишь себя, в ней можно увидеть проблески. Чего? Истины? Нет. Просто проблески.

Завывает в вытяжке ветер.

Внутри все еще этот грохот. Отголоски, прорезающие время. Да какое время?! Тебя! Разве ты не чувствуешь разрыв внутри? Острие все равно отравлено. Кто ты после этого? Что вообще от тебя осталось? Разве ты еще человек, а не его подобие? А миллионы других? Как мы посмотрим друг другу в глаза, когда придет время? А *тем*, которые *там*? Как мы вообще теперь *увидим*? Что ты вообще теперь можешь знать о жизни? Да что вообще может быть после этого грома?.. Кажется, ужас может уничтожить все. Только красный смех. Он отныне претендент в президенты.

Он проник в эту темноту. Несмотря на то что старый мир медленно расползается, отданный на растерзание воздушному дракону, ты остаешься его частью — ты подлежишь жертвоприношению. Не все агнцы воскресают.

Андрей захлопнул дверь в ванную. Серость рассыпалась во мрак. Все обрывки очертаний исчезли. Ничего не видно. Лучше так. О Господи!

Мрак беспроигрышно охватил все, подпевая своему собрату — ветру. Только дыхание. Но где заканчивается оно и начинается тьма?

***

несмотря на то что все еще играет музыка, хотя ее почти не слышно, она не останется и не замкнется — она лишь тень, которая намекает на то, что все, что замыкает, должно быть сломлено — душа, хотя и самая прекрасная, остается музыкой до самого конца — ее не удержать, не склеить — она разносится ветром по полям и теряется в шептании трав — то, что уже смогло быть высказанным, обречено на умирание, на превращение в пену, из которой музыка родилась — даже это, сдерживаемое, придется отпустить, потому что запах мимолетен — закроется сладкая бездна — забудет я себя,

оставив только дыхание — вместе с горным листопадом улетит это, и никому не дано понять что — стихающее в пропасти в конце концов растает — ничто не поддается конечному изложению — лишь звуки, запахи, цвета — в конце остается оно, влекомое движением ветра, который стирает линии и формы, смешивая и разрывая — тот, кто когда-то помнил любимый берег, забудет его, а берег забудет его любившего, чтобы для кого-то другого снова стать любимым — вы можете побояться верить моим словам, но кому какое дело до того, во что вы верите?!

***

Ада тогда даже не осознавала, насколько ей было плохо в эти дни.

Известие о болезни бабушки и дедушки привели ее в состояние бессознательной хаотичной активности, в которой нельзя было точно определить, к чему ведет то или иное действие и зачем оно вообще. Все осознавали, что нужно что-то делать, потому что происходит страшное. Однако никто, и прежде всего сама Ада, не думал, что кто-то из двух глав семьи умрет. Все боялись чего-то, но обозначить, конкретизировать и тем более озвучить свой страх не могли.

Как оказалось, бабушке и дедушке в первые дни болезни выписали неправильную дозировку антибиотиков, слишком большую — они пили чуть ли не по восемь таблеток в день. Потом обоих забрали в больницу. Позже бабушку перевезли в другое место без обозначения причины. Ада восприняла это известие как знак того, что состояние родственницы ухудшилось, и оказалась права. Однако она, несмотря на свое беспокойство, почти не звонила бабушке и дедушке, потому что боялась и не знала, смогут ли они ответить. В последний раз она поговорила с бабушкой за три дня до ее смерти.

Наступал февраль. Было тяжело. В один из дней Ада сильно напилась с коллегами в баре после работы, почти до животного состояния, до блевания у стойки и потери сознания. При этом все ещё без полного осознания своего ментального состояния.

В *последний* день у бабушки, как оказалось, наблюдалось улучшение, она приходила в себя. Ада же думала, что той настолько плохо, что звонок будет бессмыслен — и не звонила. Те же предположения озвучивала и мама. Всем казалось, что лишний раз тревожить бабушку не следует.

Все ждали.

Как выяснилось гораздо позже, бабушка умерла из-за врачебной ошибки, после введения препарата, который ей, видимо, был противопоказан. Утром бабушка чувствовала себя хорошо, а после сделанного укола ей внезапно стало плохо. На это врачи не обратили внимания, необходимая помощь не была оказана вовремя. Когда же бабушку увезли в реанимацию, оказалось слишком поздно.

Начались тяжелые, мрачные дни.

Сначала труп бабушки, посиневший, отвердевший, излучающий холодный ужас, потом организация похорон, поминок, звонки, подписание договоров, незнакомые неприятные лица, льющие слезы и изрыгающие какие-то бессмысленные, повторяемые из похорон в похороны слова, свечи по углам темной квартиры — и среди всего этого вышедший из больницы дедушка, мрачный, постаревший на десяток лет и прибитый внезапной утратой.

Несколько ночей подряд Ада не могла уснуть и проводила часы в странной, полубольной полудреме. От этого днем она была сама не своя, потерянная и рассеянная. Перед поминками, во время нарезания фруктов к столу, Ада даже не заметила, как маме стало плохо. Та внезапно положила нож, села на стул и, закрыв лицо руками, страшно прошептала:

— Господи, как все бессмысленно!

Слова со всей глубиной отчаяния в них долетели до Ады только спустя полминуты. Они запомнились ей как задушенный, подавленный крик: голос матери в этот момент захрипел, стал ниже, как будто бы кто-то схватил ее за горло. Потом ее затрясло от подступивших слез. Дальше было хуже: судороги, успокоительное, постель и тяжелый сон.

Сама она долго не могла плакать. Только вечером после поминок, уже в постели, когда прошедшие дни ясно проступили в темноте перед глазами, Аду охватили слезы. Филу пришлось ее успокаивать в течение целого часа.

Но все же она до конца не осознавала, что происходило внутри. Мысль о том, что бабушки, этой огромной фигуры, больше нет, приводила ее на край пропасти. Было страшно. Как будто корсет, который поддерживал тело Ады в правильном, здоровом состоянии на протяжении

жизни, внезапно исчез. Она безотчетно боялась, что без бабушки, без опоры, она рухнет, сломается. Впереди зияла неизвестность. Какой-то сверхъестественный ужас заключался в случившемся. С ним не получалось бороться. То же самое, как видела Ада, испытывала ее мать. Что-то изменилось навсегда. Вся семья это понимала.

Аде было сложно сказать, испытывала ли она горе утраты. Скорее, она могла определить свое состояние как боль, незнакомую ранее тупую боль, которую ничем нельзя было успокоить. Периодически, с ужасом для себя, Ада начинала ощущать внезапное чувство облегчения, даже освобождения. Как будто бабушка была их семейной клеткой, и эта клетка вдруг была ликвидирована. Но либо Ада отгоняла это чувство, либо представляла себе его как призрак помраченного сознания, либо ощущение пропадало само.

Через десять дней после смерти бабушки мама забрала дедушку к себе, было принято спонтанное решение о продаже бабушкиной квартиры. Дедушка заявлял, что хочет обеспечить жильем внучек. Трехкомнатную квартиру предполагалось разменять на две однокомнатные. Начались новые хлопоты.

Ада чувствовала, что внезапно повзрослела в эти дни. Мама проявила себя в случившимся как никудышный организатор, дедушка был не в состоянии — все задачи приходилось решать самой. Ада ощутила, как бабушкин груз перелег на ее плечи, и под ним оказалось страшно тяжело.

В первые дни Фил держался постоянно рядом. Он утешал Аду, выслушивал ее и старался заземлить. В Филе нашлась необходимая опора. Ада была благодарна ему. Они, казалось, вновь сблизились, но очередное ментальное воссоединение продлилось недолго.

Спустя две недели, когда первые серьезные проблемы, вызванные смертью бабушки, были решены и относительно привычная совместная жизнь как пары продолжилась, у Ады вновь появилось чувство раздражения к Филу. Его доброта воспринималась как следствие внутренней пустоты, ухаживания — как привычка, слова успокоения — как снисходительность, желание совместного времяпровождения — как отсутствие собственной полноценной жизни души. Как следствие началась безрадостная рутина.

Нико исчез.

Медленно осколки от взрыва падали на землю, оседала пыль и все приходило в норму — жизнь пошла своим чередом. Боль медленно утихала, грозя уступить место привычной апатии.

***

очень мутна желтая палата — слишком ревностно ревет воздух, наполненный огненным жаром — солнце вошло, стерев все тени, превратив их в испарину на облике вещей — кажется, это знакомая плитка — ровно под краем белой стерилизованной постели — на полстены все еще раскидывается плющ, пряча окаймленную золотом икону богоматери — ночью он представился чудовищем — очень жарко под одеялом, прилипла ткань к ногам — горят ступни — стакан уже опустошен — братик куда-то ушел — вчера, кажется, была мама — как ярко расплываются в сгущенном воздухе черточки под ее глазами! время — возможно, это случилось ровно наоборот — сегодня — крутит в животе, стучит в висках — стены гремят кимвалами — телефон в руке нагрелся — сколько еще будет тянуться это пекло? двигаться тяжело — хочется уснуть, но мысли пресыщены дремой — на подоконник больно смотреть — что там за стеклом? ничего не разглядеть: света слишком много — он пробирается сквозь фигуры, стирая очертания предметов — на столе пасутся оригами в форме бабочки: оставил братик — какой сегодня день? последние тянулись страшно медленно — тяжело дышится, болит и ноет — все случившееся напоминает о себе — опускаются ноги, благодарно принимая холодную разномастную плитку — шумит в теле — нетвердо ощупывает пространство поднятый взгляд — кажется, пол под ногами шатается — все слишком тягостно, будто не покидало сна — опустилась ладонь на стол — неужели это все? и ничего не осталось — кровь перекрикивает мысль — ничего не склеивается в голове, мешаясь с отвращением и утопая в его массиве — в палате очень тихо и как-то слишком заострено — мучительно ясен факт различия с этими железными спинками у кровати, с зашарпанным деревом тумбочки — ручка поддается, и оконная створка отклоняется в сторону — кажется, в ветвях поют птицы, едва пробиваясь сквозь гул в ушах — но если представить себя деревом, глядя на него, можно почувствовать в себе

повсеветочное стремление к солнцу — неоспоримый факт — тикают на тумбочке наручные часы — отсчитывают секунды глупого положения — иронично скрещивают женщины пальцы, иронично разрастается цветок — солнце постепенно сливается с желтыми стенами, раскрывая все новые и новые слепые зоны — стоять все же тяжело, и постель вновь кажется желанной — хочется лечь — проваливается основание опоры — нет сил сопротивляться — горько, несправедливо приходится отступать — однако нельзя остановить мировой океан — он заливает своими сияющими водами палату, съедая угол за углом — нельзя помешать буйству света — влетают сияющие золотом всадники — мелькают огненные стрелы — гремит страшная колесница — звучат возгласы юных отроков — сметаются белые листы — топчут их копыта — в красном тумане гремит древний звон — шелестят воздушные полы платья — оголяется божественная сталь, освященная под первыми кронами — тяжело отмыкаются створки — громче бурлит сгорающая плоть — убегают в бездну пенящиеся шумом воды — горько и тихо текут нерешенные слезы —

***

Ада присела на край постели. Комната явилась ей в каких-то особенно искусственных очертаниях.

Фил остался на улице что-то обсуждать с соседями по подъезду.

В квартире было тихо. Лишь по подоконнику били капли оттепели и сверху слышалось приглушенные звуки какой-то англоязычной песни.

Все вокруг имело какой-то характерный голубой оттенок, цвет февраля в самом своем сером разгаре.

Они приехали от нотариуса.

Ада оперлась ладонями на углы аккуратно заправленной Филом постели и следила за своим дыханием. Хотелось плакать, но она упорно разглядывала свою… их спальню.

В голову лезли привычные мысли, и Ада не обращала на них внимания, просто отпуская. Ей казались глупыми образы, всплывавшие в голове.

Щелкнул замок, послышалось шуршание коврика.

Фил вошел в комнату. На нем все еще был его зеленый плащ.

Подойдя и присев рядом, он заглянул в ее лицо и произнес:

— Что с тобой, Ада?

Она посмотрела на него и слегка улыбнулась. Фил все так же был безлик.

— Я устала, — ответила Ада и добавила про себя как-то очень спокойно: «Я не люблю тебя».

Фил приобнял ее и поцеловал в щеку.

Он начал что-то говорить, наверняка о соседях. Ада не слышала. Ада не слушала.

Она в очередной раз разглядывала трещину на белом потолке. И в этот раз раскол расходился дальше, чем прежде, в стороны, расползаясь по стенам и стекая к полу.

Слышались музыка, слова, проникавшие сквозь толщу стен. Ада с интересом приглядывалась, следя за тем, как разрывается бумажная оболочка дома, окончательно обмякая и проваливаясь куда-то.

Что-то по-английски пела за стеной, но будто бы уже здесь лысая певица.

Это было видение. Перед глазами мелькали линии фраз, произнесенных и написанных кем-то. В них Ада различала свои собственные слова и слова, сказанные другими, знакомые и оставшиеся в памяти. Все было уже впечатано, заполнено неведомой рукой до нее — было вымышленное, придуманное без ее ведома, втайне. Строчки не подчинялись — Ада лишь играла роль. Она являлась только отражением кого-то другого, незнакомого. И от этого в лицо пахнуло ужасом — ужасом отсутствия. Ее жизнь, расколотая на части, проносилась перед глазами стих за стихом, зарождаясь, вырастая из тысячи символов на белых страницах. Откровением буквы шли и шли, пилигримами устремляясь за горизонт. И Ада следила взглядом за переплетавшимися, путающимися перед ней фразами, желая найти суть, стремясь дочитать до конца. Она яростно листала книгу, задаваясь вопросом. Но строки завершались, приближая пропасть последней страницы, прячущуюся за тонкой пеленой. Отодвигая уже пустые, не хранившие ответов обрывки, Ада была вынуждена вглядываться во мрак.

И там, за фрагментами, остатками комнаты виднелось оно. В полной тишине едва-едва, играясь, рождалась мелодия. Что-то жуткое, но прекрасно вечное, чуждое и одновременно безмерно родное вита-

ло в вихрях этого черного водоворота. Оно говорило как в последний раз — шепотом, у самого уха, не называя никакого имени. Оно вызывало желание падения и небытия. Сквозь пустоту, откуда-то изнутри зазывая за грань восторженным кликом и чистыми слезами в обмен на разрушение, спокойно кто-то разрывал слова, уже беспомощными опуская их в воды молчания. Это была жизнь.

Комната опустела. Фил бережно поправлял постель.

Литературно-художественное издание

Текст: Aeyofin
Корректура и вёрстка: Aeyofin
Формат издания: 145x200 мм (60x84/16)
Гарнитура: CharterC, AKONY